

НА

Азимут реформ
продиктован
жизнью

БОЕВОМ ПОСТУ

Для нас
не кончена
война...

Тайна
"Белого стрелка"

ЖУРНАЛ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК МВД РОССИИ

1'98

и.м. 46-582
указ № 0679-87, 39
район № 363-58
СЕКРЕТНО

ПРИКАЗ

ИСТРА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА ССР

СОДЕРЖАНИЕ:

Об издании журнала "На боевом посту"

29 ноября 1957 года

гор. Москва

В соответствии с решением ЦК КПСС от 1 октября года об издании Министерством внутренних дел СССР но-политического журнала "На боевом посту" -

П Р И К А З Ы В А К:

1. Издание журнала возложить на Политическое управ-ление внутренних и конвойных войск МВД СССР.

Начальникам и полторганам внутренних и конвойных войск МВД страны, ГУИТК и УУЗ оказывать всемер-

НАМ 40 ЛЕТ

В январе
1958 года
вышел в свет
первый номер
журнала
"На боевом посту"

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЯМ

**Дорогие друзья,
боевые товарищи, сослуживцы!**

В ваших руках первый номер журнала "На боевом посту", вышедший в 1998 году. Внешне он значительно отличается от книжек, приходивших к подписчикам ранее, но, как и прежде, мы стремимся объективно информировать вас о жизни и деятельности внутренних войск МВД России, рассказывать о проблемах людей в погонах, стоящих на страже правопорядка.

В январе этого года исполнилось 40 лет со дня выхода войскового журнала в свет. Разным он был за эти годы. Менялось оформление, духу времени соответствовало содержание, стиль и язык материалов.

Бывало всякое. Ветераны хорошо помнят взлеты и падения тиража, серьезные оргвыводы за политическую опечатку, дебаты перед выпуском журнала в свободное распространение, споры при создании двух приложений — газеты "Ситуация" и сборника учебно-методических материалов "Войсковой вестник", да и период, когда по причинам, которые сегодня кажутся малоубедительными, почти десять лет (1960-1969 гг.) журнал попросту не выходил.

Время все расставило на свои места. Практика доказала нужность и жизнеспособность нашего центрального войскового издания.

Изменялись внутренние войска, изменялась вместе с ними и редакция. Росло умение журналистов, расширялся круг маститых авторов и начинающих военкоров. Журнал находил свою читательскую аудиторию. С ним познакомились в стране и за рубежом. Особый интерес к нашим публикациям появился с конца 80-х годов.

В этот период внутренние войска переместились в центр общественного внимания. Причины объективны — распадается Советский Союз, разгораются очаги межнациональных конфликтов, нагнетается преступность...

Особой строкой в историю новой России и биографию журнала вошла Чечня... Выполняя конституционный долг, погибали военнослужа-

щие внутренних войск. Не обошла беда и редакцию — из служебной командировки не вернулся наш товарищ Анатолий Ягодин.

Но его сослуживцы и соратники по перу, мои коллеги, добросовестно делали свое дело. Из их материалов вы узнавали правду о войне, как ранее узнавали о Чернобыле, Баку, Фергане, Карабахе...

У редакции юбилей. И все наши помыслы — о том, как остаться с вами, наши читатели, как не растерять старых друзей, завоевать сердца новых.

Да, нам сегодня нелегко. Трудности, которые нынче переживает вся военная пресса, общеизвестны. Но проблемы с бюджетным финансированием, огромная стоимость доставки изданий, немалые цены на бумагу и полиграфические услуги, надеемся, не стали препятствием между нами и вами. Очень надеемся, что с вашей помощью преодолеем их уже в ближайшее время, выстоим и станем популярным, читабельным военным изданием, нужным и понятным солдату и прапорщику, офицеру и генералу, ветерану и предпринимателю, государственному мужу и юноше, начинающему жизнь, — словом, людям, которым небезразлична судьба Отечества и его вооруженных защитников.

Приглашаем вас к сотрудничеству. Будем признательны каждому за предложения, замечания, советы, помощь, чтобы наш журнал стал более интересным и привлекательным.

С уважением —

**главный редактор журнала
полковник Леонид ЛУКИЕНКО,
член-корреспондент
Международной
академии информатизации при ООН**

Содержание

Л.ЛУКИЕНКО

Слово к читателям 1

ИНТЕРВЬЮ НОМЕРА

Л.ШЕВЦОВ:

«Азимут реформ продиктован жизнью» 4
Только осознав главенствующую роль боевой подготовки, ее фундаментальное значение в поддержании высокой боеспособности, мы превратим войска правопорядка в мощную силу.

Рождественское обращение Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II к читателям журнала Внутренних войск «На боевом посту» 9

Благословение на ратный подвиг 10
В Московском округе внутренних войск освящена часовня святого великомученика Георгия Победоносца

НАЗОВЕМ ПОИМЕННО

Б.КАРПОВ
Для нас не кончена война 16

С.КОЛЕСНИКОВ
Улица младшего сына 20

А.ЛЕБЕДЕВ
«Привет из Гудермеса...» 22

А.ЯНКОВСКАЯ
И остаются их имена 24

Твои Герои, Россия
Н.КАМШЕКИН
«Мои войска будут действовать...» . . . 25
Очерк о генерал-майоре Н.В.Скряпнике. Звание Героя России — выше награды нет. Но никому она не в радость, не в утешение, потому что в высочайшем указе есть скорбная приписка — «посмертно»

**ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ВОЕННО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК**

**НА
БОЕВОМ ПОСТУ**

№ 1 ♦ 1998

Издается с 1958 года

УЧРЕДИТЕЛЬ — МВД
России.

ИЗДАТЕЛЬ —
Главное командование
внутренних войск.

111250,
Москва, Е-250,
Красноказарменная улица,
9а.

Адрес редакции:
107120, Москва, Б-120,
Сыромятнический
проезд, 8.
Телефон для справок:
361-81-71.

СЛУЖИМ ОТЕЧЕСТВУ

Династия

В. КРИВЕЦ

Карповы: сто лет в строю 29

Генерал армии И.К.Яковлев:

— Пусть больше у нас будет таких Карповых. И тогда внутренние войска еще будут более стойкими, непобедимыми.

ИСТОКИ

Н. СЫСОЕВ

“Гвардия пролетариата”,
“Крысодав” и другие 35

И. БЕЛИКОВ

Как мы начинали 40

В. ЖУРАВЛЕВ

От журнала до журнала. 45

Ю. ДУРНЕВ

Теперь и горько, и смешно 49

ПРОЗА. ПОЭЗИЯ

И. КОЗЛОВ

Тайна «Белого стрелка» 53

Современный детектив.

Журнальный вариант нового романа Ивана Козлова

— члена Союза писателей России

М. БОРИСОВ

Дымит полевая дорога... (стихи) 72

Е. ЕРХОВ

Мы в сердце горечи не копим... (стихи). 73

КАЛЕЙДОСКОП

Встреча для вас

Г. ШАХОВ

Владимир Березин:

«Мы с журналом — ровесники» 74

«Искренне желаю, чтобы никто и никогда не позволил себе отмахнуться от того, на что журнал обращает внимание»

Шахматный клуб. 77

Сапоги всмятку (сатира, юмор) 78

Кроссворд 80

Главный редактор
ЛУКИЕНКО Л.И.

Редакционная коллегия:

АРТЮХОВ Е.А.
ЕРМИЛОВ А.М.
(зам. главного редактора)
КАРЕВ А.Н.
(ответственный секретарь)
КАРПОВ Б.В.
КИСЛЫЙ Ю.П.
КУДРЯШОВ В.И.
МУЧАК И.Н.
СИМОНОВ А.В.
ШЕРЕМЕТА В.А.

Художественное
оформление
КОПЫЛОВА Э.П.

Верстка
ГЕРАЩЕНКО В.П.,
БАРАНОВА В.А.,
ПЕТРОВОЙ Л.А.

Корректоры
БОГДАНОВА Е.А.,
БУКАТКО В.С.

На 1-й странице обложки
фото
О. СМИРНОВА.

Журнал зарегистрирован в
Министерстве печати
и информации
Российской Федерации.
Регистр. № 01420.
Имеет приложения:
газету «Ситуация»
и сборник учебно-
методических материалов
«Войсковой вестник».

За достоверность информации,
точность фактов, цифр и цитат
ответственность несут авторы.
При перепечатке
материалов ссылка на наш
журнал обязательна.

© Журнал
«На боевом посту», 1998

Сдано в набор 28.11.1997 г. Подписано
к печати 31.12.1997 г. Формат бумаги
80x108 1/16. Печать офсетная. Усл.
печ. л. 8,4.

Уч.-изд. л. 13,6. Зак. №. 2011
Индекс
для индивидуальных подписчиков —
70610
для предприятий и организаций —
73175

Ордена «Знак почета»
типография «Красная звезда».
123826, ГСП, Москва, Д-317,
Хорошевское шоссе, 38.

Фото Александра АЛЕКСАНДРОВА

**Заместитель министра внутренних дел —
главнокомандующий
внутренними войсками МВД России
генерал-полковник Леонтий ШЕВЦОВ:**

«АЗИМУТ РЕФОРМ ПРОДИКТОВАН ЖИЗНЬЮ»

— Товарищ генерал-полковник, без малого полгода миновало со дня вашего назначения на должность главнокомандующего. За это время вы успели побывать во многих частях и соединениях, глубоко изучили их проблемы. Какие выводы, оценки по результатам своей работы в войсках считаете наиболее важными, актуальными?

— Внутренние войска проходят трудный этап развития в новом качестве, становятся войсками в прямом смысле этого слова, полнокровной военной организацией. Прежде всего это касается соединений и частей оперативного назначения. Именно они сегодня призваны стать той силой, на которую можно опереться в трудный час, решая задачи обеспечения внутренней безопасности государства, территориальной целостности Российской Федерации. Однако их подготовка, укомплектованность вооружением и техникой, материальными средствами далеко не в полной мере отвечает требованиям времени. Вызывает серьезную озабоченность недостаточный профессионализм офицеров, слабая обученность солдат и сержантов. Я далек от того, чтобы всех стричь под одну гребенку, но тревожный факт налицо. Не может не беспокоить состояние воинской дисциплины и правопорядка во многих подразделениях. Думаю, все со мной согласятся: с грузом таких проблем трудно продвигаться вперед, добиться успеха в проведении реформ. Поэтому, суммируя все оценки, выводы, учитывая современные требования к организации служебно-боевой деятельности, я стараюсь убедить офицерский корпус: коль стали мы войсковым организмом, надо выработать истинно военный, войсковой менталитет. Нет у нас другого пути.

— Можно откровенный вопрос, товарищ главнокомандующий? С каким настроением вы, армейский генерал, восприняли предложение возглавить войска правопорядка? Долго сомневались перед тем, как дать согласие? Все-таки позади у вас целых тридцать три года службы в Вооруженных Силах, а здесь система МВД, своя специфика...

— Настроение было деловое, ра-

бочее. Особых сомнений не возникало. Я прекрасно знал, что на новом участке службы мне как военному профессионалу не придется кореным образом переучиваться. Ведь современные внутренние войска шагнули далеко вперед в сравнении с тем периодом, когда в кругу их основных задач доминировали охрана ИТК и конвоирование осужденных. Те же оперативные полки, бригады взять — по сути, это легкие мотострелковые части. Мне не раз приходилось с ними работать, причем в нестандартной, боевой обстановке. Как начальник штаба объединенной группировки федеральных сил в Чеченской республике я очень тесно и активно взаимодействовал с Анатолием Сергеевичем Куликовым — нынешним министром внутренних дел, находившимися там генералами и офицерами главка, управлений округов внутренних войск. Кроме того, принимая важное для себя решение, полагал, что в новой должности будет хорошим подспорьем опыт, накопленный в Боснии.

— Являясь заместителем верховного главнокомандующего многонациональными силами по Российскому контингенту войск в Боснии и Герцеговине, вы получили уникальную возможность изучить изнутри работу зарубежных коллег, их систему подготовки к ширококомандной миротворческой операции. Что из этого опыта нам полезно взять на вооружение?

— Не буду говорить обо всей боснийской проблеме, затрону только ее военный аспект. Каковы слагаемые успеха миротворческой акции, проведенной многонациональными силами под эгидой НАТО?

Во-первых, тщательная подготовка операции — не вообще, а с четким мандатом, полученным от политиков.

Во-вторых, забота о том, чтобы войска располагали всем необходимым: планирование процентов на семьдесят касалось тылового обеспечения. Нашим органам снабжения, да и не только им, надо бы здесь завязать прочный узелок на память. Пора перестать относиться к солдату как к разовому изделию!

В-третьих, эффективное использование сил и средств: группировку сколотили настолько мощную и ввели ее в зону конфликта в такие сжатые сроки, что у враждующих сторон исчезла сама мысль о сопротивлении.

В-четвертых, государственные му-

жи позаботились о том, чтобы военнослужащие были надежно защищены в правовом отношении, постоянно чувствовали поддержку со стороны правительств своих стран и средств массовой информации.

— Увы, в Чечне все было с точностью до наоборот. Теперь пожинаем и еще долго будем пожинать горькие плоды. И хорошо, если из случившейся трагедии сумеем извлечь уроки. В связи с этим хотелось бы узнать ваше беспристрастное мнение о действиях внутренних войск в боевой обстановке. По каким темам ратной науки и практики нужно исправлять трюки и неуды, выставленные войной, дабы не повторять старых ошибок, если завтра снова придется идти в поход?

— Воевать по методам армии внутренние войска не готовились. И это не их вина. Как составная часть правоохранительной системы они предназначены для решения других задач. Не было ни теории, ни идеологии применения оперативных и специальных моторизованных частей в такой ситуации. И органы управления, командиры, службы обеспечения действовали, как умели.

Вообще уроки Чечни — тема отдельного разговора. Ограничусь здесь лишь общими выводами — чему учиться и учить подчиненных на случай экстремального развития современной обстановки на Северном Кавказе. Как показал чеченский поход, многие части были слабо подготовлены к проведению операций в населенных пунктах, горной и лесистой местности. Солдаты и сержанты недостаточно обучены действиям в составе штатных подразделений, применению коллективных видов оружия. Командиры не имели навыков управления боевой работой с применением артиллерии и авиации. Эти минусы необходимо в кратчайшие сроки устранить.

Дабы не наступать дважды на одни и те же грабли, мы должны также безотлагательно заняться наладкой механизма взаимодействия. Кстати, недавно этот вопрос ребром поставил Верховный Главнокомандующий, высказав свое недовольство координацией работы силовых структур. Упрек справедлив. Жизнь убедила, что несогласованность и разобщенность в горячей обстановке, слабое оперативное взаимодействие командиров из различных ведомств стали главной проблемой

при выполнении боевых задач.

— На сборах высшего руководящего состава Вооруженных Сил некоторые военачальники, обсуждая эту проблему, даже высказались за то, чтобы переподчинить внутренние войска вкуче с пограничными Министерству обороны. В их предложении есть рациональное зерно?

— В истории внутренней стражи России были периоды, когда она подчинялась военному ведомству. Но времена меняются. Сегодня мы вряд ли сможем успешно выполнять свои задачи без тесной связи с правоохранительными органами. Естественно, в рамках МВД такие вопросы решаются и проще, и эффективнее. А теперь давайте представим, что произойдет с переподчинением войск. Логика подсказывает: сразу же снизится оперативность их применения в обстановке, требующей решительных мер по усилению охраны общественного порядка и общественной безопасности. И еще веский аргумент: у нас отсутствуют правовые основы внутреннего использования армии. Так что я не вижу причин ломать сложившуюся систему. Другое дело — обеспечить четкую координацию действий всех компонентов военной организации государства. Вот куда следовало бы направить творческую энергию в ходе реформирования армии и войск правопорядка.

— В различных политических и общественных кругах, в средствах массовой информации подчас очень своеобразно, мягко говоря, реагируют на преобразования, которые намечены во внутренних войсках. Одни сочувствуют: дескать, до недавнего времени взвешников удавалось убеждать от реформ, но вот назначен новый главком, и "процесс пошел". Другие осуждают: в то время, как армия сокращается, внутренние войска, мол, жируют, раздувая штаты, вовсю накачивают мускулы... Как вы относитесь к таким утверждениям?

— Спокойно. Ибо факты — вещь упрямая. Они, в частности, свидетельствуют: реформа не сегодня началась. Концепция развития внутренних войск разработана пять лет назад. В целом уже выполнены задачи ее первого этапа. То бишь передергивают господа журналисты: "не уберегли" взвешников, направили их по пути реформирования задолго до Шевцова. Говоря же всерь-

ез, следует подчеркнуть главное: процесс пошел, когда назрела объективная необходимость преобразований в системе обеспечения внутренней безопасности государства. Это не прихоть командующего, министра или председателя правительства. Азимут реформ продиктован жизнью, непростыми реалиями экономической и социально-политической обстановки в России. И сегодня мы видим, что при оценке факторов, влияющих на строительство войск, определении основных направлений и перспектив их развития были выбраны правильные ориентиры.

Что касается "раздувания штатов", приведу статистические данные. На 1 января 1992 года внутренние войска насчитывали 403 тысячи человек. Их сегодняшняя численность — 257 тысяч военнослужащих. В 1998-1999 годах планируем сократить еще 37 тысяч. В 1999 году окончательная численность войск составит 220 тысяч человек.

Сокращение, заметьте, тоже концепцией реформирования предусмотрено — с учетом внедрения в экономику рыночных отношений. Мощные федеральные структуры, которым подчинены железнодорожные коммуникации, предприятия оборонного комплекса, меняют форму собственности, проводят конверсию, заключают контракты с иностранными фирмами. На их счетах — астрономические суммы. Содержать собственный штат сторожей — не в убыток. Ан нет, наши караулы как охраняли, так и охраняют объекты, утратившие государственное значение. И держава платит. За войсковую охрану цехов, штампующих сковороды и самовары! Другой пример. Министерство путей сообщения доверяет стеречь мост через Волгу тете Маше с карабином. И с зарплатой у нее все в порядке. А почему точно такой же мост на БАМе или Восточно-Сибирской железной дороге охраняет солдат внутренних войск? И терпит, горемычный, лишения по причине скудости государственной казны.

Несложно развеять и миф о том, как "взвэшники жируют". В минувшем году основные направления служебно-боевой деятельности были обеспечены минимально необходимым финансированием. Только в сентябре удалось погасить задолженность перед личным составом по денежному довольствию и заработной плате. Притча во языцех — жилищная проблема. Каждая четвертая

семья офицера и прапорщика не имеет собственной крыши над головой. Так же остро стоит вопрос расквартирования войск, в первую очередь частей оперативного назначения. До норм положенности размещения военнослужащих недостает 28,5 тысячи квадратных метров спальных помещений. Из конвоя выросли полки, бригады, дивизии, которым необходим полный комплекс объектов жизнедеятельности и обучения. На поверку же оказалось: типовых военных городков во внутренних войсках — единицы. Войска обустроены намного хуже армии, особенно в Северо-Кавказском регионе.

— Товарищ главнокомандующий, как будет выполняться программа реформ в ближайшей перспективе?

— Планируем в течение двух лет освободить войска от функций конвоирования осужденных и лиц, заключенных под стражу, охраны сооружений на коммуникациях, а также предприятий, утративших статус объектов государственной важности. Это повлечет за собой серьезные преобразования во многих соединениях и частях. Соответствующие реформы будут проведены и в органах управления. Сокращение войск, оптимизация оргштатной структуры даст возможность сосредоточить усилия на ключевых направлениях служебно-боевой деятельности, укрепить наиболее важные войсковые звенья.

Определяя приоритеты, исходим из того, что на современном этапе самостоятельное значение в России приобретает проблема обеспечения внутренней безопасности — предотвращение и пресечение вооруженных конфликтов, действий, направленных против целостности государства, разоружение незаконных формирований. Эти задачи стоят перед всеми внутренними войсками. Однако основная нагрузка в критических условиях, как уже отмечал, ложится на оперативные части. Им сейчас — главное внимание. В интересах повышения боеспособности нами приняты срочные меры. Недавно во всех частях и соединениях оперативного назначения созданы так называемые батальоны первоочередной готовности. Они полностью укомплектованы вооружением и техникой, усилены артиллерией, подразделениями боевого, технического, тылового обеспечения и способны через два-три часа после

получения задачи выдвигаться в район, где возникла конфликтная ситуация. Проведен комплекс мероприятий по всесторонней подготовке этих подразделений быстрого реагирования. В новом году данную работу необходимо продолжить. Учитывая криминогенную обстановку в стране, будем также постоянно заботиться о повышении боеготовности частей, на которые возложены задачи по охране общественного порядка, охране и обороне важных государственных объектов, разоружению и ликвидации организованных преступных групп, пресечению террористических актов.

Поскольку меняются структура, роль, предназначение внутренних войск, приоритет в их повседневной деятельности будет отдан боевой подготовке.

Отсюда вытекает требование: каждому офицеру учиться лично и в полном объеме выполнять должностные обязанности по обучению подчиненных. И те, кто продолжит служить по старинке, не будет повышать свой профессиональный уровень, освободят должности более энергичным командирам, правильно понимающим свое главное предназначение.

Говорил много раз и еще раз подчеркнул: только осознав главенствующую роль боевой учебы, ее фундаментальное значение в поддержании высокой боеспособности, мы превратим войска правопорядка в мощную силу. Сумеет, как требует закон, защитить интересы личности, общества и государства от преступных посягательств в любой обстановке, на любом угрожаемом направлении, в границах Российской Федерации.

— Сегодня главным источником угрозы внутренней безопасности России является крайне тревожная ситуация вокруг Чечни. Несмотря на то, что границу с мятежной республикой прикрывают части временной оперативной группировки, остановить бандитскую агрессию (будем называть вещи своими именами) пока не удается. Какие меры, на ваш взгляд, необходимо принять в зоне особого внимания для того, чтобы прекратить беспредел, защитить людей?

— Оперативная группировка является серьезным препятствием мас-

совому терроризму и бандитизму. Но вся сложность в том, что федеральные силы в районах, граничащих с Чечней, сосредоточены временно, их статус отражен в самом названии группировки. Пункты постоянного базирования большинства частей Северо-Кавказского округа внутренних войск находятся на значительном удалении от тревожного кордона. Это обстоятельство оказывает резко отрицательное психологическое воздействие на местных жителей, не знающих покоя ни днем ни ночью. Порождает у людей чувство безысходности, неуверенность в завтрашнем дне. И как не понять их? Маленькие заставы и КПП на дорогах не в состоянии поставить заслон всем преступникам, которые находят множество лазеек между нашими "блокадами". То есть люди даже рядом с боевыми постами не чувствуют себя в полной безопасности. Оттого и покидают насиженные гнезда, спасая себя и своих детей. Ана пустыющих мест укореняются новые хозяева. Идет ползучее вторжение в Ставропольский край, на другие территории, прилегающие к Чеченской республике.

Как остановить беспредел, защитить жизненно важные державные интересы в регионе? Прежде всего войска должны получить от государства карт-бланш на жесткие действия, адекватные складывающейся обстановке. Все безобразия на границе с Чечней чаще всего происходят ночью. Значит, надо запретить или резко ограничить движение автотранспорта с наступлением темноты. Будет криминогенная обстановка и дальше обостряться — придать многоотрадачным районам статус приграничных, а в случае резкого ухудшения ситуации я не исключаю введение чрезвычайного положения.

Следует использовать и другие способы противодействия криминальному разгулу. Вспомним историю освоения Кавказа при Ермолове. Продвигаясь вперед, рассеивая скопища разбойников, промышлявших набегами и грабежами, русские войска ставили крепости, казаки — станицы, садились прочно, основательно. За ними тянулся народ. Мы, военные, тоже пришли в зону особого внимания не на год и не на два. На десятилетия! Стало быть, к обустройству войск должны подходить с капитальных позиций, толково продумать систему дислокации частей. И здесь, скажу прямо, очень многое

от командования зависит. Когда народ бежит, непростительно нам сидеть сложа руки, уповая на решение верхов. Проявлять инициативу, советовать, подсказывать, где, по нашим расчетам, следует наращивать силы, — вот достойная государственная позиция. Увидят люди, что войска рядом, прочно закрепились, служивые хорошо обустроены, обучены, бдят денно и нощно, — все страхи уйдут в область воспоминаний.

Как уже сообщалось в печати, по Курскому району, имеющему границу с Чечней протяженностью 114 километров по суше и 20 — по Тереку, такое решение принято. По просьбам местных жителей вместо батальона здесь будет полк численностью в полторы тысячи человек.

— Леонтий Павлович, а не постигнет ли вновь формируемый полк участь многоотрадальной 101-й бригады? При нынешнем порядке (вернее, беспорядке) финансирования и материально-обеспечения поневоле станешь пессимистом...

— Давайте все же смотреть в будущее с оптимистических позиций. При желании можно найти выход из самого глухого тупика. В том числе и финансового. Вот и сейчас будем максимально использовать все возможности, резервы для обустройства личного состава полка, организации плановой боевой учебы и службы. Мы просто не имеем права дублировать ошибки, допущенные при комплектовании и размещении 101-й бригады после вывода ее из Чечни.

К слову, военнослужащие этой части, хлебнувшие лиха в изодранных палатках, скоро переедут в казармы. Сейчас идет процесс реформирования БРОН. Штат офицеров укомплектуем только после переаттестации. Иным будет и подход к решению материально-технических, финансовых проблем бригады.

Спору нет, в бедственное положение 101-я попала в силу объективных причин. Но ими ни в коем случае нельзя оправдать бездействие должностных лиц, отвечающих за дисциплину и морально-психологическое состояние подчиненных. Поверьте моему многолетнему служебному опыту — и в полевых условиях можно поддерживать воинский порядок. Было бы стремление работать. К сожалению, у многих офицеров бригады оно атрофировалось, уступив место апатии и равнодушию. В подразделениях перестали проводить занятия, напрочь забыли о

культурно-досуговых мероприятиях. Махнули рукой на подчиненных. Круглые сутки солдаты в палаточном лагере были предоставлены самим себе. И как на поле, за которым перестали ухаживать нерадивые хозяева, в бригаде буйным цветом зацвели сорняки. Сорняки неуставщины. Теперь вот пропалываем, освобождаем здоровые ростки.

— Бескомпромиссная борьба с неуставщиной — один из главных тезисов ваших бесед с офицерами, выступлений на служебных совещаниях. Как переломить негативную ситуацию в частях, искоренить это зло?

— Вспомним, чему учили классики. Надо найти то звено, ухватившись за которое, можно вытащить всю цепь. В данном случае таким звеном является воинский коллектив подразделения. Туда, где царит здоровая моральная атмосфера, где прочны узы войскового товарищества, бацилла неуставщины никогда не проникнет. Вопрос: как создать такой микроклимат? Для этого надо хорошо владеть обстановкой, знать истинное положение дел в солдатской среде. У нас же командиры, начальники и их заместители сплошь и рядом игнорируют этот принцип управленческой и воспитательной работы. А потом удивляются, почему не дают результатов грозные приказы и распоряжения по фактам правонарушений и преступлений, проходящих вхолостую мероприятия по укреплению дисциплины и уставного порядка. Да потому и результат нулевой, что многие должностные лица в частях, подразделениях командуют и руководят "приблизительно", с людьми конкретно не работают, не реагируют своевременно на тревожные процессы, происходящие в подчиненных коллективах.

Знаете, на флоте есть хорошая традиция. Каждое утро командир обходит свой корабль. Проверяет службу, порядок, беседует с подчиненными. Всегда в курсе всех событий на боевом судне. Вот и нам надо за правило взять — пусть не ежедневно, хотя бы раз в неделю проводить детальный осмотр своего хозяйства и требовать того же от замов, офицеров низовых звеньев. А то ведь некоторые руководители в погоне превратились в кабинетных чиновников. Забыли дорогу в казарму, в солдатскую столовую, считают ниже своего достоинства поговорить по душам с бойцом.

Хуже того, многие должностные

лица не видят пагубного воздействия неуставных взаимоотношений, не дают им принципиальной оценки. Между тем каждое седьмое преступление происходит именно на почве неуставщины. Но преступления — это только вершина айсберга. Полную картину безысходности и страха ощущаешь, читая письма, жалобы и заявления солдатских матерей.

Прискорбно, но факт: занимают неактивную позицию, проявляют непрестительную беззубость и некомпетентность в борьбе с неуставщиной органы управления Главкомата, округов и соединений. Приведу только один пример. В 101-й бригаде “погостили”, другое выражение подобрать затрудняюсь, десятки авторитетных комиссий, но никто не смог обнаружить вопиющих фактов глумлений и издевательств над солдатами, хотя поступали тревожные сигналы о неблагоприятном положении в этом воинском коллективе.

Причина тут одна: многие управленцы за отчетом, справкой перестали видеть живого человека. Там, где нужно оказать реальную помощь, повлиять на людей, отделяются общими указаниями. К воспитательным мероприятиям относятся как к досадной обузе.

Считаю своим долгом напомнить: работа по воспитанию личного состава, укреплению воинской дисциплины — не дополнительная нагрузка, а важнейшая часть управленческой деятельности, выполнения должностных обязанностей.

— Знакомая с частями и соединениями войск, вы вникаете в детали бытоустройства, организации учебы, службы, проверяете знания и навыки технических специалистов. Чем объясняется ваше пристальное внимание к вопросам, которыми должны заниматься офицеры тактических звеньев?

— Нам всем надо понять, что работа в войсках — это работа в низовом звене: роте, батарее, эскадрилье. К сожалению, у многих командиров, представителей управленческих структур, повторяю, сложился кабинетный стиль руководящей и контрольно-проверочной деятельности.

Рисую типичную картину. Приезжают управленцы в часть и первым делом спешат в штаб, заслушивают

командира, его заместителей, начальников служб. Те долго и складно рассказывают, как здорово они командуют и руководят. Затем — обед, перекур 2-3 часа. Глядишь — и ужинать пора. Какие там подразделения? Успеть бы справки собрать. Пагубные последствия такой, с позволения сказать, “методы” у всех на виду. Говорят, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Будем считать эту аксиому одним из определяющих требований к работе руководящих кадров, всех офицеров.

Я назвал лишь несколько факторов успеха. А конечный результат определяется отношением офицера к службе, к людям. Его качествами командира, военного специалиста, воспитателя.

При изучении обстановки в соединениях и частях первоочередное внимание уделять низовым звеньям. Полное, объективное представление о состоянии дел в них можно получить, лишь увидев все своими глазами, сделав собственные выводы. Помнить: здесь нет мелочей. Не жалеть ног при обходе ротного, батальонного, полкового хозяйства, включая объекты, обеспечивающие жизнедеятельность и обучение личного состава.

— Товарищ главкомандующий, какие качества вы цените в современном офицере?

— Высокий профессионализм, умение в сложной обстановке принять целесообразное решение, готовность взять за него всю полноту ответственности. Желание и стремление в нынешнее сложное время посвятить себя служению Отечеству. “В службе — честь” — этот наиглавнейший завет основателя русской армии Петра Великого должен войти в плоть и кровь современного российского офицерства.

— Выступая перед курсантами Владикавказского училища, вы подчеркнули, что дело чести каждого выпускника — нацелить себя на долгую службу в войсках. А сами, надев лейтенантские погоны, каким видели свое будущее?

— Подчеркнул это не случайно. Перспектива получения юридического диплома, чего там скрывать, дезориентирует некоторых выпускников, порождает у них розовые ил-

люзии. Надо разъяснять будущим командирам, что приобретенные ими юридические знания носят только вспомогательный характер. В войсковых вузах мы готовим офицеров, а не юристконсультов для коммерческих структур.

О себе скажу: надев погоны, свое будущее связывал только с военной службой. Хотя с продвижением было очень сложно. После сокращения армии начался период кадрового застоя. В части, куда попал по распределению, взводами командовали офицеры, прослужившие на этой должности по 12-15 лет. В плане профессиональной подготовки — стоящие асы. В таких условиях вырасти до ротного, комбата было делом мечтаний. Со временем процесс пошел веселее. Ну а сейчас у выпускников — огромные перспективы служебного роста.

— Вопрос на “десерт”, Леонтий Павлович. У одного генерала журналист спросил: как вы проводите свой досуг? “Играю в карты, — отвечает. — В штабные”. А чем увлекаетесь вы в свободное от службы время, которого у главкомандующего внутренними войсками в период реформ, можно догадаться, совсем немного?

— Несмотря на большую загруженность, выкраиваю время для чтения. В день — 30-50 страниц. Это минимум. Сейчас читаю “Кавказскую войну” генерала Потто. Очень интересно и поучительно.

— Спасибо за откровенный разговор, за внимание к журналу.

— Спасибо и вам. Пользуясь случаем, хочу пожелать читателям журнала “На боевом посту”, всем военнослужащим удачи в новом году. Уверен, общими усилиями мы преодолеем трудности, сохраним и укрепим боеготовность войск.

**Беседу вел
полковник
Юрий КИСЛЫЙ**

РОЖДЕСТВЕНСКОЕ ОБРАЩЕНИЕ к читателям журнала Внутренних войск "На боевом посту"

Поздравляю вас со светлыми днями Великих праздников Рождества Христова, Богоявления и Новолетием благодати Божией. "Велия благочестия тайна: Бог явился во плоти!" (1 Тим. 3, 16). Вот уже двадцать столетий светит Свет во тьме, явившись в мир Рождеством Спасителя Бога, и зовет каждого из нас от смерти в жизнь, от тьмы к свету, от ненависти к любви, от земли к Небу. Богомладенец Христос явился в мир, чтобы понести на Себе всю тяжесть человеческой жизни, все последствия человеческого отступления от Бога. Он явился, чтобы в жестоком мире явить своим рождением и жизнью, и смертью проповедь любви.

Ненависть, порожденная гордыней, толкает мир к войнам, насилию, несправедливости. Вы, воины отечества нашего, призваны отстаивать землю нашу, воинствуя за доброту, милосердие и любовь. И Господь зовет нас к бесстрашию пред всеми силами зла и вдохновляет любовью благодатной побеждать их, преображая нашу жизнь, полную скорбей и смятения. Мужайтесь, стойте в вере, будьте тверды и непоколебимы, ибо служение ваше свято. Наши предки в молебном песнопении перед битвой с врагами с верою взывали: "Не на лук наш уповаем, не оружие спасет нас, Господи, но Твоя всемогущая помощи просим, и на Твою силу дерзающе, на враги наши ополчаемся...".

Молитвенная жизнь сопутствует воинам Внутренних войск и в наши дни, когда освящены часовня святого великомученика Георгия Победоносца на территории военного городка Московского округа внутренних войск и часовня в Академии Управления МВД, когда православный священник, идущий к воинам с проповедью, духовной помощью и заботой, желанный и частый гость.

С праздниками поздравляю вас, мои дорогие, и призываю благословение Господне на ваш ратный подвиг.

ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ

БЛАГОСЛОВЕНИЕ НА РАТНЫЙ ПОДВИГ

В ноябре прошлого года глава Русской православной церкви Патриарх Московский и Всея Руси Алексей II совершил обряд освящения часовни святого великомученика Георгия Победоносца, которая была возведена на территории военного городка Московского округа внутренних войск. На торжественной церемонии присутствовали министр внутренних дел генерал армии А.Куликов, главнокомандующий внутренними войсками генерал-полковник Л.Шевцов, многочисленные гости. Обращаясь к воинам, Патриарх назвал их службу священной. Ведь главная задача войск — недопущение внутренних распри, поддержание спокойствия и целостности земли нашей.

**Александр
ЛЕБЕДЕВ**

Фото Владимира НИКОЛАЙЧУКА

Главному редактору журнала "На боевом посту"

От всей души поздравляю коллектив журнала внутренних войск МВД России "На боевом посту" с 40-летием со дня выхода в свет первого номера.

В условиях непростых преобразований он вносит свой вклад в формирование и пропаганду новых правовых отношений, в дело укрепления конституционного строя Российской Федерации, развитие демократического государства. Сотрудники журнала честно и оперативно информируют читателей о реформе внутренних войск, действиях воинов правопорядка в разных регионах страны. Желаю работникам журнала дальнейших успехов в труде на благо России. С уважением —

*заместитель председателя
Государственной Думы
Российской Федерации А.ЧИЛИНГАРОВ*

**Редакционной
коллекции,
коллективу
редакции
журнала "На
боевом посту"**

Сердечно поздравляю коллектив редакции, авторский актив журнала с 40-летием со дня выхода в свет

его первого номера.

Путь журнала за сорок лет — своего рода боевая летопись внутренних войск, их развития, совершенствования служебно-боевой деятельности. Он воспитывает личный состав в духе верности народу, Долгу и Присяге. Журнал отличает высокое чувство патриотизма.

Сорокалетие журнала — это серьезный ру-

беж, с высоты которого творческому коллективу редакции важно осмыслить происходящие во внутренних войсках процессы, новые задачи, стоящие перед нами на нынешнем, чрезвычайно сложном этапе государственного строительства.

Роль прессы в решении этих вопросов крайне важна. И особенно — роль военной прессы, без которой немыслимо нравственное совершенствование военнослужащих, их готовность к подвигу во имя Родины.

От всей души желаю сотрудникам журнала крепкого здоровья, больших творческих удач на вашем боевом посту.

*Министр внутренних дел
Российской Федерации
генерал армии А.КУЛИКОВ*

**Коллективу
редакции
журнала
"На боевом
посту"**

От всей души поздравляю коллектив редакции журнала внутренних войск МВД Российской Федерации "На боевом посту" с 40-летием со дня выхода в

свет первого номера журнала.

Сегодня, когда нашему Отечеству требуются преданные России, своему долгу и делу люди, журнал вносит свой вклад в дело воспитания воинов правопорядка, в совершенствование практики обучения личного состава внутренних войск.

Желаю всем сотрудникам журнала "На боевом посту" крепкого здоровья, высокого творческого журналистского потенциала, новых успехов в нелегком труде на благо нашей Родины.

*Государственный военный инспектор
Российской Федерации —
секретарь Совета обороны
Российской Федерации
А.КОКОШИН*

НАС ПОЗДРАВЛЯЮТ

Редакционной коллегии, коллективу редакции журнала "На боевом посту"

Боевые друзья!
В день славной даты — 40-летия со дня выхода в свет первого номера журнала "На боевом посту" — примите мои самые горячие, сердечные поздравле-

ния.

Труд журналистов почетен, нелегок. Военные корреспонденты постоянно вникают в жизнь войск, правдиво отображают ратные дела солдат и офицеров внутренних войск. Освещая нашу главную задачу — боевую учебу, работу по укреплению воинской дисциплины, искоренению неуставных взаимоотношений, вы вносите большой вклад в воспитание личного состава, в мобилизацию его на добросовестное служение Отечеству.

Искренне желаю сотрудникам редакции крепкого здоровья, творческих успехов.

*Заместитель министра —
главнокомандующий
внутренними войсками МВД России
генерал-полковник Л.ШЕВЦОВ*

Редакционному коллективу журнала "На боевом посту"

Дорогие коллеги!

Союз журналистов России сердечно поздравляет вас с 40-летием со дня выхода в свет первого номера журнала "На боевом посту". Все эти годы вы своим творчеством и работой служите своему читателю — солдатам и офицерам внутренних войск МВД России. С ними вы делите тяготы и лишения. Ваши очерки, статьи и корреспонденции служат благому делу — защите Отечества! Сорок лет — срок немалый, и вами много сделано. Впереди у вас еще долгие годы творчества. Желаем вам успехов и новых достижений в нелегком журналистском труде.

*Председатель Союза журналистов России
В. БОГДАНОВ*

Редакционному коллективу журнала "На боевом посту"

Уважаемые коллеги!

От имени Союза журналистов Москвы поздравляю авторов и читателей журнала внутренних войск "На боевом посту" с 40-летием журнала. Сорок лет вы работаете над воспитанием молодых воинов, пишете о нелегких буднях солдат правопорядка. Все эти годы, рассказывая о внутренних войсках, вы писали их историю. В блокнотах ваших корреспондентов остались Нагорный Карабах, Северная Осетия, Ингушетия и, наконец, Чечня. Этот путь вы прошли вместе с войсками, с ними несли и боевые потери.

В этот день разрешите пожелать вам новых журналистских удач, творческих успехов и любви ваших читателей.

*Председатель
Союза журналистов Москвы
П.ГУСЕВ*

Главному редактору журнала "На боевом посту" полковнику ЛУКИЕНКО Л.И.

Уважаемый Леонид Иванович!

От всей души поздравляем вас и ваших коллег со знаменательной датой — 40-летием со дня основания журнала "На боевом посту". Все это время сотрудники издания вели летопись жизни и службы внутренних войск, ярко и правдиво рассказывали читателям о нелегких, полных опасностей буднях солдат правопорядка. И в том, что, несмотря на все трудности нынешнего времени, "краповые берететы" остаются гарантом надежности и стабильности, с честью выполняют поставленные задачи, есть и огромная ваша заслуга, уважаемые коллеги по перу!
Желаем всем вам крепкого здоровья, семейного счастья, а также творческих удач, оптимизма и твердой уверенности в том, что ваш труд — во благо Отечеству.

С искренним уважением —

*от коллектива редакции
главный редактор газеты "Красная звезда"
капитан I ранга В.ЧУПАХИН*

НАС ПОЗДРАВЛЯЮТ

Редакционному коллективу журнала внутренних войск "На боевом посту"

Уважаемые товарищи!

Союз писателей России сердечно поздравляет редакционный коллектив военно-публицистического и литературно-художественного журнала внутренних войск с 40-летием со дня выхода в свет его первого номера. Желаем творческому коллективу и впредь быть на высоте своего предназначения, помогать российскому солдату с честью выполнять святой долг по защите интересов Отечества.

*Первый секретарь правления
СП Российской Федерации
И. ЛЯПИН*

Коллективу редакции журнала внутренних войск МВД РФ "На боевом посту"

Уважаемые коллеги, боевые друзья! Сорок лет — возраст творческого расцвета. За эти годы вы и журналисты прошлых лет побывали во всех горячих точках страны. Вам приходилось работать на передовой, в боевых порядках войск. Ваши очерки и корреспонденции словно пропитаны порохом и солдатским потом. Труд журналистов уникального издания, каковым является ваш журнал, сродни ратному. Желаем вам и дальше оставаться на боевом посту, работать на защиту и укрепление державы.

*От имени управления информации и общественных связей МВД России
генерал-майор А. ЧЕРНЕНКО*

Редакции журнала внутренних войск МВД РФ "На боевом посту"

Уважаемые коллеги!

От имени редакции газеты "Труд" сердечно поздравляю вас с 40-летием выхода в свет первого номера журнала. Судьба распорядилась так, что имя журнала "На боевом посту" звучит и в мирное время актуально. Ваш журналистский боевой пост нынче очень труден, порой смертельно опасен, как и многое, чем заняты внутрен-

ние войска России. В этом не раз убеждались и корреспонденты "Труда", которые вместе с вами проходили в последние годы дорогами Северной Осетии, Ингушетии, Чечни.

Верим, вы ни при каких обстоятельствах не сдадите свой пост. Желаю вам, дорогие коллеги, мужества, стойкости и новых творческих успехов.

С уважением —

*главный редактор газеты "Труд"
А. ПОТАПОВ*

Коллективу ежемесячного военно-публицистического и литературно-художественного журнала внутренних войск "На боевом посту"

Дорогие друзья, уважаемые коллеги! В радостный день сорокалетнего юбилея вашего прекрасного издания шлем вам братский горячий журналистский привет. С позиций старшего по летам ("Пограничнику" в прошлом году стукнуло аж 90!) уверяю вас, что 40 лет — это не возраст. И хотя за плечами у вас много профессиональных побед, снискавших журналу популярность и высокий авторитет в мире военной печати, уверяю, что главное, друзья, у вас впереди. Не за горами двадцать первое тысячелетие, в которое "На боевом посту" войдет с новыми журналистскими материалами — интересными очерками, корреспонденциями и статьями о жизни и героях внутренних войск России. От души желаем, чтобы перо каждого из ваших авторов было золотым. Со своей стороны, всегда рады оказать братскую помощь и "блеснуть" своими перьями на ваших страницах: ведь доброй традицией между нашими изданиями стал обмен рубриками "У нас в гостях..." — в "На боевом посту" гостит "Пограничник", а в "Пограничнике" частый и всегда желанный гость — ваш журнал. Надеемся на продолжение и развитие этих братских связей в будущем веке!

Желаем всем вам здоровья, личного и семейного счастья и большой читательской любви!

*Главный редактор
полковник А. МАКСИМОВ.*

НАС ПОЗДРАВЛЯЮТ

От всего сердца поздравляю коллектив журнала "На боевом посту" с сорокалетием. Желаю всем радости, счастья и самых высоких творческих успехов в вашем благородном деле

А. Тахмушова

Всех юбиляров-журналистов поздравляю с сорокалетием, С Новым Годом и желаю огромного вдохновения, счастья и успехов

Александр Рубин

Дорогим друзьям журнала Внутренних войск МВД "На боевом посту". Счастье сознавать, что мы, каждый в своем, делаем одно дело на благо России. Удачи вам!

Александр

Журнал "На боевом посту" от души поздравляю с сорокалетием и желаю всяческих успехов: интересных материалов, талантливых авторов, благодарных читателей, внимательных и заботливых руководителей. И пусть все это послужит достижению новых высот!

С глубоким уважением ваш сорокалетний и все телевидение России (РТР)

Владимир Березин

НАЗОВЕМ ПОИМЕННО

Заметки военного публициста

ДЛЯ НАС

НЕ
КОНЧЕНА
ВОЙНА

96 7 23

Фото Бориса КАРПОВА

НАЗОВЕМ ПОИМЕННО

Помню, как однажды трехзвездный генерал потребовал от войсковых журналистов приговорно-коротко: "Хватит карабахских мемуаров!" Воспринял я то указание как плевок в душу, как печально знаменитую оскорбительную реплику: "Я вас в Карабах не посылал!" (Более ранний вариант — "Я вас в Афганистан не посылал!" Вариант сегодняшней — "Я вас в Чечню не посылал!" Подлость — живучая зараза.)

Карабах стал уже ближним зарубежьем, уже ушли оттуда части и подразделения Советской Армии и внутренних войск союзного МВД. Другие горячие точки жгли уже тело России — массовые беспорядки случились в Нальчике, вспыхнул вооруженный конфликт между Северной Осетией и Ингушетией...

А вспомнилась та давняя неприятная история потому, что и нынче кое-кто доброжелательно советует поберечь нервы и поскорее забыть чеченскую войну, а кое-кто настоятельно рекомендует потратить журналистские силы либо на комплиментарные материалы во славу войск, либо на триллеры-развлекалочки с "кавказскими острыми приправами".

Спору нет, война — наркотик, привыкание к нему опасно даже для собственного самочувствия. Прошла война, и надо переключаться на проблемы сегодняшнего дня, на служебно-боевую деятельность войск в мирное время. Надо думать о живых, рассказывать о них, приободрять их в нелегком ратном служении. Войска запутались в проблемах (демографическо-мобилизационных, кадровых, финансовых, жилищных и пр., и пр.), требуют совершенствования процессы обучения и воспитания. Надо сдерживать накат со

стороны псевдодемократов и разномастных "защитников прав человека", пацифистов, "разоруженцев", которые видят у военных лишь их "проколы", лишь негативные явления в повседневной жизни войск, охаивают все, связанное со службой. От этой публики не приходится ждать ни конкретной помощи, ни сострадания, ни сочувствия.

И все же речь поведу сегодня опять о войне, о ранах, ею нанесенных...

Чечня осела в душе горячим еще пеплом. Сейчас, когда собираемся с друзьями-товарищами, произносим нередко чьи-то незамысловатые строки:

*Кто воевал, имеет право
У тихой речки посидеть...*

Сидели прошлым летом на берегу Кишмы. Речушка эта течет неспешно и неслышно мимо леса, что стоит стеной на противоположном мягко-пологом берегу. Августовское солнце занавешено кисеей облачков — потому нежарко, несмотря на послеполуденное время. Здесь, в небольшом городке Ворсма, родился и вырос Толя Ягодин, наш друг и коллега, военный корреспондент и поэт, погибший в Чечне. С майором Геннадием Шаховым мы привезли родным и близким, землякам только что вышедшую Толину книжку с последней его фронтовой фотографией на обложке и кроваво-красной оборванной строкой заголовка — "Если б выжить мне довелось..."

Ему не довелось. А мы вот сидим, вспоминаем. Вадим, брат Толика, его соседи по улице, одноклассники, друзья детства Гера, Толик, Андрей, Серега. Была гитара, еще была, как положено, водка с летней огородной закуской. Умиротворенно сидели, душевно поминали Толю, поднимали третий тост. Дружью-земляки пели песни, которые совсем недавно он пел на этом бережочке, вот на этом самом месте, где мы расстелили газе-

ту-самобранку в заросшей травой мягкой ложбинке.

У тихой речки хорошо вспоминается. И не хочется, чтобы эти воспоминания канули в реку под названием Лета, чтобы ушли в небытие. А то уже по адресу наших солдат вслед за “прокляты и убиты” раздается “прокляты и забыты”, и те, кто это заявляет, берут на себя смелость говорить пафосно от лица фронтовиков. Мы, дескать, имеем на то право, потому что были на войне, даже ранены. Это похоже на публичную демонстрацию своих увечий спившимися, полубезумными калеками-попросайками, чьи совесть и стыд подавляются душевным эксгибиционизмом. Подают и этим сердобольные...

На момент сдачи этого материала в номер в списке безвозвратных потерь внутренних войск МВД России за период чеченской войны значилось 1168 (одна тысяча сто шестьдесят восемь) фамилий. Наши войска никогда не скрывали своих потерь. С самого начала боевых действий газета “Ситуация” вела рубрику “Они погибли в Чечне”, наши погибшие товарищи были названы поименно в хронике событий на страницах журнала “На боевом посту”. Именно наша редакция передала мартиролог в газеты “Труд” и “Щит и меч” для опубликования. Этим же списком завершается и книга “ВВ: кавказский крест”. Хлопотную и кропотливую работу по составлению и уточнению списка погибших ведет наш коллега капитан Сергей Колесников. Военный журналист, сам не раз бывавший в Чечне, видевший собственными глазами и жертвы этой войны, и матерей, разыскивающих своих сыновей,

взялся за работу по подготовке Книги памяти внутренних войск. Дело это безумно трудное физически и морально, мы доведем до конца, чего бы это ни стоило.

Скорбный список выверяется многократно. Трижды, к нашей великой радости, из него вычеркивались солдатские фамилии — рядовые Михаил Евдокимов, Алексей Коробейников и Александр Кулешов оказались живыми. По какому-то недоразумению, по чьей-то оплошности в боевой горячке посчитали солдат погибшими, а они выжили всем смертям назло. И слава Богу!

Куда горше, когда приходится черным списком пополнять новыми именами. Без вести пропавшие, неопознанные, числящиеся в чеченском плену переходят в другую, самую трагическую категорию — ПАВШИЕ. Их имена высекаются на гранитных плитах, чтобы помнили потомки. И нечего рассуждать, какая война выпала на их долю, пришлось на их ратную службу. Они — солдаты Отечества. И вечная им память!

Как-то в редакционной почте оказалось письмо, которое нас огорчило, опечалило. Нельзя в этом случае сказать — рассердило, поскольку не имеем мы права сердчать на слова, высказанные отцом погибшего солдата. Он отказался прислать нам фотографию сына и сведения о нем, сочтя, что для нас собирание таких материалов — лишь обыденная работа, пустая формальность. Отец солдата высказывал, совершенно, по-моему, правильно, свой гнев в адрес “мафиозных структур, виновных в этой бойне”. Но закончил свое короткое письмо словами: “А наши дети и без вашей помощи останутся с нами навсегда”. Не так

обстоит дело, уважаемый Вячеслав Васильевич! Мы не претендуем на вашу, родительскую память о сыновьях, не хотим трогать сокровенное в ваших сердцах. Но у нас тоже есть сердца. Сыновья ваши — это наши боевые товарищи, память о которых обязаны хранить и мы тоже. А чтобы она, эта память, жила в поколениях, мы должны, мы стремимся написать о ваших сыновьях в газетах, журналах, книгах.

Справедливости ради надо сказать, что большинство родных и близких, сослуживцев и земляков с пониманием относятся к созданию Книги памяти, помогают в подготовке публикаций о погибших воинах. Особая наша благодарность за тесное сотрудничество — Анне Ивановне Пясецкой. В Чечне у нее погиб сын, десантник. Выстоять в горе помогли подруги по Комитету солдатских матерей. Анна Ивановна решила участвовать в розыске без вести пропавших, помогать в опознании останков погибших российских воинов, до сих пор находящихся в печально знаменитой судебно-медицинской лаборатории № 124. Много раз ездила эта женщина-подвижница в Чечню, в Моздок, в Ростов. Бескорыстно, по зову раненой материнской души. Цель — отыскать всех солдат до единого, сделать все, чтобы их помнили.

Служебная обязанность стала делом чести для подполковника Александра Гриба из Главного командования внутренних войск. Порою кажется, что данные обо всех погибших и без вести пропавших в одинаково полном объеме хранятся не только в недрах компьютера, но и в памяти этого офицера. В любое время он готов дать необходимую справку родителям, военкоматам, военным журналистам.

НАЗОВЕМ ПОИМЕННО

Создание войсковой Книги памяти — проект дорогостоящий, если учесть объем будущего издания и достойный полиграфический уровень этого траурного тома. И как не вспомнить добрым словом первых жертвователей на это благородное дело! Около миллиона рублей собрала в своем полку лейтенант Валентина Малеева, вдова капитана, погибшего в Баку во время событий января 90-го, 140 тысяч поступило от сотрудников кисловодского санатория внутренних войск «Россия» (председатель профкома Галина Богославцева). 500 тысяч рублей передал бывший военный журналист представитель агентства «Кавказинтерпресс» Юрий Самойлов. В числе первых внесли деньги на святое дело родственники погибших солдат Елизавета Перминова из Курганской области, Галина Владимировна из Иванова, Юлия Шклярчук из города Мончегорска Мурманской области. Спасибо вам, добрые люди! Имена всех, кто помогает в создании Книги памяти, будут в нее занесены со словами искренней благодарности.

Наталья Белова, мать бывшего солдата внутренних войск, давний друг нашей редакции, принесла недавно такие стихотворные строки:

*Книга памяти, боли
и нашей любви...
Имена, что в ней значатся,
святы.
Никогда не вернуться —
зови не зови,
Все погибшие наши ребята.
Каждая страница бьет в набат,
Пробуждая
в людях человечность.
Низкий вам поклон! Прости,
солдат,
Струсивших, забывчивых,*

беспечных...

*Горечью полынною полна
Каждая заплаканная строчка.
Для России павших имена —
Колокол, звонящий днем и
ночью.
Книга памяти, скорби,
утрат и разлук...
Каждый лист твой
как повесть о близком,
Как прощальный салют,
как пожатие рук,
По значенью равна обелискам.*

В карнавальном пестроте, шумегаме нынешнего телевидения выделяю передачу, которая обращена к душе, к памяти. Известный актер Леонид Филатов негромко, собрав в кулак волю и силы, рассказывает о своих братьях по актерскому цеху. «Чтобы помнили». И пусть ревнители морали или эстеты из числа критиков цинично роняют иногда по адресу ушедших в мир иной артистов: «Да этот же спился... А этот и сыграл-то в кино всего ничего...» Каждый, кто оставил свой добрый след в этой жизни, заслуживает, чтобы о нем помнили.

Навечно в списки своих частей зачисляются военнослужащие внутренних войск, погибшие при выполнении служебно-боевых задач, проявившие при этом мужество и героизм. Зачисляются по приказу. В памяти военного журналиста навсегда остаются боевые товарищи, которых знал, о которых писал. Если, конечно, писал горячо, с душою, честно. Нам запретил вспоминать о карабахской войне генерал, который на ней не был.

Разве можно забыть красавца лейтенанта Героя Советского Союза Олега Бабака?! Погиб на границе между воюющими Ар-

менией и Азербайджаном, погиб, замиряя враждующих. Он стоит последним в списке Героев великой державы — СССР, страны, которую спасал ценою жизни. Не забудем подполковника Вячеслава Чекмарева... Он выжил на афганской войне, чтобы погибнуть в советском Ереване. А рядовой Андрей Кузьмин, вологодский богатырь, был сражен пулей в Баку, в черном январе 90-го. Оба отмечены посмертно орденами Красного Знамени. Нам что теперь, сняв красные знамена, забыть и наших товарищей, которые под ними погибли?! Никогда!

Говорят, что война для страны не окончена до тех пор, пока не будет похоронен последний солдат. Истина. Для нас, военных журналистов, война не будет окончена, пока не напишем о каждом погибшем хотя бы одной строкой. Газетный лист живет, как правило, лишь несколько дней (если не попадет в чей-то бережно хранимый альбом или архивную папку), журнал продержится подольше (если переплетен в конце года и представлен на библиотечную полку), книга на многие годы рассчитана. А память сохранится пока живы ее хранители — мы с вами и наши потомки (если нить эта не прервется). Не дадим же ослабнуть, поржаветь и разрушиться скрепам памяти.

Находя умиротворение, сидя у тихой речки, не забудем — для нас не кончена война...

**Полковник
Борис КАРПОВ**

★
 Здесь жил
ИФРАТ БУРБАЕВ
 ГЕРОИЧЕСКИ
 ПОГИБШИЙ
 ПРИ ИСПОЛНЕНИИ
 ВОИНСКОГО ДОЛГА
 В ВООРУЖЕННОМ
 КОНФЛИКТЕ
 В ЧЕЧЕНСКОЙ
 РЕСПУБЛИКЕ
 • 1976-1995 •

**Не так уж много
 на свете мальчиков,
 именами которых
 названы
 целые улицы.**

*Лев Кассиль,
 Макс Поляновский.*
 Улица младшего сына.

УЛИЦА МЛАДШЕГО СЫНА

Жизнь делает нас черствыми и равнодушными. Можем пройти мимо зарвавшихся хулиганов, не взглянуть на нищую старушку в подземном переходе, не уступить место женщине в автобусе. На все упреки и замечания у нас один ответ — время, мол, нынче такое, злое и несправедливое. Наверное, это действительно так. А мы продукт своего времени. Но светлее и радостнее становится на душе, когда видишь, как сквозь черствость и равнодушие, злость и несправедливость пробивается к жизни росток благодарной памяти...

Жил-был на свете Мальчиш-Кибальчиш. Не книжный, настоящий. Так в детстве родственники и соседи называли Ифрата, сына Фирузы Харисовны и Нигметулы Ганиятовича Бурбаевых. Черноглазый, смуглый, светлой души мальчишка. Маме помогал, мечтал людям добро делать. Учился в школе, спортом занимался, хотел в жизни подвиг совершить. Еще в шестилетнем возрасте смастерил себе деревянную винтовку и любил вместе с братом поиграть в “войнушку”. Примеров для подражания было достаточно — по теле-

визору показывали Великую Отечественную, а на скамейках все больше говорили об афганской. А мальцу что — он впитывал все как губка. Однажды после успешной атаки “вражеских позиций”, Мальчиш-Кибальчиш подбежал к маме и, шмыгнув носом, выпалил: “Ты знаешь, мама, вырасту большим, обязательно буду десанником. Прямо с парашюта нападу на душманов и стану героем”. Вздохнула мама, улыбнулась, подумала про себя: “Ты только не торопись расти. К тому времени, даст Бог, не будет войн на Земле”.

Он вырос. Быстро и незаметно. Школу закончил, в профтехучилище отучился. Призвали в армию, и выпала ему честь служить во внутренних войсках, в разведке... Нет сегодня с нами Мальчиша-Кибальчиша. В детстве он мечтал совершить подвиг. 22 апреля 1995 года младший сержант Бурбаев геройски погиб в Чечне при проведении боевой операции. За мужество и отвагу награжден орденом Мужества. Посмертно.

Про таких, как Ифрат, с пафосом говорят: “Навеки девятнадцатилетние”. Да, это не самый подходящий возраст, чтобы уходить в небытие. Еще бы жить да жить. Но за девятнадцать лет любой человек проходит определенные жизненные этапы, преодолевает трудности, делает свой характер, делает себя. И на поверку оказывается, что поступить в экстремальной ситуации по-другому он просто не мог. К этому шагу он готовил себя всю свою короткую жизнь.

Целеустремленности Ифрата поражались даже его друзья. В тринадцать лет он увлекся боксом. Тренер-преподаватель Рафаэль Кутепов вспоминает, как однажды пришел в секцию маленький щупленький мальчик. Неприметный, скромный. Чем он обращал на себя внимание, так это необычайной работоспособ-

ностью и напористостью. На тренировках выкладывался на все сто. Вскоре он становится лидером сначала в своей группе, а потом и в сборной команде Астрахани. Ифрат не раз выигрывал соревнования разных рангов в области, а в своей весовой категории ему не было равных. Года через два Ифрат вдруг неожиданно для многих бросил заниматься боксом.

Обычно те, кто хоть раз дал себе слабину, не могут начать все заново. Таких хватает от силы на месяц-полтора. Когда Ифрат спустя полтора года начал заниматься снова, многие не поверили, что это надолго. Но в том и суть твердого мужского характера — суметь преодолеть себя. Он быстро набрал форму и с успехом стал выступать на соревнованиях. В мае 1992 года на международном юношеском турнире в Саратове десятиклассник солянской средней школы Ифрат Бурбаев в своей весовой категории завоевал первое место и выполнил норматив кандидата в мастера спорта по боксу.

Нагрузка была большая. Непросто совмещать интенсивные занятия спортом с учебной в школе. Накануне выпуска, когда вовсю шла подготовка к экзаменам, учителя сердобольно советовали хоть на время оставить спортивную школу. Ифрат тем не менее не пропустил ни одной тренировки. На сетования учителей он лишь улыбался и говорил, что нужно стремиться все успеть, что хочет пойти в армию физически подготовленным, чтобы всегда суметь защитить себя. А потом, опустив голову, добавлял: “...А может, и других”.

Любой новичок всегда вступает в армейский коллектив настороженно. Для каждого здесь, наверное, впервые в жизни уготован своеобразный тест, можно даже сказать, экзамен на мужествен-

ность, порядочность, умение жить в коллективе. Ифрат этот экзамен выдержал с честью. Его покладистый характер, умение ладить с людьми помогли быстро адаптироваться к армейской жизни. Постоянные физические нагрузки, каких в разведке намного больше, чем в обычном подразделении, ему не были в тягость. Он преодолевал их без видимых усилий, помогал товарищам, чем заслужил непререкаемый авторитет. Здорово пригодились ему доармейская подготовка. Как говорит бывший командир Ифрата капитан Ю. Дидковский, именно сила и стремление к справедливости заметно выделяли его среди сослуживцев. А еще он был очень добрым. Зачастую во время выполнения служебно-боевых задач в Чечне по инициативе Фрэда (так называли его между собой разведчики) солдаты отдавали часть своего сухая обездоленным войной старикам, женщинам и детям.

У Ифрата еще до призыва на службу было много друзей. Но жизнь разбросала всех по разным уголкам России. Когда еще удасться свидеться! Однажды, это было в Грозном, Ифрат остался в подразделении, в тот день его не взяли на операцию. Ходил он по городку и в сердцах пинал уже подсохшие комки грязи. И вдруг (даже не поверил сначала) увидел знакомое лицо. Улыбающийся, с распростертыми объятиями шел ему навстречу Николай Утегенов. Тот самый Колька Утегенов, с которым они не один год дубасили друг друга в боксерской секции и вместе ездили на соревнования защищать честь своей команды. Может ли быть радость больше, чем встретить здесь, на войне, в Грозном, земляка! Наговорились вдоволь, вспомнили свой родной город, друзей. Оказалось, что Николай служит в Нальчике, Ифрат — в Калаче-на-Дону, а здесь части их оказались

НАЗОВЕМ ПОИМЕННО

рядом. Вот только свидеться удалось лишь сейчас. Пообещали не терять связь и при случае навещать. Расставались, как им казалось, ненадолго, получилось — навсегда. Война есть война. При освобождении Гудермеса от боевиков их подразделения шли бок о бок. После взятия города часть Николая перевели в другое место. А через несколько дней Утегенов узнал трагическую весть — погиб Ифрат.

22 апреля под Гудермесом разведгруппа калачевцев попала в засаду. Завязался бой. Когда разведчики стали отходить, пулеметчик ефрейтор Игорь Хлопцев, прикрывавший отход, был ранен. И тогда Ифрат под сильным огнем боевиков бросился к Игорю, чтобы вытащить его с поля боя. Но это ему не удалось. Они так и погибли вместе — пулеметчик, который прикрывал отход группы, и сержант, который не смог бросить своего раненого товарища и подчиненного...

“Есть люди, про которых думаешь, что они пришли на землю, чтобы облегчить твою участь. Общаясь с ними, чувствуешь такую доброту и любовь, что на душе становится светло и радостно. Я не придавала серьезного значения своим словам, когда говорила матери Ифрата, что мальчик ее рожден для подвигов. Я никогда не думала, что эти слова станут черными, пророческими. Теперь, когда я смотрю на небо, такое же светлое и чистое, как и его душа, и когда я вижу в нем светлое облачко, я всегда думаю о том, что это Ифрат посылает нам всем привет...” — написала в редакцию родственница Ифрата М.Рамазанова из Астрахани.

Почти три года прошло с того трагического дня, когда оборвалась жизнь этого светлого парня, того самого Мальчиша-Кибальчиша из детства. Но память о нем живет.

Из Калача-на-Дону прислали Бурбаевым вещи погибшего сына и краповый берет, которым за мужество и отвагу при выполнении боевого задания он был награжден еще в феврале 1995 года одним из первых в части и которым он очень гордился.

В Астрахани стал традиционным международный турнир по боксу “Память”, среди организаторов которого комитет по физической культуре и спорту, комитет по делам молодежи администрации Астраханской области, центр любительского и профессионального бокса. Его цель — сохранение памяти о рано ушедших из жизни тренерах, воспитавших великолепных боксеров, и о боксерах, которые достойно представляли астраханский бокс на рингах России и других стран. Этот турнир в память об Ифрате Бурбаеве. С недавних пор учрежден специальный приз его имени в весовой категории до 81 килограмма.

Недавно в семье старшего сына Бурбаевых родился ребенок. И старший брат назвал своего сына в честь погибшего младшего брата — Ифратом.

10 января 1996 года администрация Солянского сельского Совета приняла решение об увековечении памяти мужественного земляка. Родительский дом Бурбаевых отмечен памятной доской, а улица Комсомольская, на которой жил Ифрат, переименована в улицу Ифрата Бурбаева...

На этой улице по-прежнему живут люди, знавшие Ифрата с детских лет. И вот уже который год мама его, как это бывало и раньше, выходит из дома, подолгу стоит у калитки и смотрит на улицу. Улицу своего младшего сына. Улицу, на которой вырос Мальчиш-Кибальчиш.

**Капитан
Сергей КОЛЕСНИКОВ**

“ПРИВЕТ

“Мама и папа, скоро наступит новый, 1996 год. Я желаю вам в этом году всего хорошего, и пусть в наш дом придет мир и спокойствие”. Письмо от сына Панковы ждали долго. Тоненькие солдатские конверты, потертые, иногда мятые, слишком медленно шли до родного дома. Какая ж почта в Чечне? А за почтальона там каждый, кто выбирался на Большую землю. Так вот, кочуя сначала по полевым сумкам да карманам, трясясь потом в почтовом вагоне, добралась сыновняя весточка до родной Удомли. Письмо от Игоря Светлана Викторовна и Юрий Юрьевич получили перед Новым годом. Отлегло от сердца — с сыночком все в порядке. И пожелания какие хорошие шлет: мир чтобы в дом пришел, спокойствие. Лучшего подарка к празднику и не надо...

А через несколько дней домой привезли и самого Игоря. В сером, холодном цинке, обшитом сосновым тесом. Заканчивался старый, 1995 год. В хмельном праздничном веселье наступал

НАЗОВЕМ ПОИМЕННО

новый, 1996-й. Мир и спокойствие в дом Панковых не пришли. Не сбылись пожелания сына...

Не было мира и в доме нашем общем. По России к матерям медленно ползли в потрепанных солдатских конвертах письма, которые начинались почти у всех одинаково. Примерно так же, как письмо Игоря Панкова, стрелка 4-го архангельского батальона оперативного назначения: "Привет из Гудермеса..."

Его очень любили родители. Батя, Юрий Юрьевич, шофер с тридцатилетним стажем, радовался, глядя на сына. Крепким рос парень. Хоть и невысоким, не очень широким в плечах, но

награждения офицер, с которым Игорь и ребята приехали в Тверь, повел их в столовую. Вот уж где юные борцы с огнем дали жару! За обе щеки уплетали порции. Одну, вторую, третью. Сидящие за соседними столиками на них смотрели с раскрытыми от удивления глазами, некоторые даже смеялись: "Худющие, а трескают за десятерых!" А у пацанов только ложки летали, как бабочки, — столько сил было потрачено на завоевание третьего места, вот и проголодались немножко.

Игорь умел дружить. Дом всегда был полон девчонками и пацанами. Приходили к нему слушать музыку, смотреть видик

Сын ушел. В доме стало сразу тихо. Размеренно текла жизнь. От Игоря приходили письма. Сначала из Апатит Мурманской области. Потом из Архангельска, куда его перевели. Дороже этих тетрадных листочков в клетку для матери ничего не было. Игорь часто писал, любил обращаться к отцу, по-мужски с ним разговаривать. Радовал батю тем, что не было в его письмах нытья и жалоб. Наоборот, всегда писал, что в войсках чувствует себя нормально, что появилось много друзей.

Отец ждал сына домой, очень ждал. Читая строчки, думал: "Вон помощник какой вырос! Настоящий мужик, которым не грех гордиться. Придет из армии, столько дел вдвоем наворочаем! На участке, что за городом взял, хозяйство разведем. Только руки ко всему приложить надо будет. Эх, сына не хватает..."

Потом почему-то долго не было писем. Мать волновалась, отец успокаивал. Но вот из почтового ящика Юрий Юрьевич вытащил конверт. Обрадовался: от сына. Тут же удивился: письмо Игорь написал именно ему, хотя всегда обращался к обоим — отцу и матери. Сын писал, что их батальон отправляют в Чечню, и очень просил не говорить ничего маме... Да разве утаишь от нее что-то. Сердце ведь материнское все чувствует... Узнала.

Батальон, где служил Игорь, встал под Гудермесом на невысоком холме — господствующей высоте. Потом, ближе к зиме, когда и небо, и земля казались одинаковыми — склизкой кашей, высота эта стала похожа на Эверест. По жирной чеченской грязи на нее не в состоянии была забраться ни одна машина. Случались поэтому перебои с водой и продуктами, боеприпасами. Но выручали танки. Надсадно рыча моторами, они втащивали на холм "коробочки" со

ИЗ ГУДЕРМЕСА..."

жилистым, хватким. А руки какие! Под стать отцовским — золотые. Дома клетку для птиц сделал — заглядишься. Аквариум соорудил не хуже покупного. А рисовал как! В школе новогоднюю стенную газету доверяли оформлять только Игорю. Вот и письмо каждое, уже из войска, обязательно заканчивал каким-нибудь рисунком — пусть родители радуются.

После восьми классов школы пошел учиться в ПТУ на газосварщика. Отец посоветовал: "Руки у тебя, сынок, твердые. А металл, он, как и лист белый, на котором ты рисовать любишь, твердые руки чувствует. Иди учишься, у тебя получится".

Как-то раз из училища еще с двумя ребятами поехал в Тверь на областные соревнования по пожарно-прикладному спорту. Перед поездкой тренировались в удомельской пожарке несколько дней до седьмого пота. Домой приходил еле живой — все силы отдавал, тренируясь. В Твери пацаны взяли третье место. Очень радовались. Еще бы, во всей области — третьи! После

— не все родители в провинциальной Удомле могли позволить себе такую роскошь. Вот Игорь и устраивал дома мини-кинотеатр. Мать даже ворчала, не от сердца, так, для порядку больше: "Опять толпу позвал, шумно будет, да и кормить ведь снова всех надо. Раз уж позвал, не могу же я их просто так отпустить. Не по-людски как-то". А сын встанет рядом с кухней, прислонится к стене и тихо так: "Мамуль, ну ты много не готовь, блины испеки, как обычно. Твои блины все ребята ж любят. Мы сильно шуметь не будем..."

В армию Игоря провожало столько друзей, что даже в квартире все не поместились. Шумно провожали, весело. Прощались на два года. Желали всего того, чего обычно желают в таких случаях: чтобы служилось нормально, чтобы "дембельнулся" скорее. Родители были спокойны. Сын-то не белоручка. Не пропадет. Да и уходил не один. Вместе шли служить с другом Венькой. Отец так и сказал: "Держитесь друг друга".

всем необходимым. Тишины вокруг не было. И ухало, и стрекотало, и гремело регулярно. Гудермес, он и есть Гудермес. Второй город в Чечне. Всем нужен.

В середине декабря 1995 года в Чечне были организованы “справедливые” выборы главы республики. Готовились к ним по-разному. И отметить это событие все планировали по-своему. Небезызвестный Салман Радуев отметил его тем, что блокировал Гудермес, где завязались тяжелые бои. Архангельский батальон, стоявший к тому времени на холме уже пятый месяц, упорно отбивал атаки боевиков. Держался на своей вышке. Вскоре закончились продукты и вода. Без них сидели четыре дня. “Вертушки” почему-то не летали, и прорваться к батальону никто не мог. Из отчаянного положения нужно было как-то выходить. Когда немного стихло, командир принял решение на-

править группу военнослужащих к местным жителям договариваться о том, чтобы те помогли продуктами, водой. Пошли четверо. Два прапорщика, сержант и рядовой Панков. Игорь вызвался добровольно.

17 декабря около семи часов вечера начали спускаться с холма. Нарвались на засаду. Перестрелка была короткой. У боевика в ход шли гранаты. Сержанту оторвало ногу. Взорвавшаяся же рядом с Игорем Панковым гранатометная “кегля” убила парня мгновенно. Разорвала на части... На этом месте потом, когда Гудермес разблокировали, ребята из батальона поставили Игорю деревянный крест с жестяной табличкой. Любили его в батальоне — невысокого парнишку с острым языком и золотыми руками. Любили за то, что умел дружить...

Серый, холодный цинк пришел в Удомлю 27 декабря, через де-

сять дней после гибели. Быстро. Быстрее, чем доходили из Чечни письма от сына. Хорошо, что лучший друг Венька служил вместе с Игорем. Он привез гроб. Похоронили сына Панковы на городском кладбище. Рядом с еще одним молодым парнем, который тоже погиб в Чечне, — Игорем Бойцовым. Тот служил в десанте. Так и лежат они вдвоем, разделенные узкой дорожкой.

...Через несколько дней после похорон Светлана Викторовна вытащила из почтового ящика потрепанный конверт. Открыла, и сердце провалилось куда-то в пропасть. На неровно оборванном листке в клеточку знакомой рукой было написано: “Привет из Гудермеса! Здравствуйте, мои любимые мама и папа...”

Последнее письмо от сына шло очень долго...

**Лейтенант
Александр ЛЕБЕДЕВ**

Рядовой Руслан Павлов, уроженец Большого Истока, первым открыл скорбный список погибших в Чечне военнослужащих из Сысертского района Свердловской области. “Они оказались в окружении. В ночном бою Руслан уничтожил снайпера, но и сам

И ОСТАЮТСЯ ИХ ИМЕНА...

получил тяжелое ранение через каску в голову. Но даже раненый, он продолжал отстреливаться. Когда подоспела подмога, Руслан уже скончался” — так рассказали о гибели своего товарища его сослуживцы из внутренних войск, доставившие тело солдата домой.

На похоронах Руслана жители поселка обратились к главе местной администрации с просьбой переименовать в честь погибшего одну из улиц. Вскоре это было сделано. Улица, на которой жил Руслан, теперь носит его имя. Здесь же, на улице Павлова, по-прежнему живут его мать Татьяна Николаевна, отец Вячеслав Викторович и брат Александр. Но уже без старшего сына и брата.

Память о павших на чеченской

войне хранят не только их родные, близкие и друзья. Во многих российских городах и поселках имена погибших присваивают школам, училищам, улицам. И уже сегодня появились улица Евгения Сурикова в Нижегородской области, улица Алексея Брызгалова в Чите, улица Эдуарда Монгуша в Республике Тува, улица Александра Лесникова и улица Виталия Табачкова на Алтае, улица Алексея Фионова в Кузоватовском районе Ульяновской области. И это не очередное веяние времени. Просто война всегда забирает самых лучших, оставляя на сердце каждого живущего те невидимые зарубки, которые постоянно болят, не давая предать забвению наших павших друзей.

Алла ЯНКОВСКАЯ

Твои Герои, Россия

Мои войска будут действовать ...

*“Раз — это было под Гихами —
Мы проходили темный лес...”*

М. Лермонтов

В центре Ростова-на-Дону, там, где широкий переулок круто сбегает от Театральной площади к Дону, высятся красивые многоэтажки. В одной из них чуть больше года назад получила квартиру семья генерала Николая Васильевича Скрыпника. Новоселье всегда в радость, а для людей служивых, вечных скитальцев, получение своего добротного жилья — радость вдвойне. Сколько за годы службы мытарств претерпели — пора бы и о покое подумать, ведь пенсия не за горами, здоровьишко не то, что в лейтенантские годы, накопившаяся за многолетнюю службу усталость все чаще дает о себе знать.

С 1965 года, когда выпускник Орджоникидзевского военного училища внутренних войск Николай Скрыпник надел лейтенантские погоны, ох и поездил-поколесил он по Союзу: Сибирь и Закавказье, Украина и Северный Кавказ. От взводного до первого заместителя командующего войсками округа внутренних войск прошел честно, добросовестно, уверенно.

Сейчас, летом 96-го, мысль об увольнении нет-нет да и приходила после иного трудного дня. Мысль эту он прогонял, так как привык уже тянуть свою лямку и пенсионером себя совсем не представлял. А Людмила Алексеевна, жена, все чаще незло-

биво сетовала: пора, дескать, на покой, неужели не навоевался? Теперь самое время обустроить квартиру, с детьми почаще время проводить, на Кубань к родне ездить гостевать, благо не слишком далеко. Николай Васильевич в ...надцатый раз обещал: "Вот вернусь из этой командировки, и новоселье устроим. Точно!"

... Приказ о выводе подразделений из Гехи был столь же неожиданным, как несколько дней назад распоряжение об операции в Урус-Мартановском районе. Приказы не обсуждаются. К любым вводным ему не привыкать. Командующий тактической группировкой внутренних войск генерал-майор Скрипник прокручивал про себя всевозможные варианты развития событий. Начатая вчера "зачистка" села Гехи проходила трудно. И вот после кровопролитной боевой работы, когда перевес сил был явно на нашей стороне, надо отходить на прежние позиции. Зачем? Привыкший находить выгоду для своих войск в любой ситуации, Николай Васильевич подумал, что нет худа без добра: если приказывают отойти, то, во-первых, сэкономим людей, во-вторых, разберемся в непростой обстановке и внесем коррективы в дальнейшие действия...

Завязавшийся утром бой шел уже несколько часов. Потом интенсивность его спала, лишь кое-где вспыхивали перестрелки. Генерал продвигался на БТРе по узким улочкам села к его окраине, где должна была состояться встреча со старейшинами. Огненный пунктир трассеров кое-где цеплял крыши, внутри домов глухо ухали взрывы, сопровождаемые звоном стекла, — в убежища боевиков влетали гранаты. "Не хотят, сволочи, угомониться, — ругнулся про себя генерал, — тем хуже для них".

Старлей Влад Жигалин — спецназовец опытный, но

сейчас волновался, пожалуй, больше генерала. Офицер понимал, что он отвечает за безопасность командующего. А тот сидел себе спокойно на броне, свесив ноги в водительский люк и, казалось, думал о чем-то далеком, не обращая внимания на свистевшие над головой пули. "Дорофеев с группой здесь шел?" — спросил у офицера командующий. Вот о чем думал-кручинился генерал...

Да, именно по этой улочке входила в Гехи группа из трех "коробочек". Базарчик, у которого бэтры разъехались. Отсюда полковник Александр Дорофеев в последний раз вышел на связь с генералом Скрипником, доложил обстановку.

Засада ждала их у ворот кирпичного дома — вон сгоревшие бэтээры. В западню угодили они в 7.40, а доложить о случившемся, попросить помощи смогли только через полчаса — рация была исправной, но ни секунды, чтобы войти в связь, ни на мгновение не выпускали они из рук автоматы, отстреливаясь от окруживших боевиков.

Два молодых, но успешших изрядно повоевать офицера, два Андрея, с горсткой бойцов держали круговую оборону в доме. Сюда из подбитых БТРов перетаскивали раненых — прапорщика Александра Егорова, рядовых Алексея Смолова, Романа Байкарова, Владимира Ильюхина. Удалось прихватить и достаточный боезапас. В спецназе одно из правил — с собой должно быть побольше патронов и гранат и никакого лишнего груза-барахла.

Раненный в ноги полковник Дорофеев оставался под подбитым БТРом и огнем из автомата прикрывал отход подчиненных. По-командирски поступил, потцовски. Потом в БТР попала еще одна "духовская" граната, рванул оставшийся боезапас.

Когда вырвавшийся из окружения капитан докладывал командующему об обстоятельствах боя, он не лукавил и не сгу-

щал красок: "Врать не буду, товарищ генерал, мертвым полковника Дорофеева не видел. Ранило его в самом начале боя, два моих бойца затащили его под БТР, перевязали. На тот момент это было самое безопасное место. Когда стали перетаскивать раненых в дом, он приказал мне первыми спасать солдат. Автомат попросил оставить и патроны. Еще добавил, что, мол, не маленький, разберется сам как-нибудь... Хорошо прикрывал нас огнем, пока переползали. Вернуться за ним мы не успели — БТР рванул..."

Теперь, когда генерал уже перестал верить в чудесное спасение Дорофеева, когда сам ехал тем же смертельно опасным маршрутом, на такой же бронированной машине, которая перед тротилowym смерчем всего-то скорлупка, в нем уже вскипала злость к чеченским "переговорщикам". Сколько раз те клялись-божились, что не станут стрелять, что нет в селе боевиков. Все врут!

Доку Махаев, который выскользнул из гор на равнину, — и злобный волк, и хитрый лис в бараньей шапке. Это его головорезы устроили вчера ловушку Дорофееву. Если явится сейчас на переговоры, как верить хоть одному его слову? Да и придет ли?

Раздумчивое настроение генерала вдруг сменилось открытой яростью: "Ну что делают, а? И это называется "мирные переговоры"? Вызвал на связь артиллеристов: "Видите, две наши "коробочки" пытаются отсечь? Помогите хлопцем огоньком! Аккуратно и в темпе!"

Он встал во весь рост, пытаясь получше разглядеть картину боя.

— Товарищ генерал-майор, — почти умолял старший лейтенант, — ну спрячьтесь под броню от греха подальше, ну пригнитесь хотя бы!

— Спокойно, сынок! Указывать дома жинке будешь! — Николай Васильевич в минуты раздраже-

НАЗОВЕМ ПОИМЕННО

ния мог запулить и крепким словом. И сейчас, пока артиллеристы долбали “духовское” гнездо, старлей услышал не одно непечатное словцо и в адрес бандитов, и в адрес тех, кто вовремя не сумел обеспечить безопасный отход нашей бронетехники. Но вот стрельба стихла, “коробочки” благополучно вырвали. Успокоился и Скрыпник:

— Давай, сынок, за ними. Во время мы с тобой артиллерией покомандовали!

... Николай Васильевич дважды посылал людей на поиски Дорофеева, но группы возвращались ни с чем. В третий раз ту же задачу получил капитан Игорь Целуйко. Его-то и искал глазами генерал в пропыленной шеренге командиров подразделений, которые встречали командующего.

— Ну, что скажешь, Игорь?

Всегда храбрый капитан на этот раз совсем не по-военному опустил голову. А тут еще все офицеры без всякой команды разом сняли головные уборы...

Генералу не пристало давать волю чувствам перед подчиненными. Он, не сказав ни слова, отошел в сторону. В голове, где глухой болью еще отдавались взрывы и пальба, пронеслось: “Эх, Сашка, Сашка! Прости! Не держи обиды на своих земляков, что не уберегли... Как же дочка твои теперь? Почему ангел-хранитель от тебя отвернулся?”

Горечь заполнила душу генерала. И чувство вины перед погибшим Дорофеевым засело в сознании. Ведь мог же он, командующий, назначить старшим группы другого, мог. “А почему другого? — терзался Скрыпник. — Было б разве легче, если бы другой погиб?”

— Село заблокировать так, чтобы ни один гад из него не выполз! Досматривать всех! — Генерал говорил решительно, жестко. — Я — на переговоры. Разведчики — со мной. Послушаем, что скажут эти... аксакалы.

С тяжелым сердцем ехал генерал к чеченским старикам. Принимал, что обстановку предстоящий разговор не разрядит. Все это мы уже проходили. Добровольно боевики из села не уйдут, слова самых почтенных старцев для головорезов — пустой звук. Вооруженная власть банды Доку Махаева давно стала более весомым аргументом, нежели вековые обычаи и традиции кавказцев, уважавших слово мудрейших.

Как в воду глядел генерал — упакованные в бронежилеты и разгрузники боевики своим угрюмым молчаливым присутствием свели на нет велеречиво-вежливые обещания старцев.

Генерал подвел итог:

— Решайте сами: или все вооруженные люди сдают все стволы, или войска будут действовать согласно данным им полномочиям.

Здесь появился и сам Доку Махаев:

— Генерал, твои приказы на меня и моих людей не распространяются. Будем говорить как мужчина с мужчиной...

— Именно так я и говорю, наши требования я предъявил.

— Эти требования не для чеченцев. Оружия мы не сдадим.

— Тогда разговор окончен.

Махаев не был бы Махаевым, если бы не схитрил, не слукавил коварно и подло. Он хотел во что бы то ни стало выиграть время, усыпить бдительность военных, блокировавших Гехи, ускользнуть, как это случалось уже не раз. Сдаваться ему не было резона — за вчерашнее военные по головке не поглядят.

— Хорошо, генерал, мы подумаем. Может, договоримся...

Но Скрыпник уже не слушал, влез на БТР, который резво рванул к вертолету...

“Вертушка” летела низко, хорошо видны были селения, с которыми у генерала связаны сплошь горестные воспоминания. Валерик, знакомый всем по Лермонтову как место горячих

схваток русских с горцами, Николай Васильевич видел не столь романтическим. Здесь он приказал однажды накормить целую толпу изможденных страдалцев-беженцев. Своим и без того скудным пайком делились тогда с горемыками русские солдаты...

А вот печально знаменитые Сашки. Однажды к штабу группировки пришел старик с маленькой девочкой на руках. “Сиротка, лечить надо, а у нас ни врачей, ни лекарств”, — поплакался старик вышедшему к нему генералу. Николай Васильевич приказал положить девочку в военный госпиталь. Когда вспомнил о ней, а времени уж изрядно прошло, услышал в ответ такое, что дрогнуло сердце: “Все с ней в порядке, товарищ генерал, вылечили. Забрала ее с собой наша женщина, удочерила”. Такие вот были в воюющей Чечне дела...

В тот вечер он не находил себе места — думы о погибшем полковнике Дорофееве одолевали. В такие минуты невольно вспоминаются другие товарищи, сгинувшие за годы войн в своем Отечестве. Среди них и два заместителя командующего войсками округа. Николай Жинкин, тоже генерал, погиб в Карабахе, когда был сбит военный вертолет. Полковника Владимира Блахотина убили в Ростове такие же карабахские боевики — эхо этого теракта долго звучало по всей стране. А уж про эту Чечню и говорить страшно...

Совещание провел энергично, без рассусоливания, прекрасно понимая, что люди вымотались и лишние полчаса отдыха перед завтрашней операцией будут нелишними. По всему выходило, что боевики сдаваться не намерены — из Гехи потоком пошли мирные. А это всегда означает — жди отчаянного боя.

Выяснилась и истинная причина отвода войск от Гехи. Коль предложение о сдаче бандиты отвергли, по местам их скопле-

НАЗОВЕМ ПОИМЕННО

ния поутру будет нанесен артиллерийский удар. Чтобы под снарядами не попали свои, войскам было приказано удалиться на безопасное расстояние. Это не означало их ухода. Операция по разоружению бандформирований будет проведена.

— Всем отдыхать, — приказал генерал, — подъем в 4.30. Я — в Гехи.

— Остались бы, товарищ генерал-майор, — предложил-попросил начштаба без малейшей надежды на согласие командующего. — Там Кузьмин все организует, там и другие офицеры опытные есть. Вижу, вымотались вы совсем.

— Да, Владимир Антонович, — признался генерал, — укатили сивку крутые горки, запарился я. Но ничего, завтра дело сделаем — отдохнем. Офицерам нашим я доверяю, но все же не хочу еще раз грех на душу брать, не хочу чтобы кто-то из наших опять под пулями оказался, как Саша Дорофеев. Погляжу уж сам, что там и как. А ты, будь любезен, командуй вертолетчикам...

Гехи уже скрылись в сумерках, когда вертолет приземлился на окраине. Но прохлада еще не сменила дневной зной. Подполковники Кузьмин и Верхотуров, уже готовые доложить обстановку, удивились, когда генерал предложил: "Давайте подышим воздухом". Всегда дотошный и строгий, любящий четкие и обстоятельные доклады, на этот раз Николай Васильевич был задумчив и немногословен.

Сели прямо на траву на невысоком взгорке, где ветерок хоть чуточку остудил разгоряченные лица. Скрыпник не курил, а офицеры полезли за сигаретами. Стихла стрельба в селе. Стих ветер. Только журчание воды доносилось из темноты. Все уже знали о гибели Дорофеева, и молчание было скорбным.

Теперь это только догадки, но с большой долей вероятности можно предположить, что в те

минуты пронеслись чередой перед генералом родные образы жены (опять одной приходится квартиру обихаживать), дочери (вот и выросла Аленка, уж в университет собирается), сына (Юрка уже ротой командует, хоть бы ему не досталось столько войн, сколько мне). И журчание чужой речки, может быть, напомнило о другой, со смешным названием Пронура, где пацаном удил рыбу.

Документ:

11 июля 1996 года в 6.20 генерал-майор Скрыпник Н.В. вышел по закрытому каналу телефона ЗАС, уточнил обстановку и сообщил о предстоящих действиях на 11 июля с.г. по проведению операции в н.п.Гехи. При этом он сообщил, что сейчас приступает к объезду позиций на рубежах блокирования. Разговор продолжался 7–10 минут. В 6.50 начальник связи ТГ-1 сообщил, что 521-й, т.е. БТР, на котором следовал командующий ТГ-1 генерал-майор Скрыпник Н.В., подорвался в квадрате N. В результате подрыва ранены генерал-майор Скрыпник Н.В., капитан Целуйко И.А., подполковник Борисов А.К. и 3 военнослужащих в/ч 0000, погиб механик-водитель БТР № 410 в/ч 0000 младший сержант Свистунов А.Н. После получения информации мною было доложено в Ханкалу командующему генерал-майору Рыбакову И.Н. о том, что генерал-майор Скрыпник Н.В. с тяжелым ранением направлен во владикавказский госпиталь для оказания медицинской помощи...

В 8.40 полковник Катрецкий Л.Н. по телефону сообщил, что в 7.50 генерал-майор Скрыпник Н.В., доставленный в реанимационное отделение, скончался от полученных травм. Диагноз: минно-взрывная травма, закрытая травма грудной клетки с повреждением внутренних органов, открытая ЧМТ, проникающее ранение черепа.

Увы, нельзя расследовать войну, и конкретные убийцы генерала Скрыпника вряд ли будут найдены для справедливого наказания. Государству осталось лишь воздать доблестному военному по его ратным заслугам. Звание Героя России — выше награды нет. Но никому она не в радость, не в утешение, потому что в высочайшем указе есть скорбная приписка — "посмертно".

Сейчас только старые сослуживцы вспоминают, как предостерегал Николай Васильевич власти самого высокого уровня о надвигающейся на страну междоусобице-войне. Он ведь еще в Сумгаите в 1988-м бился с оголтелой нечистью, был там тяжело ранен брошенным из безумной толпы камнем. Он откровенно высказывал свое видение ситуации в стране и на приеме в ЦК партии, и в министерстве. Предостережения боевого генерала либо пропускали мимо ушей, либо отвечали на них успокаивающими фразочками — не сгущайте, мол, краски, генерал...

* * *

Генерал-майор Николай Васильевич Скрыпник и полковник Александр Иванович Дорофеев воевали бок о бок, старались в чеченском аду сберечь друг друга. Теперь покоятся рядом в донской земле.

Генерал-полковник Анатолий Афанасьевич Шкирко, командующий внутренними войсками России, выступая на траурном митинге в Ростове, сказал в скорбный день:

— Мы знали Николая Васильевича как хорошего руководителя, человека большой души, как прекрасного мужа и отца. Его трагическая гибель обязывает нас сделать все для того, чтобы стереть всякую нечисть с лица российской земли!..

Будем помнить!

**Подполковник
Николай КАМШЕКИН**

Ростов-на-Дону

Династия

КАРПОВЫ: СТО ЛЕТ В СТРОЮ

*В сорок пятом бойцы
Возвратились с войны.
Год рождения
наследников -
Сорок шестой...
А сейчас под знамена
Встают их сыны,
Пополняя армейский
Незыблемый строй ...*

Юрий КИРИЛЛОВ

В июне прошлого года в клубе войскового главка проходила презентация книги Бориса Карпова и Олега Смирнова "Внутренние войска: кавказский крест". Коллеги по перу Бориса Васильевича, многочисленные боевые друзья, ветераны, командование войск, члены правительства, среди которых был и вице-премьер, министр внутренних дел России генерал армии А.Куликов, искренне благодарили авторов и желали творческих успехов. На трибуну поднялся уважаемый в войсках человек, бывший начальник внутренних войск генерал армии Иван Кириллович Яковлев.

– Бориса Карпова я давно знаю, – сказал военачальник в своем выступлении, – это талантливый человек, талантливый журналист. Кстати, полковник Борис Карпов – выходец из военной семьи. Его отец, полковник Василий Константинович Карпов, здесь присутствует. А рядом с ним в этом зале полковник медицинской службы Валерий Васильевич Карпов. Целая династия! Если сложить годы, которые они отдали Родине, служа во внутренних войсках, получится целых сто лет. Я думаю, только за это стоит поаплодировать трем полковникам Карповым...

СЛУЖИМ ОТЕЧЕСТВУ

Глава семьи, Василий Константинович, службу начал во время Великой Отечественной войны. Еще подростком работал он в железнодорожном депо крупной станции Боготол, что в Красноярском крае. В семье тринадцать детей, отец — инвалид, как-то кормиться надо было. Но в августе 41-го пришел Василий в райвоенкомат и стал проситься на фронт, куда первым ушел брат Владимир. Военком выслушал юного добровольца и пояснил:

— Во-первых, тебе всего лишь семнадцать, на фронт рановато будет. А потом, ты же знаешь — железнодорожников на фронт пока не берем, вы и так боевую задачу выполняете, перевозки воинские обеспечиваете. Так что трудись ударно — вот твой вклад в победу...

Но Василий уже всерьез мечтал о военной службе. Узнав, что в соседнем Ачинске расположилось Киевское Краснознаменное пехотное училище имени Рабочих Красного Замоскворечья, заявился прямо к начальнику генералу Карлу Сверчевскому, герою войны в Испании. Тот выслушал паренька и решил его судьбу — Василий стал курсантом. В начале войны взводных выбивало нещадно. Курс учебы длился для них всего-то семь месяцев, а фронтовые биографии многих были и того короче. В апреле 1943 года девятнадцатилетний лейтенант Карпов со своим мотострелковым взводом убывает на Центральный фронт. И сразу в бой. Во время форсирования Днепра в районе Лоева молодой офицер получает тяжелое ранение. После долгих скитаний по госпиталям командует маршевой ротой. В июле 45-го — новое назначение: командиром взвода станковых пулеметов 427-го Минского орденов Кутузова и Александра Невского полка 192-й Оршанской Краснознаменной стрелковой дивизии. С ней он попадает на вторую войну.

Со своими пулеметчиками

Василий преодолевал Большой Хинган. За участие в этой кампании дивизии было присвоено почетное наименование «Хинганская». Закончились бои, но не закончилась боевая служба. Полку поручили конвоировать пленных японцев из Маньчжурии.

— Тяжелые были дни, — вспоминает Василий Константинович. — То многодневная сушь, когда не оставалось ни глотка воды, то проливные дожди зарядят на недели. И голодно было, и опыта пешего конвоирования такого числа пленных на такие расстояния никто не имел. А задача-то нешуточная...

Полк прибыл в Читу и присту-

мало что оставалось лейтенанту, разве что занятия спортом, который он всегда любил.

В 46-м женился Василий на своей землячке Нине Андреевне, молодой учительнице. Свадьбы тогда справляли весьма скромно. Невесты были небогаты, а женихи, только что вернувшиеся с войны, тем более. Взводный Карпов с японской войны единственный трофей прихватил — шерстяное одеяло цвета хаки. Где только не приходилось жить молодоженам: в санчасти, каптерке, ротной канцелярии, за сценой клуба, в комнате посетителей на КПП. Но все время надеялись и верили: настанут лучшие времена.

Василий Константинович
и Нина Андреевна Карповы.
Апрель 1943 года, г. Чита.

пил к несению службы по охране лагеря военнопленных. Вскоре объявили о переводе части в войска НКВД. Все ордена и почетные наименования сохранили, а это для фронтовиков было немаловажно. Василий Карпов вместе с боевыми друзьями осваивал новый вид службы. А кроме тяжелого ратного труда

В апреле 47-го у них родился первенец Валерий. Едва сыну исполнился год, Василий получил распоряжение убыть к новому месту службы в заполярный Норильск. Там появился на свет Борис.

Полковник в отставке Алыпов Сергей Георгиевич, бывший заместитель командира

СЛУЖИМ ОТЕЧЕСТВУ

полка внутренних войск в Норильске:

— Трудно было служить в Заполярье, но Василий Константинович, как фронтовик, никогда не роптал, был примером для всех офицеров. Очень хотел учиться. Жаль было такого офицера отпустить, но мы с командиром полка полковником В.Овсянко решили удовлетворить просьбу боевого офицера.

Капитан Василий Карпов поехал в Рижскую школу усовершенствования офицерского состава войск МВД. Здесь встретил многих боевых друзей, посвятивших свою жизнь службе во внутренних войсках. Учился Василий настолько прилежно, что его самого сразу после учебы сделали преподавателем военного училища МВД в городе Багратионовске.

Он всегда служил в каких-то заповедных местах — после Забайкалья и Заполярья попал в Закавказье, в Баку. А оттуда семья поехала в Пятигорск. Курорт, он для кого-то курорт. А капитану Карпову — служба конвойная дни и ночи. Для сыновей же город тот памятен тем, что там пошли в школу. Продолжал учиться и отец, теперь заочно, на военном факультете Высшей школы КГБ СССР. Заметим здесь, что Карпов-старший никогда не хватал звезд с неба — старшим лейтенантом ходил два срока, капитаном — два с половиной. Пахарь на военной ниве. Начальство знало, что он справится с любым участком, вот и прошел он практически все командные и штабные должности, что есть во внутренних войсках. И безропотно ехал куда прикажут. Дважды попадал в Читу, дважды — в Баку.

Спустя много лет вернулся в Читу командиром полка. Город изменился до неузнаваемости. И часть внутренних войск уже иная была, и заботы покруче — полк большой, подразделения разбросаны в тайге по всему Забайкалью, на сотни километров друг от друга. Привел часть

“к нормальному бою”, отладил все службы, завел штабной механизм. Командование войск поблагодарило и... предложило равнозначную должность в Тамбове. Доводы были вроде бы убедительными — город тихий, центральная полоса, от Москвы недалеко, сады-огороды кругом, словом, благодать.

На семейном совете рассуждал полковник Карпов уже с позицией завтрашнего пенсионера:

— Переедем, Нина, еще разок и бросим якорь в Тамбове. Говорят, там отставникам нравится, дачки потихоньку строят, на грядках копаются. А дети и внуки будут ездить в гости к нам на яблочки...

Генерал-майор запаса Скрипников Виктор Александрович, бывший заместитель командира тамбовского полка:

— Мы с командиром прибыли почти одновременно. Сразу чувствовались его хватка, опыт, умение работать и отдавать себя делу. Он постоянно находился в подразделениях, изучал всех офицеров, прапорщиков, наладил самые тесные контакты с руководством УВД, начальниками охраняемых объектов, местными властями. Помог многим решить вопрос с жильем, трудоустройством жен. В части развернул большое строительство. Видно было, что этот человек прибыл надолго и устраивается основательно. Высок был авторитет нашего командира у всех сослуживцев и командования соединения. С таким человеком работать одно удовольствие. Я и позже, когда проходил службу в других частях и соединениях, всегда ставил в пример Василия Константиновича. Замечательный офицер. Мы и семьями дружили, Карповы — сердечные, гостеприимные, отзывчивые люди...

В тамбовской части полковник Карпов известен тем, что именно он отстроил новый военный городок. С нуля начал и справил новоселье в новых казармах и штабе. Средств сверху не отпустили, сетуя на безденежье да

уповая на разворотливость, деловитость командира. А ведь ему не только стройкой заниматься надо было, но и службу править. На все хватало его энергии: полк не только въехал в новый городок, но и переходящее Красное знамя соединения завоевал. Командиру воздали должное — рядом с фронтовым появился на парадном мундире второй орден Красной Звезды.

Взрослели сыновья. Валерий закончил бакинский мединститут. Когда в военкомате спросили, где хотел бы отслужить положенные два лейтенантских года, не раздумывая — во внутренних войсках. Направили на Центральный узел связи. Борис к этому времени заканчивал тамбовский пединститут. Там военной кафедры не было, поэтому свой воинский долг перед Родиной он должен был отдать, отслужив год в солдатском строю. Так появился в семье третий военный...

Все у Карповых шло своим чередом. Но только мечте Василия Константиновича уйти в отставку и осесть в тихом Тамбове не суждено было осуществиться. Сказали: рано на покой. Предложили должность начальника штаба дивизии в Горьком. Пришел он домой и стал беседовать с женой:

— Ну что, Нина, будем дальше твою географию на практике изучать. На Енисее служили, на Даугаве, на Каспии. Поедем теперь на Волгу?

А куда денешься, так уж воспитала жизнь, что предложение высшего командования — приказ. И опять чемоданы. А уж от Москвы и вовсе неловко было отказываться. Тогда ведь как в народе говорили: в столице всегда урожай. Должность заместителя начальника создаваемого Московского военно-строительного управления поначалу пугала.

— Какой из меня строитель, —

Возвращение из Бамута. Крайний справа — полковник Борис Карпов. 24 июля 1996 года.

возражал Василий Константинович в главке, — я же строевой офицер, командир.

— Э-э, не скажи, — резонно заметил старший начальник. — В Тамбове вон какой городок отгрохал. Надо формировать новые части, наладить в них учебу, подобрать кадры — на тебя надемся.

Согласился. И вновь офицерская общага, а ведь за плечами офицера-фронтовика сорок календарных лет, ранение все

чаще дает о себе знать... Работать доводилось много. Кроме того, что все начинали с нуля, сказывалась и большая разбросанность строительных подразделений. Вот где пригодился ему опыт руководства подразделениями в конвойном полку. Помогал командирам и штабам в организации работы на объектах, учил правильно строить взаимоотношения с прорабами. Управлению тому благодарны и войска, и министерство, и Моск-

ва, где солдатскими руками возведено было немало важных зданий.

Потом пенсия. Дома усидел недолго. Несколько лет руководил куйбышевским районным комитетом ДОСААФ, потом нашел место поспокойнее, по возрасту — на скромном деревообрабатывающем комбинате.

Островский Лев Семенович, директор этого предприятия:

— Василий Константинович для нас большая находка. Свои обязанности освоил по-военному быстро и четко. Пусть ему за семьдесят уже — таких энергичных и дотошных мне и среди молодых не найти. По собственной инициативе занимается большой общественной работой: он установил фамилии работников комбината, павших на фронтах Великой Отечественной, оформил мемориальную доску и небольшой музей. В канун праздника Победы собрал вдов, устроил для них чаепитие, выхлопотал каждой материальную помощь. Его жизненное кредо: все для людей. Авторитет его непререкаем. Благодаря ему и дисциплина на предприятии стала лучше. Я сам капитан запаса, знаю военных и очень доволен, что жизнь познакомила нас с Василием Константиновичем.

Сыновьям Василия Константиновича остается держать равнение на отца. Они тоже дослужились до полковничьих звезд, каждый на своем поприще. Оба офицера трудолюбивы, хорошие организаторы, общительны, любят людей и откликаются на их беды. Валерий Васильевич — начальник отделения в Главном военном клиническом госпитале внутренних войск. В составе сводного медицинского отряда группировки был в Чечне, награжден почетным «кавказским крестом».

Рядовой Борис Карпов с первых дней службы стал военкором дивизионки «Патриот Родины». Из номера в номер шли его репортажи и корреспонденции,

СЛУЖИМ ОТЕЧЕСТВУ

фотоснимки и очерки. Когда срочная подходила к концу, солдата вызвал начальник политотдела полковник С.Г.Селиверстов:

— Если есть желание стать кадровым офицером, поддержим, направим на курсы военных журналистов во Львовское военнополитическое училище, экстернат есть и в нашем Саратовском. Жизнь офицерская, как у отца, тебе известна. Завтра дашь ответ.

Борис недолго раздумывал — он еще школьником мечтал о журналистике, писал в молодежных газетах. Несколько лет прослужил он в конвойной дивизии, будучи ответственным секретарем редакции, объездил все подразделения. Перевели в дивизию по охране важных государственных объектов. В газете "Всегда начеку" стал редактором.

Подполковник в отставке Румянцев Георгий Анатольевич, бывший командир батальона, офицер штаба полка:

— Я видел, как создавалась наша газета. Борис много ездил по частям, часами пропадал в караулах, беседуя с солдатами, прапорщиками, офицерами. Военковская работа кипела. Молодой, казалось бы, офицер, но какое у него умение разговаривать одинаково уважительно и заинтересованно с младшими и со старшими по возрасту и по воинскому званию! Видимо, его педагогическое образование помогало. Уважение к людям, умение докапываться до мелочей, показать человека — в этом его талант.

Для него стал этапным 1985 год: сначала майора Карпова пригласили на семинар литераторов внутренних войск в Дубултах, потом перевели в журнал "На боевом посту", где он прошел через несколько отделов, расширяя круг тем, оттачивая перо.

Практически везде, где доставалось внутренним войскам, был с ними и этот военный корреспондент: Чернобыль и Нагорный Карабах, Баку и Ереван, Север-

ная Осетия и Ингушетия, Чечня. Причем, взяв интервью у командующего, напивавшись информацией в штабе группировки, он всегда торопился в боевые порядки. Раскрывал блокнот, включал диктофон в окопе, в землянке, сидя на бронетранспортере. Наблюдает, беседует, а то и снаряжает пулеметную ленту патронами и автомат, бывало, в руки берет.

Строчки свои привозил с Новой Земли и из зоны землетрясения, с Дальнего Востока и из Средней Азии. Авторитет и уважение среди пишущей братии — заслуженные. Как и боевые награды: медаль ордена "За заслуги перед Отечеством" II степени с мечами, медали "За спа-

сение погибавших", "За отличие в воинской службе" I и II степени.

Полковник запаса Афанасьев Валерий Валентинович, бывший начальник отдела журнала "На боевом посту":

— Поражаюсь его маневренности, неутомимости. Его очерки публиковали многие российские газеты и журналы. И в каждой строке — гордость за наши внутренние войска, любовь к своим героям. Борис — истинный патриот войск, пропагандист их традиций. Все, что выходит из-под его пера, пропущено через

сердце и пламенную душу. Поэтому его очерки волнуют, никого не оставляют равнодушным.

В клубе войсковой части Московского округа внутренних войск собрались воины на встречу с ветеранами, посвященную Дню защитника Отечества. Когда ведущий объявил, что в президиуме три полковника — Карповы, зал встал и долго рукоплескал. Приятно было видеть отца и сыновей, посвятивших всю свою жизнь службе во внутренних войсках. Собравшиеся очень внимательно слушали их рассказы о людях на войне, выполняющих свой воинский долг в горячих точках.

Карповым есть что рассказать, есть чем поделиться со своими однополчанами. Позади у них сто лет службы Отечеству. У Карповых большинство государственных праздников отмечают как семейные: День железнодорожника и День учителя, День строителя и День медицинского работника, День печати и День внутренних войск. День защитника Отечества, 23 февраля, — дата особая. В этот день у семьи двойной праздник — еще и день свадьбы Василия Константиновича и Нины Андреевны.

Человек не зря прожил жизнь, если он посадил дерево, построил дом и вырастил сына. Карповы своей судьбой это подтверждают.

Генерал армии И.Яковлев перед залом, где собрались десятки офицеров и генералов, сказал:

— Пусть больше у нас будет таких Карповых. И тогда внутренние войска будут еще более стойкими, непобедимыми.

Полковник в отставке Василий КРИВЕЦ, председатель совета ветеранов Московского округа внутренних войск. Фото Олега Смирнова и из семейного альбома

В связи с 40-летием со дня выхода в свет первого номера журнала «На боевом посту» редакцию поздравили:

Заместитель начальника
Главного управления казачьих
войск при Президенте
Российской Федерации,
атаман Московского городского
реестрового казачьего
общества С.ДОНЦОВ.

Уполномоченный по делам
казачества при Правительстве
Москвы И.ЧИНЦОВ.

Начальник пресс-службы —
пресс-секретарь министра
обороны России
генерал-майор А.ШАТАЛОВ.

Центр общественных связей
Федеральной службы
налоговой полиции России.

Президент Международной
ассоциации писателей
баталистов и маринистов
Ю.ВИНОГРАДОВ.

Председатель правления
Межрегиональной ассоциации
журналистов, пишущих
на правоохранительную тематику
Л.ГОЛОВНЕВ.

Начальник Объединенной
редакции МВД России
полковник А.ГОРЛОВ.

Главный редактор
«Военно-исторического журнала»
полковник В.МИНАЕВ.

Профессорско-преподавательский
состав кафедры журналистики
Военного университета.

Начальник факультета внутренних
войск МВД России
Военного университета
полковник И.СТОВБУН.

Коллектив редакции
журнала «Ориентир».

Заместитель
главного редактора
«Учительской газеты»
И.ДИМОВА.

Агентство «Роспечать»
Государственного комитета связи
России.

Коллектив газеты внутренних войск
МВД Украины «Ратник».

дению” арестантов, находилась конвойная стража. А посему журнал считал своим долгом почти в каждом номере публиковать руководящие документы по организации службы конвоирования, информацию о самоотверженных поступках стражников, сведения о награждениях, перемещениях и назначениях офицеров конвойных команд.

Не случайно именно на страницах “Тюремного вестника” в 1911 году впервые была опубликована подборка исторических материалов к 100-летию юбилею местных войск и конвойной стражи — воинских формирований, выполнявших в России функции нынешних внутренних войск и являвшихся правопреемниками созданного еще в марте 1811 года Отдельного корпуса внутренней стражи. В том же мартовском номере журнала чинов конвойной стражи поздравлял с юбилеем лично Николай II. Несомненно, и нынешний читатель с интересом познакомится с текстом праздничного высочайшего приказа по военному ведомству: “В воздаяние верной и ревностной службы Престолу и Отечеству местных войск и конвойной стражи, коим ныне истекает 100 лет со времени их основания, Государь Император объявляет всем офицерским и классным чинам местных войск и конвойной стражи Высочайшее благоволение, а нижним чинам Царское спасибо”. К слову сказать, приказ датирован 27 марта 1911 года. Не случайно именно эта дата отмечается ныне как День внутренних войск. Несколько отвлекаясь от темы, заметим, что такой вид поощрения, как высочайшее благоволение, давал возможность получения следующего офицерского чина досрочно. Так что столетие своих войск многие офицеры-стражники отметили прикалыванием на погоны очередных заветных звездочек.

Журнал “Разведчик”, вопреки

своему названию, являлся общевоенным и литературным изданием и писал не столько о проблемах разведки, сколько о жизни всех видов существовавших на тот период войск. Журнал имел следующие постоянные разделы: распоряжения по военному ведомству, хроника, обзор печати, высочайшие приказы, разное. Журнал “Разведчик”, разумеется, не упустил

конвойных командах не особенно привлекательна в смысле служебной карьеры и быстрого повышения в чинах”. Так оно и было. Но причина настойчивых просьб о переводе крылась в другом: хорошие оклады привлекали офицеров гораздо сильнее, чем служебная карьера. Так, например, сумма годового денежного содержания офицера-конвойника почти в

два раза превышала доход его коллеги-пехотинца. Дабы не быть голословным, свои выводы автор статьи убедительно подтверждал цифрами: размер годового жалования начальника конвойной команды в чине подполковника доходил до двух с половиной тысяч рублей, тогда как командир пехотного батальона в таком же чине имел лишь 1 380 рублей в год. Разница, как видим, существенная.

После октября 1917 года большинство старорежимных изданий прекратили свое существование — они не отвечали требованиям классовой идеологии. Пришедшие к власти борцы за новые революционные идеалы предъявляли

свои требования к печатным изданиям — убедительно оправдывать и разъяснять массам свою историческую миссию преобразователей общества. Выходившие в те времена издания были крайне политизированными, и, читая их сейчас, зачастую невозможно понять прочитанного.

Первая попытка издания в войсках ГПУ собственного центрального периодического печатного органа относится к концу 1922 года. Закончилась братоубийственная гражданская вой-

из виду и деятельность местных воинских формирований. В одном из номеров за 1893 год была напечатана любопытная статья под заголовком “Конвойная стража”. Ее автор, генштаба подполковник Н. Николаев, поведал о том, что, оказывается, многие армейские офицеры мечтали служить в конвойной страже и годами настойчиво добивались перевода. Происходило это, даже несмотря на бытовавшее в высоких военных кругах мнение, что “служба в

на. В Стране Советов начиналась мирная напряженная работа по строительству невиданного доселе социалистического общества. Перед внутренними войсками партия большевиков поставила новую задачу — охранять мирное социалистическое строительство. В таких условиях издание собственного журнала, публиковавшего материалы не только чекистско-войсковой тематики, но, прежде всего, доступно разъяснявшего воинам внутреннюю и внешнюю политику большевистского правительства, выражаясь словами вождя мирового пролетариата, явилось делом "архиважным и архинужным". И такой журнал вскоре появился.

В архивах сохранился приказ заместителя председателя ГПУ Иосифа Уншлихта от 28 ноября 1922 года за номером 315/553 "Об издании журнала "Гвардия пролетариата". Откуда же это название? После гражданской войны в чекистском ведомстве родился очередной политлозунг "Войска ГПУ — гвардия пролетариата". Вторая часть лозунга и стала названием войскового печатного издания. В приказе зампреда строго определялась тематическая направленность чекистского журнала: "Орган Политотдела войск ГПУ Республики ...посвятить исключительно вопросам спецвоспитания". Под понятием "спецвоспитание" подразумевался целый комплекс мероприятий, направленных на выработку у воинов чекистского чутья в распознавании затаившихся врагов мировой революции, под какой бы личиной они ни скрывались.

Журнал состоял из трех основ-

ных отделов: официального — ведомственные приказы, инструкции, циркуляры; дискуссионного — методика проведения спецзанятий; отдела материалов — публикации по истории войск и органов ГПУ, обзоры чекистско-войсковых операций, воспоминания участников "былых боев и походов", статьи об антинародной сущности различных контрреволюционных партий и группировок".

Дабы редакционный портфель не пустовал, заместитель "железного Феликса" в приказном порядке обязал весь командный и политический состав войск ГПУ "с большим вниманием отнестись к издаваемому журналу и оказывать... всякое содей-

ств. Нетрудно догадаться, что недостатка в авторских материалах журнал не испытывал — за невыполнение распоряжений высшего чекистского руководства спрос был жестким.

Оформление "Гвардии пролетариата" не отличалось броскостью, но имело некий потаенный смысл. На обложке под названием журнала размещался красно-речивый символ: в вертикальном прямоугольнике на фоне индустриального пейзажа изображение человеческих уха и глаза — так называемого "всевидающего ока". Тайный смысл символа расшифровывался таким образом: от ГПУ не скроешься — оно все видит и все слышит. На обороте предупреждающая читателей надпись — "Номера журнала "Гвардия пролетариата" не подлежат оглашению за пределами органов и войск ГПУ". Читатели-чекисты неукоснительно соблюдали это требование — иначе могли последовать жесткие оргвыводы за разглашение ведомственных секретов.

В архивах обнаружен второй номер журнала, который, по предложению редакции, рекомендовали использовать "для проведения специальной работы по обработке красноармейцев", убедительно разъясняя им "сущность и значение диктатуры вообще и диктатуры пролетариата в частности". Смысл всех разъяснений сводился к одному: диктатура пролетариата — это хорошо, а диктатура вообще — ну очень плохо. В этом плане характерна статья начальника штаба войск ГПУ Н. Ефимова, опубликованная в том же номере "Гвардии пролетариата". Он утверждал, и, видимо, не без оснований, что, готовя войска к боевому применению, "надо все мероприятия по обучению и воспитанию соразмерять с методами и характером чекистской работы". Иными словами, красноармеец войск ГПУ должен быть не только умелым воином,

вие и помощь путем присылки в редакционную коллегия различ- ных статей, материалов, воспо- минаний, очерков и т.д..."

распространялся среди красноармейского актива. И таких доморощенных изданий было немало.

В региональных подразделениях ОГПУ предпринимались попытки выпускать свою периодическую печатную продукцию — единую как для личного состава войск, так и для сотрудников чекистских органов. Например, полномочное представительство ОГПУ по Дальневосточному краю издавало журнал “Часовой революции”. Сохранился один из экземпляров — десятый номер за декабрь 1930 года: добротная бумага, качественная полиграфия, цветная обложка с символическим рисунком — на фоне дымящихся труб индустриализации мускулистая чекистская рука, смертельной хваткой удушающая маленького человека в пенсне, и надпись “Контрреволюция”. На обороте в правом верхнем углу своеобразный гриф секретности “Не подлежит оглашению. Только для сотрудников ОГПУ”: враг не должен знать чекистских методов борьбы с ним. Выпуск номера был приурочен к празднованию 13-й годовщины ВЧК—ОГПУ и, естественно, изобилует материалами чекистской истории. “Бойцам, беззаветно преданным пролетарской диктатуре, мы посвящаем этот номер “Часовой революции”, — в духе революционной романтики говорится в обращении редколлегии к читателям.

На первой полосе — поздравление председателя ОГПУ В. Менжинского с чекистским праздником и призыв “еще зорче, сплоченнее стоять на своем посту, разоблачать козни врагов и уничтожать их”. Чему, собственно, и следовали верные ученики “железного Феликса”.

Среди публикаций по истории чекистских органов и войск нам наиболее интересна заметка некоего Семенова — участника так называемого охотско-аянского похода 2-го Дальневосточного

кавполка войск ОГПУ. Пожалуй, это первое краткое и наиболее правдивое описание операции по ликвидации банд Пепеляева в Якутии, успешно проведенной экспедиционным отрядом воинов-чекистов в конце 1927 года. “Банда заблаговременно устроила укрепления вокруг занятых ею домов — писал очевидец боевых действий, — но под нашим решительным напором и дружным “ура” кончилось властвование бандитов”. Напомним, что именно после этой операции в наших войсках впервые зародилась традиция навечно зачисления в списки части. Трое участников ледового похода в Якутию — комвзвода В. Реут, красноармейцы Н. Иваненков и А. Потанин, героически погибшие в бою с бандитами, приказом председателя ОГПУ от 4 марта 1929 года были навечно зачислены в списки своего полка.

Решение возродить издание единого журнала для всех видов войск НКВД принималось на самом высоком уровне — в ЦК ВКП/б/ в 1939 году. Первый его номер под названием “Пограничник” воины-наркомвнудельцы — по терминологии тех лет — получили уже в сентябре. В обращении к читателям редакционный коллектив призывал красноармейцев и командиров войск НКВД “и дальше осуществлять большевизацию своих рядов, воспитывать бойцов и командиров в духе беззаветной преданности делу коммунизма, повышать свою бдительность, непрерывно совершенствовать свою боевую и политическую подготовку”. Такое напоминание в те тревожные годы было далеко не лишним — дороги Европы уже всюю топтал сапог фашистского солдата. Журнал, в свою очередь, брал на себя обязанность силами и средствами печати повышать идейно-политическую сознательность воинов-чекистов, обобщать и распространять передовой опыт боевой учебы и службы войск,

быть активным помощником в организации “самостоятельного изучения истории партии, военного дела”, а также вместе с бойцами “бороться за отличную охрану границ и социалистических предприятий”.

Первоначально журнал “Пограничник”, оправдывая свое предназначение — быть органом общевойсковым, регулярно освещал на своих страницах и проблемы внутренних войск. Например, почти половина страниц февральского номера 1942 года отдана описанию подвигов воинов 156-го полка войск НКВД по охране особо важных предприятий промышленности при героической обороне города русских оружейников — древней Тулы.

Но все же журнал, оправдывая свое название, постепенно все большее предпочтение отдавал пограничной тематике. По этому поводу в 1947 году коллектив редакции перенес серьезную встряску: секретариат ЦК ВКП/б/ обвинил журнал в мелкотемье, слабом знании вопросов службы, отсутствии в публикуемых материалах остроты и злободневности. Вновь назначенный редактор журнала полковник Г. Белых вспоминал: “Буквально через несколько дней после назначения я получил первый приказ: расширить тематику и включить в план материалы из жизни внутренних войск”. С этого момента издание официально стало именоваться “Военно-политический журнал офицерского состава войск МВД СССР”. В таком качестве “Пограничник” просуществовал еще десять лет — до марта 1957 года, когда пограничные войска были переданы в ведение КГБ СССР. Внутренние войска вновь остались без центрального печатного органа. До рождения журнала “На боевом посту” оставалось ровно девять месяцев...

**Подполковник
Николай СЫСОЕВ**

КАК МЫ НАЧИНАЛИ

Начинают по-разному: и после долгих раздумий, тщательной подготовки, и без всякой подготовки — с ходу, штурмом.

Именно так, по второму варианту, начали мы в самом конце 1957 года делать журнал “На боевом посту”. И я, пусть это не покажется кому-то нескромным, среди тех начинающих был самым первым.

Случилось так, что тогда, в октябре-ноябре 1957 года, оказался я за штатом. Сдав обязанности начальника политаотдела и подписав акт о расформировании полка, ожидал приказа о назначении начальником политаотдела одного из соединений, куда согласился ехать. Но у офицера, занимавшего уготованное мне место, в последний момент обнаружили какую-то неточность в выслуге, и надо было ему месяца два-три дослужить. Начальник политуправления войск генерал-майор Н. С. Терещенко заверил меня, что если руководством министерства не будет продлен срок моего пребывания в резерве, меня по истечении двух месяцев временно назначат на одну

из вакантных должностей — и даже назвал некоторые. А потому, мол, не волнуйся, отдыхай дома, гуляй, читай, жди звонка...

В один из дней такого “отдыха” он вдруг срочно вызвал меня к себе. Улыбаясь, сказал:

— Только что принято решение ЦК партии об издании с января 1958 года войскового журнала “На боевом посту”. Штаты его пока будут утрясаться, а первый номер готовить пора. Мне хотелось, чтобы ты остался работать в редакции.

Неожиданное предложение Николая Семеновича ломало мои планы и настроение. Я стал отказываться, ссылаясь на то, что, хотя и печатался прежде, в редакциях никогда не трудился, что предпочитаю практическую работу в войсках.

Николай Семенович, хорошо знавший меня с 1950 года, когда я был у него помощником по комсомолу, кивнув в знак согласия, заключил:

— Ладно. Вопрос о перспективе оставим открытым, дивизия от тебя никуда не уйдет, а сейчас садись и начинай работать. В журнале у тебя, не сомневаюсь, получится. Пока все дела по журналу поручены полковнику Родионову, будь его правой рукой.

Присутствовавший при разговоре начальник отдела пропаганды политуправления полковник П. А. Родионов, коему пришлось подписывать в печать и первый номер журнала, взял меня под руку и привел к себе. Обговорили мы некоторые начальные шаги, и, заняв стол в одном из кабинетов политуправления, засел я за материалы к первому номеру.

Кадровики меж тем занимались структурой и штатами журнала. Готовился приказ о составе редколлегии. За образец взяли “Пограничник”, издававшийся с 1939 года. Срочно организовали подписку, и к тому дню, когда запускали в печать номер, тираж журнала превысил установленные ЦК 20 тысяч. А после утверждения 29 ноября штатов стали подбирать людей на дол-

жности, строить редакционный коллектив.

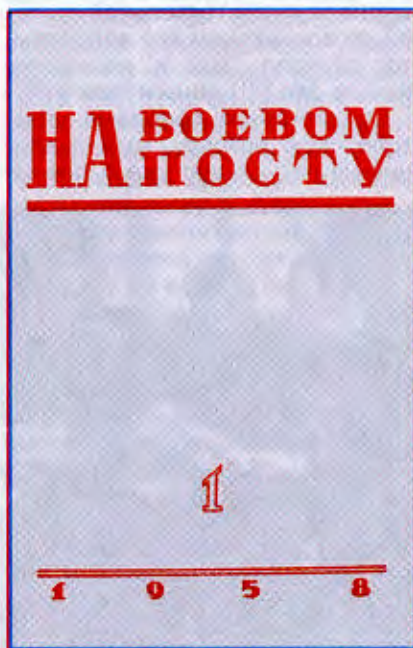
Главная сложность, пожалуй, состояла в том, что действовало строгое предупреждение: ни на один метр жилой площади в Москве не рассчитывать, людей брать только с квартирами. Поэтому-то примерно половина сотруddников пяти отделов редакции, придя туда, впервые в жизни услышала такие слова, как гранки, макет, верстка, корпус, тетит и т. п.

Помню, как по кабинетам и коридорам главка на Покровском бульваре ходили офицеры, которых сватали на разные должности в журнал, прежде всего главреда. Появлялся там раза два полковник с эмблемой летчика в петлицах — Н. Н. Денисов, заведующий военным отделом “Правды”. Отказался. Затем некто (фамилию не помню) в черном, морского покроя кителе с тремя звездами на погонах: чем-то не подошел. Был кто-то еще и тоже отпал. Согласился и оказался сущей находкой полковник Михаил Максимович Рамзин, до этого заведующий одной из редакций Воениздата, журналист с большим опытом, редактировавший в годы войны фронттовую, а затем в Риге окружную газету ПрибВО, работавший ответственным секретарем “Красной звезды”. Да к тому же, что крайне важно в таком специфическом коллективе, как наш, мудрый, терпеливый, прекрасный человек 57 лет.

Заместителем главного (он же редактор закрытого сборника) назначили Василия Андреевича Юдичева, пришедшего с ответственной должности из управления кадров МВД СССР. Человек, безусловно, способный, эрудированный, выпускник знаменитого ИФЛИ, студентом попавший в 1941 году в прославленную ОМСБОН НКВД. Когда через два года журнал закрыли, Юдичев в 40 лет уволился из войск и трудился сначала заместителем редактора, а потом и

редактором журнала “Художник”.

Должность ответственного секретаря занял Яков Михайлович Азарпетян, призванный срочно из запаса (работал в “Гудке”) офицер войск МВД. До увольнения в связи с очередным сокращением войск его хорошо знал П. А. Родионов, он и разыскал Якова Николаевича. Был Азара-

петян человеком на своем месте, секретами редакционной кухни владел в совершенстве, только вот здоровьем похвастаться не мог.

Из окружной газеты “Красный воин” пришел редактор отдела боевой подготовки полковник Захаров Николай Евстафьевич, профессиональный журналист. Редактор отдела литературы Георгий Иосифович Аганезов, известный позднее как писатель Зангезуров, до этого служил в центральном аппарате МВД. Отдел пропаганды возглавил Кирилл Владимирович Волков, личность во многих отношениях примечательная, а по мнению некоторых сослуживцев, и оди-

озная, для журнала же случайная. В отделе службы у штурвала встал полковник Рыбальченко Петр Кононович, офицер оперативного отдела главка. Ни он, ни его помощник, в будущем генерал-майор внутренней службы Б. В. Татаринов, прежде с печатью связаны не были. Мне суждено было вести отдел партийно-политической работы, практика которой во всех аспектах была достаточно знакома, а опыт журналиста пришлось приобретать в редакции, как и многим другим.

Создание журнала совпало по времени с таким известным событием, как только что состоявшийся октябрьский пленум ЦК КПСС, который принял постановление об улучшении партийно-политической работы в армии и на флоте.

Решения пленума стали главным содержанием, сердцевиной того, о чем нам предстояло говорить с читателями, что надлежало пропагандировать. И мне надо было в первый же номер подготовить открывающую его вместо передовой статью министра внутренних дел СССР Н. П. Дудорова, статью программного характера начальника политуправления Н. С. Терещенко, а также дать обзор посвященных решениям пленума собраний партактива соединений и единственного, первого и последнего в истории ВВ общевойскового актива. Именно эти три ключевых материала давали ориентацию, определяли лицо номера. Как удалось новичку с этой задачей справиться, судить не берусь. Замечу лишь, что во всех своих материалах я, опираясь на собственное чутье, предыдущий опыт работы, постарался избежать царившего в общественной атмосфере нагнетания негативных страстей вокруг имени Г. К. Жукова, расправе с которым (другого слова не ищу) и был, собственно, посвящен пленум. Рассуждения о партийно-политической работе служили там скорее ширмой, дымо-

вой завесой. Да по чести говоря, никаких реальных указаний по ее улучшению, кроме громких общих фраз со ссылками на Ленина, в том постановлении и не найти. Лишь через 10 лет, в январе 1967 года, постановление ЦК КПСС с аналогичным названием предусматривало действительно серьезные меры по улучшению партполитработы.

Одна из сложностей, особенно в период становления журнала, заключалась в том, что ему предписывалось обслуживать не только внутренние и конвойные войска, на которые распространялось влияние и власть политуправления, чьим органом журнал являлся, но также части местной противовоздушной обороны (после 1960 года ушедшие в Министерство обороны), конвойную охрану мест заключения, органы военного снабжения и обслуживающие их войсковые подразделения. Все эти органы были представлены в редколлегии: от штаба МПВО — полковник Н.П. Томарев, от ГУМЗа — генерал-лейтенант В.М. Бочков, от ГУВСа — полковник А.Ф. Смолин.

Нам же с названными «прикрепленными» к журналу ведомствами нужно было наладить тесную творческую связь, проникнуть в их специфику и освещать их жизнь и служебную деятельность. Получилось это, естественно, не сразу, и на заседаниях редколлегии поначалу разговор шел не столько о качестве публикаций, их тематическом диапазоне, сколько о том, какому ведомству отдано предпочтение, слышались претензии местнического характера. Особенно напористо проявлял себя Виктор Михайлович Бочков. Самый старший по званию, некогда занимавший крупные посты, в том числе и должность Генерального прокурора

СССР, а сейчас возглавлявший в ГУМЗе отдел конвойной охраны (а как она, эта самая охрана, выглядела, мы убедились, когда в 1961 году принимали ее в состав войск!), он с прокурорской непреерекаемостью и безапелляционностью обвинял редакцию в недооценке, невнимании, непонимании и прочих прегрешениях. Когда же тактичнейший П. К. Рыбальченко предложил генералу самому выступить в журнале с обстоятельной статьей по волнующим его вопросам, тот отрезал: «Вот и напишите, вам за это (!) деньги платят!».

Со временем проблема утратила свою остроту, хотя давление на нас пошло уже с проти-

го двое) офицер из орготдела политуправления, неплохо справлявшийся там с учетом и анализом преступлений, чрезвычайных происшествий и грубых воинских проступков, в редакции оказался беспомощным и малополезным. Мучались мы с ним, до глубокой ночи засиживались, сжигая за день по две пачки «Беломора», а проку так и не добились. Пришлось офицеру возвращаться туда, откуда прибыл. И лишь с приходом в отдел В. В. Журавлева с навыками работы в газете возник просвет в тучах: материалы пошли лучше, быстрее, в портфеле отдела появился сначала небольшой, а затем и приличный запас. Мож-

В редакции гости — венгерские офицеры. И.Г. Беликов — на снимке третий справа.

воположного фланга из войскового главка. Спрашивали: чьи вы, товарищи из журнала, кому служите и подчиняетесь, где на партучете состоите, где содержание получаете?

Вообще же рождался журнал буквально в муках — и прежде всего из-за неопытности, низкой (а то и просто никакой) журналистской квалификации сотрудников, из-за пустого портфеля, из-за отсутствия нужных авторов.

Назначенный в отдел партполитработы старшим инструктором (а нас в отделе и было все-

но было позволить себе оторваться от стола и съездить в войска, чтобы там, на месте организовать плановые статьи и корреспонденции, посидеть над ними с авторами, встретиться и посоветоваться с читателями. Замечу, что в отличие от сегодняшнего журнала, материалы штатных сотрудников на его страницах встречались крайне редко, преимущество отдавалось авторам с мест. Такой курс находил отражение и в гонорарной ведомости. За два с лишним года моя фамилия появля-

ИСТОКИ

лась в журнале лишь дважды. Правда, мне принадлежало сравнительно много передовых и редакционных статей, обзоров печати и проч.

Ну а так называемый авторский актив — офицеры политорганов, политработники частей, замполиты подразделений, как известно, тоже был не шибко мастеровит. В лучшем случае худо-бедно натренированные в составлении докладных записок и отчетов, они присылали материалы, мало чем отличавшиеся один от другого и нуждавшиеся в опытной руке журналиста. С "рукой" же этой тоже, как уже сказано, было не просто. Но именно из такого канцелярского сырья (даже не полуфабриката) требовалось сделать нечто читаемое. Да хорошо еще, если автор без апломба и охотно соглашался на любую правку. Случались ведь и конфликты, подчас затяжные. Один из них мне особенно запомнился.

Начальник политотдела Оршанско-Хинганской дивизии (тогда она называлась 1-м отделом внутренней и конвойной охраны) прислал в политуправление пухлый отчет о выполнении решений октябрьского пленума ЦК — 42 страницы плотного машинописного текста. Копию адресовал в редакцию, то бишь мне на стол, надеясь увидеть сей конторский опус 20-тысячным тиражом.

В сплошном перечне повесток дня собраний, заседаний, совещаний, заслушиваний, в калейдоскопе тем лекций, докладов, бесед, политинформаций и прочих агитационно-пропагандистских мероприятий отыскать какие-то крупницы живого опыта, чего-то поучительного, интересного, творческого невозможно было и днем с огнем. Меж тем товарищи из ПУРа, взалхлеб восторгаясь оным аппаратным шедевром, настаивали на его обязательной публикации. Я заявил, что для журнала материал не годится ни по форме своей, ни по гигантским размерам, а еще

больше — по содержанию. Возмущенный полковник в ответ изрек, что такой журнал ему и его подчиненным не нужен, что работают в нем ничего не смыслящие в передовом опыте люди и т. п. Вскоре это мнение пошло гулять по коридорам политуправления. Пришлось мне, коль страсти за стенами редакции разгорались, на ближайшем партсобрании главка ввести того автора и его адвокатов в конфуз, показав, что в хваленой той рукописи нескромный руководитель утверждает, что за полгода после октября 1957 года он ухитрился "не только выполнить, но и перевыполнить решения пленума". Присутствующие дружным смехом поставили точку в споре.

Минуло несколько месяцев, и мы обзавелись кругом своих авторов как из войск, так и из числа профессионалов-газетчиков. Некоторые из них, став пенсионерами, например Владимир Адоринский, продолжали постоянно сотрудничать с журналом и после возобновления в 1970 году издания.

Хочу напомнить, что тогдашний журнал разительно отличался от сегодняшнего. Мы делали журнал, помогающий офицерам работать — обучать и воспитывать, и даже кормить и одевать личный состав. Именно на этом держался его авторитет, неизменно сказывающийся на росте тиража: первый год ("кот в мешке") — 20 с небольшим тысяч (что и было установлено решением ЦК КПСС об учреждении журнала), второй — более 30, третий, последний — свыше 42 тысяч подписчиков. Помимо статей, репортажей, зарисовок, раскрывающих различные стороны службы и деятельности войск, в журнале регулярно публиковались методические материалы и разработки по темам и разделам боевой и политической подготовки, подборки цифр и фактов к ним, печатались консультации, ответы на вопросы — словом, все, что не только вообще полезно, а буквально до за-

резу нужно командиру взвода, роты, руководителю группы политзанятий, политработнику подразделения, партийному и комсомольскому активисту. Журнал становился их спутником, советчиком, другом, учебным пособием.

В журнале печатались песни — походные, строевые, солдатские лирические, для художественной самодеятельности, обычно с нотами. В редакцию приходили композиторы и поэты-песенники. Помню, как не посвященные в наши тайны офицеры главка, проходя мимо кабинета М. М. Рамзина, удивленно спрашивали: что это у вас за развлекаловка среди рабочего дня? А это Ваню Мурадели исполнял свою новую песню, как он говорил, композиторским голосом, аккомпанируя себе на аккордеоне.

Приносили нам рукописи повестей, рассказов, очерков прозаики. Недавно на книжном прилавке в груде глянцевого бестселлеров-боевиков с кричащими, "убийственными" заголовками я прочел: "Пирамида дает трещину". Поваяло чем-то давно знакомым. Стоп, так ведь главы из приключенческой повести с таким названием впервые увидели свет как раз в первом номере нашего журнала...

В отдел пропаганды пудами тащили свои неудобоваримые теоретические "бульжники" кандидаты и даже доктора всевозможных наук из общества "Знание" и с вузовских кафедр. Далекие от нужд войск, они чаще всего уходили разочарованными: публиковать трактаты насчет того, есть ли жизнь на других планетах, нет ли ее там, мы не слишком рвались.

Одним словом, к концу первого полугодия журнал наш и в строгий график вошел, и портфель заимел приличный, и лицо свое в основном обрел. И, что еще особенно важно, стал заявлять о себе в войсках.

Хочу вспомнить об одной из острых проблем — о критических

материалах на страницах журнала. Империалистов США и рваншистов из Бонна мы безбоязненно критиковали с самого начала, а вот статьи о жизни и службе войск были исключительно позитивными, по духу благостными, пресными, а то и (под флагом пропаганды передового опыта) откровенно хвастливыми. О бедах, пороках, изъятиях в службе, обучении, воспитании, в тыловом обеспечении говорилось, как правило, вскользь, безадресно и беззубо.

Что критику никто и никогда не жаловал и пылкой любовью к ней не воспламенялся, отлично известно и пионеру, и пенсионеру. Без энтузиазма встретили в верхах и мои высказывания о придании публикациям большей остроты и принципиальности. Стали судить-рядить — к чему, мол, критиковать самих себя, полезнее учить кадры на лучших образцах, а злопыхателям и жалобщикам, которые и в журнал начали пробиваться, давать отпор.

И все же. Первый критический выстрел, притом довольно сильный и меткий, адресный и одновременно масштабный, журнал произвел в конце 1958 года в связи с одним негативным событием, которое лишь благодаря журналу получило широкую огласку и публичную, а не кулуарную оценку. При инспектировании дивизии им. Ф. Дзержинского (комиссию возглавляли первый заместитель министра внутренних дел СССР Герой Советского Союза генерал-полковник С. Н. Переверткин и начальник ВВ МВД СССР генерал-лейтенант С. И. Донсков) группа офицеров двух инспектируемых полков стала на путь обмана, создав в командах показчиков мишеней на стрельбище группы мастеров-"пробойщиков", снабженных специально изготовленными в оружейных мастерских дыроколами. С их помощью обе части и дивизия в целом получили по огневой подготовке ошеломляющую по результатам

отличную (твердую липовую) оценку. Руководители соединения, располагавшие сигналами о фактах очковтирательства, от реагирования на них уклонились, сделав вид, что ничего не знают и знать не желают. Их больше устраивал подготовленный итоговый приказ с похвалами и месячными окладами.

Об обмане стало известно. Специальная комиссия вскрыла факты возмутительного обмана, определила круг непосредственных виновников. Приказ отменили, оклады возвратили в кассу, а беспринципные руководители отделались легким внушением ("обратить внимание"), что породило нездоровую реакцию и в главке, и в частях дивизии.

Мы в редакции решили дать случившемуся острую партийную оценку. Именно с таких позиций и прозвучала в ноябрьском номере редакционная статья "Воспитывать кадры в духе высокой ответственности перед партией и государством".

Свет увидеть она могла, лишь минуя кабинеты Главного управления и начальника ПУРа (им тогда был Д. Я. Нерощин). Наш главный давно, еще с войны знакомый с генерал-полковником С. Н. Переверткиным, условился с ним, что статья в журнале пойдет от его имени. Но он потом посоветовал дать статью как редакционную. Когда я ездил к Семену Никифоровичу с рукописью, тот не скрыл, что восторженными хоралами в адрес руководителей дивизии его просто-напросто подставили, и он считал себя в этой некрасивой истории лично оскорбленным.

Статью генерал-полковник С. Н. Переверткин прочел очень внимательно, сделал небольшую поправочку, посоветовал усилить одну мысль и предложил опубликовать срочно. На состоявшемся через две недели собрании актива дивизии, где обсуждались уроки и выводы из позорных фактов обмана и очковтирательства, С. Н. Переверткин дословно, от начала до

конца зачитал с трибуны эту статью как собственную оценку происшедшего. Что думали на этот счет другие начальники, не знаю. Слышал краем уха, что один из них настаивал вначале на необходимости проучить журналистов за непозволительную дерзость, но, услышав речь первого замминистра, умолк. Экземпляр же, который читал в своем кабинете С. Н. Переверткин, хранится где-то в моем архиве.

В третий год своей жизни журнал вступил, набрав опыт, с добротным портфелем и солидным тиражом. Мартовский номер 1960 года, который был, бесспорно, самым сильным из всех доселе увидевших свет, выпустить нам не разрешили. Главный наш ездил с версткой номера в ЦК, пытался убедить самого заведующего отделом, что труд не должен пропасть. Мотив отказа был чисто формальным: политуправление войск, издававшее журнал, с ликвидацией МВД СССР уже не существовало. Новому, республиканскому политоргану войск, которого к тому моменту еще не было, издавать журнал не позволили.

Мне же довелось — и это совсем иная страница — одним из самых последних покинуть редакцию. Выполнял я, помимо всего прочего, ответственное "творческое" задание, заполняя бланки почтовых переводов, с помощью которых сорока двум тысячам подписчиков возвращались деньги.

Коллектив редакции расформировали. Но всех нас не покидала вера в то, что журнал непременно возродится.

**Илья БЕЛИКОВ,
генерал-майор в отставке**

24

ОТ ЖУРНАЛА ДО ЖУРНАЛА

С третьего номера 1960 года журнал "На боевом посту" перестал выходить... Но впереди был 1970-й. Январь. Возрождение.

Мне довелось работать в войсковом журнале "На боевом посту". В 1957—1960 годах — старшим инструктором, а с 1969 по 1977 год — ответственным секретарем. В первый состав редакции пришел, имея за плечами опыт работы в район-

ной газете (до призыва на военную службу) и в многотиражной газете дивизии им. Ф.Дзержинского. В журнале пришлось во многом перестраиваться, многое переосмыслить.

Нам в то время здорово повезло — к руководству журналом пришел многоопытный журналист — полковник Михаил Максимович Рамзин. Главный редактор терпеливо и настойчиво создавал творческую обстановку в коллективе, передавал нам то, чем владел сам. Журнал быстро набирал солидность, мужал, становился подлинной войсковой трибуной, другом и советчиком командиров, политработников и всех офицеров.

Но в конце 1959 года пошли разговоры о том, что союзно-республиканское министерство внутренних дел будет преобразовано в республиканское. И якобы издание журнала в войсках приостановится.

Мы не без основания полагали, что в будущем Министерст-

Полковник В.В. Журавлев — ответственный секретарь журнала "На боевом посту". 1972 г.

ве внутренних дел РСФСР наш журнал, как уже сложившийся, имеющий издательскую базу и опыт, останется. Но все произошло иначе. С третьего номера 1960 года журнал "На боевом посту" перестал выходить.

А войска нуждались в печатном слове, информации обо всем новом, прогрессивном, что рождалось в практике боевой службы, боевой и политической подготовки, в работе по укреплению уставного порядка и воинской дисциплины. В связи с этим были приняты меры к тому, чтобы компенсировать отсутствие войскового журнала изданием сборников, брошюр, плакатов, листовок и другой печатной продукции. Для их подготовки привлекались опытные команди-

ры, политрабтники, журналисты многотиражных газет.

В конце 1961 года вышел сборник "На посту", не потерявший своей актуальности и в наши дни. В него вошли очерки о часовых-героях, проявивших на посту мужество, отвагу, самоотверженность и воинское мастерство. Авторами сборника были офицеры И.Г.Беликов, Н.А.Сандак, А.Сборовский, В.В.Адоринский, И.К.Бойко, А.Ф.Чистяков.

Сборник сразу же завоевал популярность в войсках. Его читали воины лично и коллективно, ему посвящались читательские конференции, его материалы использовались в докладах, лекциях и беседах.

В 1963 и 1966 годах были изданы две брошюры "Всегда на страже" и "Боевой путь внутренних войск, внутренней и конвойной охраны". И эти небольшие издания сослужили хорошую службу, кратко знакомили воинов со славной историей и боевым путем внутренних войск. Брошюры находились в каждой библиотеке, в каждом подразделении, в библиотечках войсковых нарядов и караулов.

Большое внимание в печатных изданиях уделялось пропаганде боевых традиций внутренних войск, сложившихся за годы их существования. Вот только некоторые названия брошюр: "Боевые традиции внутренних войск", "Дорогой отцов", "Ветераны — воинам", "Герои рядом с тобой", "Очерки о героях наших дней".

Издания выходили не только в центре, но и на местах. Представляется целесообразным и в наши дни готовить и выпускать издания, посвященные истории

и боевому пути войсковых объединений, соединений и частей. Желательно, чтобы каждый округ внутренних войск, каждое соединение и отдельная часть имели по возможности печатную или письменную историю или очерк с портретами командиров, военнослужащих-героев, проявивших мужество и отвагу в боевой обстановке и в экстремальных ситуациях, с фотографиями, отображающими службу, учебу, быт воинов, работу ветеранов. Это нужно для истории и памяти. Не познав прошлого, нельзя успешно строить настоящее и будущее.

В начале 60-х годов я был назначен инструктором, а затем старшим инструктором политотдела, впоследствии политуправления внутренних войск. Мне было поручено заниматься войсковой печатью, подмечать все положительное в работе многотиражных газет, оперативно реагировать на их просчеты и недостатки. Приходилось принимать участие в подготовке и издании брошюр, пособий, плакатов, листовок и даже книг. Особенно запомнилась разработка и издание большого альбома по истории и боевому пути войск. В его комплект входило свыше полсотни иллюстративных листов.

В 1965 году из журнала "Пограничник" в военно-научный отдел внутренних войск был переведен майор Михаил Васильевич Горбов — одаренный журналист. Ему сразу же поручили возглавить и вести подготовку закрытого сборника статей по всем вопросам жизни и деятельности войск.

Материалы первого же номера сборника были высоко оценены командирами частей и подразделений, всеми офицерами. Они рассказывали о передовом опыте, помогали лучше организовать службу караулов и войсковых нарядов. Сборник в какой-то мере выполнил задачу войскового журнала. За пять лет вышло около двадцати его номеров.

Закрытый сборник освещал главным образом проблемы службы войск, боевой подготовки. Начавший выходить в 1967 году сборник статей, выпускаемый при политуправлении, сосредоточился на вопросах партийно-политической работы, пропаганде и агитации, политического и воинского воспитания, тылового обеспечения, культуры, спорта и быта личного состава. Его материалы готовила редакционно-издательская группа во главе с подполковником И.К.Бойко. Сборник статей выходил раз в квартал. За три года вышло около 16 номеров, в которых были отражены многие стороны жизни соединений и частей. Публикуемые в сборнике материалы были доступны широким слоям войсковой общественности.

Таким образом, закрытый сборник военно-научного отдела и сборник политического управления вместе рассказывали о внутренних войсках и их службе.

В 1966 году кандидатам исторических наук И.А.Дорошенко, Е.И.Белову, журналистам В.В.Адоринскому, А.Ф.Чистякову, А.Г.Горлову и автору этих строк было поручено без отрыва от служебных обязанностей подготовить рукопись книги о внут-

ренных войсках. Не буду говорить, как проходила эта кропотливая и трудоемкая работа, но уже через год все материалы будущего издания, иллюстрации и примерный план его верстки были готовы. После неоднократного и многостороннего обсуждения содержания книги, доработки, общей редакции заместителя начальника политотдела войск полковника И.Г.Беликова рукопись была сдана в Военное издательство.

И вот в начале 1968 года впервые в истории внутренних войск хорошо изданная книга «Служим Отчизне», посвященная 50-летию Советских Вооруженных Сил, вышла в свет. В сжатые сроки книга была разослана во все соединения и части. Ее можно было купить всем желающим.

Мы использовали любые возможности для освещения жизни внутренних войск, пропаганды их боевых традиций, воспитания у военнослужащих гордости за свою службу.

Но как бы и где бы ни освещалась жизнь внутренних войск, все это не заменяло журнала. Вновь и вновь вставал вопрос о войсковой трибуне, о журнале, который выходил в конце 50-х годов. Говорилось об этом на конференциях, различных собраниях, слетах, собраниях и совещаниях.

Выдвигалась идея издания единой еженедельной войсковой газеты. Идея заслуживала внимания, но была неосуществима в связи с трудностями рассылки газеты. Ведь части и подразделения войск дислоцировались во всех республиках, краях и областях Советского Союза, порой в труднодоступ-

ных местностях Сибири, Дальнего Востока и Крайнего Севера.

Вносились предложения о возобновлении издания войскового журнала «На боевом посту». Приводились веские аргументы и обоснования. К тому же имелись в войсках достаточный опыт издательского дела, кадры журналистов.

Мне, в то время старшему инструктору политуправления внутренних войск по печати, поручили готовить ходатайство об этом министру внутренних дел, в Центральный Комитет КПСС. Согласие министра было получено сразу, а в ЦК вопрос не решался. Приводились доводы, что военных журналов достаточно и нет необходимости в открытии еще одного.

Ходатайства направлялись вновь и вновь, обосновывались тем, что специфику внутренних войск, их особую службу не освещает ни один журнал. Мне приходилось вместе с начальником политуправления генералом В.И.Котовым бывать в Центральном Комитете партии у ответственных работников В.И.Власова, Л.О.Речмедина и других, убеждать и доказывать, что журнал войскам необходим как воздух. Но должного понимания, поддержки мы не получили.

Весной 1969 года меня пригласили в административный отдел ЦК КПСС к Курилову Александру Федоровичу. Показали наше последнее ходатайство с резолюциями и мнениями соответствующих органов. И почти все они — резолюции и мнения — были отрицательными. Просмо-

трив их, я окончательно сник: «Прощай, журнал!»

Видя мое замешательство, Александр Федорович ободряюще сказал:

— Не падай духом. Еще не все потеряно...

И дал мне задание поскорее предоставить ему справку, что дополнительных фондов бумаги для издания журнала не требуется.

По тому, как ответственный работник Центрального Комитета уверенно вел себя, я понял, что надежда еще есть, и кинулся добывать нужный документ.

Доложив В. И. Котову о результатах посещения ЦК КПСС, пошел на прием к начальнику главного управления материально-технического и военного снабжения генерал-лейтенанту И. А. Глебову. Захожу в кабинет, представляюсь и слышу:

— А, старый знакомый, зачем пожаловал?..

Я был знаком с Иваном Александровичем, когда он, еще подполковник милиции, был заместителем начальника управления внутренних дел по Сталинградской области, потом начальником управления. На редкость энергичный и решительный человек. Я удивился, что он узнал меня.

Изложив суть дела, я ждал решения. Немного подумав, Иван Александрович сказал, как отрезал:

— Бумаги для журнала, говоришь... Для хорошего дела найдется бумага! — И тут же вызвал подполковника внутренней службы И. Ф. Калиниченко, ведавшего бумагой, распорядился как

можно быстрее подготовить нужную справку.

К концу дня требуемый документ, подписанный И. А. Глебовым, был уже в Центральном Комитете у А. Ф. Курилова. Он сказал:

— Будем просить не учреждать, а возобновлять выход журнала. Так будет логичнее...

Вскоре я с семьей уехал в отпуск. Дней через двадцать возвращаюсь домой — телефонный звонок. Беру трубку, слышу голос Е.И.Белова — заместителя начальника отдела пропаганды и агитации:

— Есть решение о возобновлении издания журнала. Завтра же выходи на работу. Назначаешься ответственным секретарем...

Известие обрадовало и обескуражило. То, что журнал возрождается, это хорошо. Долгие хлопоты не пропали даром. Но почему я — ответственный секретарь, если на что-то и мог рассчитывать, то не больше, чем на должность начальника отдела редакции, чтобы заниматься литературным трудом. А секретариат — это организационная работа, планирование, согласование, соблюдение графика, связи с типографией и прочее. Может, это только предложение Е. И. Белова или шутка.

На следующее утро являюсь на службу, встречаю начальника отдела оргпартиработы полковника Н.А.Беспоясова, к которому питал большое уважение. Он сразу же выпалил:

— Привет ответственному секретарю. Иди, тебя ждет Василий Иванович...

Начальник политуправления

сразу же сообщил о возобновлении выхода журнала и отдал распоряжение подготовить об этом проекты приказа министра, положения о журнале и штате редакции. Просил подумать о главном редакторе, а кандидатуру заместителя главного редактора он позднее назовет сам.

— Ответственным секретарем мы решили назначить вас, — заявил он. — Вы по всем вопросам в курсе дела. Вам и карты в руки. С сегодняшнего дня займитесь журналом...

Я окончательно понял, что участь моя решена, воспринял это как должное и поблагодарил начальника политуправления за оказанное доверие.

Три важнейших документа были подготовлены в кратчайший срок. Штат редакции согласовали и завизировали в управлений кадров министерства.

Все основополагающие документы были подписаны и утверждены министром. Достигнуто соглашение, что журнал будет печататься в типографии МВД имени Воровского. В нее завезена нужная бумага.

Одновременно шло формирование редакции. Отдел службы и боевой подготовки возглавил подполковник Горбов Михаил Васильевич, отдел партийно-политической работы — прибывший из газеты Московского военного округа "Красный воин" полковник Седых Николай Тимофеевич, отдел литературы — майор Чистяков Александр Федорович, информации и писем — подполковник Бойко Иван Кузьмич. Старшими инструкторами отделов стали офицеры Е. А. Григорьев, В. В. Асташин, М. С. Логунов, А. Г. Горлов, А. А.

Бекасов, Герой Советского Союза М. Ф. Борисов, А. Н. Петров, Б. А. Кочешков и другие.

Заместителем главного редактора несколько позднее был назначен полковник Ф. К. Гавриков, бывший ответственный секретарь журнала "Военный вестник".

Что касается главного редактора, то через несколько дней генерал В. И. Котов спросил меня:

— Как вы думаете, Семиохин подойдет?

Я давно знал Ивана Степановича. И когда он был в "Красном воине", в "Коммунисте Вооруженных Сил" и в других изданиях. Поработал Семиохин во время войны корреспондентом армейской газеты. Обладал большим опытом. В. И. Котову я ответил, что кандидатура вполне подходящая.

— Пригласите его ко мне и добудьте его личное дело, — распорядился Василий Иванович.

Состоялась встреча В. И. Котова и И. С. Семиохина. Согласие было достигнуто. Последовали некоторые неувязки с переводом, но и они с согласия заместителя начальника ГлавПУРа были разрешены.

Журнал "На боевом посту" снова стал выходить в свет с января 1970 года.

**Полковник в отставке
Владимир ЖУРАВЛЕВ,
заслуженный работник
культуры
Российской Федерации**

О журнале... и не только

ТЕПЕРЬ И ГОРЬКО, И СМЕШНО

Журналиста не бывает отдельно в редакционном коллективе, отдельно в семье, отдельно в командировке и т. д. Все взаимосвязано: семья, работа, тревоги, переживания, искания, друзья, начальники, отношение к людям, самому себе, праведность, греховность, идеалы...

Волга" летела по добротному асфальту легко и стремительно. Время было предобеденное, и, наверное, потому встречные машины на Горьковском шоссе попадались нечасто. Водитель-солдат доложил, что до дивизии Дзержинского рукой подать. И как только показался массивный дорожный щит, обозначавший границу Москвы, открылся чудесный лес, а из придорожного кустарника выскочила лиса и бесстрашно перебежала дорогу. На дворе стояла осень 1977-го.

Я только что прибыл в столицу из Сибири и был назначен редактором дивизионной газеты "На боевом посту". Вначале снял комнатуху в живописном сельце Никольском, а буквально через три месяца получил квартиру в Южном Измайлове (мыслимо ли сейчас такое!).

Почему эти заметки начаты с многотиражки дивизии имени Ф. Дзержинского, хотя посвящаются 40-летию моего родного журнала "На боевом посту"? это, по-моему, легко объяснимо. Газета и журнал давным-давно как сообщающиеся сосуды, у них даже названия одинаковые. Кто работал в той дивизионке, рано или поздно все равно оказывался в журнале. Всегда ли оправдывался такой кадровый ход? Наверяд ли. Но об этом еще будет сказано.

Я наслаждался Подмосковьем по утрам, когда шел пешком на службу до самого КПП-3 по лесной тропинке. Воздух божественный! После дождя обычно замечаешь, как тонкое серебро влаги срывается с верхних ветвей деревьев, блестят на солнце повлажневшие сучья, как искрятся верхушки высокого под-

леска и словно выпрямляется пригретая солнечными лучами трава на небольшом крутосклоне. Будто слеза, стекает смола по смуглой коре сломанной придорожной сосны. Благодать. Душевная зарядка на целый рабочий день.

Служилось в редакции спокойно, без нервозности. Коллектив в газете и типографии — без выкрутасов, без изобретательных подлянок (я ж знавал многое, возглавляя подобные коллективы на Дальнем Востоке и в Сибири).

Ровно через год позвонил главный редактор журнала Федор Кузьмич Гавриков:

— Как вы смотрите на то, чтобы поработать у нас в отделе пропаганды?

Согласие дал. Хотя расста-

ваться с газетой было нелегко. Я любил газетный процесс — от макета до полос, готовых для подписи в печать. Хоть он и быстротечен, но отчасти напоминает труд живописца — от первого до последнего мазка на полотне. В этом временном пространстве и радость от исполненного, и неудовлетворение (можно сделать лучше), и отдохновение (номер пошел к читателю).

В журнале все знали меня, всех знал я. В нем уже трудились мои единомышленники и друзья — Виктор Лосев и Евгений Ерхов. Это были талантливые журналисты и литераторы с особым, совершенно нетрафаретным видением событий и людей в различных жизненных коллизиях. Виктора Лосева знал еще по Сахалину. Он был замполитом роты, затем ее командиром и при этом активнейшим военкором. Каждый его материал в дальневосточной дивизионке работал на ее популярность, придавал публицистический лоск. Очерки Виктора до сих пор помню. Помню даже заголовки. Конечно же, в журнале способности Лосева раскрылись ярче, материалы обрели полемичность, проблемность. Его статьи на заседаниях редколлегии всегда вызвали всплеск эмоций и полярные точки зрения нештатных членов коллегии. Думается, некоторые из них страховались: “А вдруг Ивану Кирилловичу или Сергею Парфеньевичу не понравится такой поворот проблемы, и они спросят: “Кто разделит мнение автора?” Ведь в те времена начальство к прессе относилось не как ныне, а могло запросто расправиться не только с журнали-

стом-одиночкой, но и с руководством издания. Дескать, знайте свой шесток.

Вот тому пример. В какой-то статье, которую готовил отдел подполковника В.Продуvaloва, по недосмотру была искажена фраза, и получился призыв: “за империалистическую солидарность”. Что тут началось! Доложили в ЦК КПСС. И пошло поэтапное искоренение “зла”. Все сотрудники журнала разъехались по Союзу, чтобы провести операцию по изъятию крамольного номера, а тираж был тогда за 130 тысяч! Я прибыл в Минск. Вместе с начальником политотдела полковником Е.Холодовым днем и ночью сидели в кабинете и принимали доклады из всех частей. К концу операции по изъятию журнала у подписчиков установили: двух экземпляров не хватает. Опять ЧП. После служебного расследования выяснилось: два прапорщика припрятали свои кровные экземпляры (для истории!) и не хотят отдавать. Командирам подразделений, где затаились крамольные журнальные книжки, полетела шифровка: “Укажите подчиненным на несознательность, проведите соответствующую работу. Не сдадут журнал — будут уволены”. Подействовало.

Наконец наступил заключительный этап — раздача всем сестрам по серьгам. Главного редактора сняли с должности, уволили начальника отдела, лишив его ведомственной поликлиники, выходного пособия, выгнали литературного сотрудника. Вышло, как при “родном и любимом генералиссимусе”. Только по ослабленному варианту — участников “идеологической диверсии” не расстреляли.

А ведь могли бы просто сказать: “Ну что ж, товарищи, случился казус. Мы понимаем, что никто, к сожалению, отшибок не застрахован. У вас журнал ведомственный, в открытую продажу не поступает, это ваше спасение. Объявите выговоры виновным и извинитесь перед читателями за досадную опечатку”. Но не нашлось человека, осмелившегося сказать подобное.

Публикуемые у нас статьи руководителей союзных республик, краев и областей, на мой взгляд, имели положительный эффект. Они всегда увязывались с практическими делами частей и соединений, которые дислоцировались на территории той или иной республики. С прибытием корреспондента журнала открывалась внеочередная возможность для командиров и начальников политорганов посетить республиканский ЦК или обком, высказать наиболее, особенно это касалось квартирных бед.

Все республиканские вожди с пониманием относились к просьбам журнала, охотно подписывали статьи, внося в них необходимые, на их взгляд, поправки. Так, первый секретарь ЦК компартии Литвы П.Гришкявичус за сравнительно короткий срок выступал на страницах журнала дважды. И только единственный партийный босс отказался от предложенного выступления. Надежный источник, как сейчас выражается “демократическая” пресса, сообщил мне: “Первое лицо сказала, что статус не позволяет ему выступать в “полицейском журнале”. А между прочим, это “лицо” возглавляло некогда в республике и МВД, и КГБ и являлось, что называется, полицейским в квад-

рате, а если присовокупить партийное секретарство, — то и в кубе. Речь, как догадывается читатель, идет о Э.Шеварднадзе.

Журналистские кадры в профессиональном плане у нас были разными, особенно при Федоре Кузьмиче Гаврикове. Работали и акулы пера, и совершенно беспомощные “творцы”, которые не могли справиться с элементарной корреспонденцией. Были хорошие выступальщики на партсобраниях, семинарах, летучках, но ничего путного не выходило из-под их пера. Очень уж укоренился принцип подбора кадров по московской прописке.

И другой факт для контраста. Много лет отпахал в многотиражке дивизии им.Ф.Дзержинского ответственным секретарем Евгений Иванович Ерхов. Умница, эрудит, поэт, член Союза писателей СССР. А места ему в журнале все не находилось. Пришлось идти в полковые пропагандисты, чтобы получить майорское звание.

И все-таки тенденция брать в кадры варягов, которые ни на йоту не отличались в лучшую сторону от доморощенных журналистов, медленно, но исчезала. Постепенно вливались в коллектив цепкие, ищущие молодые журналисты. К приходу в журнал полковника Александра Горлова уже сложился коллектив, которому были по плечу задачи любой сложности. Да и сам новый главный, реформатор по своей сути и профессионал, никому не давал расслабиться.

Лично я до сих пор жалею, что к нам не пришел Бронислав Лоссан, неординарный человек и талантливый журналист. И, быть может, одной из подспуд-

ных причин его преждевременного ухода из жизни была творческая неудовлетворенность в течение многих лет службы.

По себе знаю, как важна для журналиста атмосфера наибольшего благоприятствования: возможность общения с интересными людьми, обилие командировок, знакомство с кухней газетных и журнальных звезд, высококвалифицированная профучеба и многое, многое другое.

Будучи молодым газетчиком, я активно сотрудничал с “Красной звездой”. В конце 60-х в ней работали в основном асы военной печати, особенно в корпусе собкоров. Я многому научился, анализируя их материалы.

В журнале коллективная учеба велась систематически. И Федор Кузьмич Гавриков, и Евгений Александрович Григорьев были ее яркими поборниками. Но беда, на мой взгляд, заключалась в том, что сама учеба велась келейно, мы как бы варились в собственном соку. В итоге — не та эффективность. Както пригласили на занятия ведущего специалиста с журфака МГУ, попросив предварительно сделать обзор нескольких, на наш взгляд, лучших номеров. Это оказалось очень поучительным. Шаблон, трафаретность материалов, слабое знание русского языка, скудость жанров публикаций — все это было аргументированно доказано. А в заключение прозвучало такое: “Журнал делается на уровне сороковых годов, а из всего прочитанного я вынесла впечатление, что войска занимаются только политической подготовкой, как будто не существует другой жизни”.

Когда дверь за гостьей закры-

лась, Федор Кузьмич поднял секретаря журналистской организации Г.Масленникова и с командирской ноткой в голосе сказал: “Герман Митрофанович, чтобы больше у нас подобных дам не было. Мы как-нибудь сами разберемся, на каком мы уровне”. А зря.

Что касается морального климата в редакции, он был неоднозначен. Да и не могли в таком большом творческом коллективе царить тишь и бесконфликтность. Гасителем всяческих нештатных ситуаций Федор Кузьмич был непревзойденным. Возникающие инциденты оставались вне поля зрения парторганизации и вмешательства старших по должности. А рапорты начальников отделов просто складывались под сукно. В этой связи вспоминается один документик, о существовании которого мне недавно рассказали. В нем значилось: “С 9.00 до 9.15 Лосев и Дурнев возмущались гонорарной политикой в журнале. В 9.15 пошли курить и вернулись через 20 минут. В 11.30 пошли в буфет пить кофе...” Ну и так далее. Вот такая “хроника”. Никакого хода этому досье не давалось. Зато были случаи, которые оставили в душе тяжкий осадок. Один из них — в бытность редактором полковника Е.Григорьева.

В пермское соединение, в котором к тому времени обозначились стабильные результаты в служебно-боевой деятельности, решили выехать бригадой и обобщить опыт. Возглавил ее сам главный. Был в ней М. Логунов, начальник отдела обучения и воинского воспитания, Д. Евстратов, заместитель начальника отдела партполитра-

боты, и автор этих строк — все трое “дзержинцы”.

Выехали ранним вечером. Естественно, никто не ужинал. Общеизвестно, что в железнодорожных странствиях еда становится неким культовым обрядом с налетом этакого шарма, и, как правило, в минуты трапезы изливаешь душу совершенно незнакомым попутчикам — это особенность русского характера. Да только ли русского? Помните хрестоматийный фильм “Семнадцать мгновений весны” и тот эпизод, где Штирлиц и генерал вермахта (его играет великолепный Гриценко), следуя в одном купе, попивая коньяк и закусывая салями, беседуют о текущем моменте? Штирлиц более сдержан (разведчик!), а у генерала язык развязался, его понесло...

Так вот, достав что у кого было, с удовольствием стали закусывать и мы. Среди снеди стояла, естественно, и бутылка водки. В этот вечер почему-то вспомнилась юность, первые шаги на трудовой стезе. Евгений Александрович рассказывал о своей работе на железной дороге, прибавили и мы с Евстратовым свои давнишние впечатления о “пролетарской практике”.

В соединении свои планы уплотняли, сделать предстояло немало, засиживались допоздна. Пример подавал сам главный. Этого человека я уважал за глубокую порядочность, немногословие, за ровное, непредвзятое отношение ко всем сотрудникам, за умение вовремя оценить журналистский труд и вознаградить достойных. Получить же блага за красивые глаза — этот номер у него не проходил.

По возвращении в Москву, через пару-тройку дней зайдя в

кабинет главного, услышал от него: “Знаешь, а в политуправлении интересовались, как я позволил себе “это дело” с подчиненными. Вот так”. “Интересовались” — это он наверняка смягчил ситуацию.

Как же все-таки живуча была в нас эта бессмертная зараза — наушничать и подставлять! В партийных канонах, насаждаемых сверху, было очень много бесчеловечного. И передо мной, исповедующим лучшие коммунистические идеалы и заповеди, всегда стоял наивный вопрос: почему поощряли стукачество, бесцеремонно вмешивались в семейную жизнь, оправдывая это “высокими целями”?

Четверть века назад случился у меня прокол по части сердечных дел. Жена, конечно, не побежала в политотдел, как частенько бывало во многих семьях. Наоборот. Встретив начпо под аркой дома (все офицеры управления дивизии жили в нем), сказала:

— Напрасно вы приклеиваете моему мужу ярлычок морально-го разложения, мы любим друг друга, а случившееся я ему простила.

А раскрутка началась. Я схватил строгача за моральное разложение, перевели меня к новому месту службы в Сибирь, запретили публиковаться в “Красной звезде”, “Коммунисте Вооруженных Сил” и других центральных изданиях (как не имеющему на то морального права). Вот такой горький эпизод был тогда, и таким смешным он выглядит сейчас.

Ну а с женой мы живем, как говорится, в любви и дружбе почти сорок лет. Без вдохновляющего посредничества партии. Не без конфликтов, естествен-

но. Если бы их не было, не было бы ни любви, ни дружбы, ни жизни.

Почему я пишу об этом в юбилейных заметках? Просто журналиста не бывает отдельно в редакционном коллективе, отдельно в семье, отдельно в командировке и т. д. Все взаимосвязано: семья, работа, тревоги, переживания, искания, друзья, начальники, отношение к людям, самому себе, праведность, греховность, идеалы...

Сегодня мне опять привиделся во сне сквер на Красноказарменной, где мы обычно прогуливались в обеденный перерыв. Светит естественно яркое солнце, мы троим — Лосев, Ерхов и я — смотрим в сторону “Булонского леса”, где в самую гущу деревьев пикируют скворцы.

— Как же они не расшибаются? — спрашиваю Евгения Ивановича.

— Ну ты, старик, даешь! Ты хоть раз видел, как скворец летит по горизонтали? Ставь любые препятствия, а он их легко обходит, да и сквозь любой кордон пробьется. Нет, это надо видеть. Скворец — птица отважная...

Этот сон повторяется уже не раз. Когда вижу его — обязательно просыпаюсь...

Вот бы нам так легко все преодолевать. А может быть, просто надо побольше верить в себя?

**Полковник в отставке
Юрий ДУРНЕВ,
бывший начальник отдела
социально-политических
проблем журнала**

Иван КОЗЛОВ

ТАЙНА

“БЕЛОТО СМРЕЛКА”

Роман*

Дорога из Москвы в калужские края была долгой, и Макаров, человек не словоохотливый, скорее даже, молчаливый, несколько неожиданно для себя разговорился.

Водителя звали Павлом Базаровым. Днем он работал на одну торговую фирму, развозил барахло, вечерами занимался частным извозом. Зарабатывал не больно много, но, как он сам сказал, на чистую водку и хорошую закуску хватало. Женат, детей пока нет, но скоро ожидается прибавление. Кто — неважно, важно другое: как только жена возвращается из роддома, Павел завязывает с куревом, сразу и напрочь. Он бы давно дымить бросил, да повода толкового не было. А тут — ребенок есть ребенок, чем не повод.

— У вас-то детишки имеются?

Может, и самому курить бросить, подумал Олег, а вслух сказал:

— Вот еду к сыну. Его зовут так же, как и меня, Олег. Олег Олегович, получается.

— Ясно, — сказал Павел. — В разводе, значит, живете. Вы в Москве, а пацан в деревне.

— Не совсем так.

— Да я понимаю. Всяко в жизни бывает, иногда никто и не виноват, что разводятся.

— У меня другое. Такое, что я сам не все понимаю. А ты говоришь...

— Чего другое-то?

— В двух словах не объяснить.

И вот тут Макарову захотелось выговориться. Он рассказал Павлу о том, что произошло с ним с самого последнего дня, проведенного в Чечне. Макаров смотрел через лобовое стекло на густо летящий снег и, как на экране, видел бэтээр, мчавшийся вдоль лесопосадки, вспышки выстре-

* Журнальный вариант

лов, потом себя, уже госпитального, в бинтах, и сутулого, вечно хмурого следователя...

— Ваша жена погибла...

— Если у вас с женой детей не было, то Олежка, к которому едете, приемный, что ли?

— Мы с Тамарой жили своими жизнями, нас только штампы в паспортах и объединяли. А Лесья... Она в санчасти работала. Вскоре после того, как у нас с ней это произошло, уволилась, уехала жить к родителям, и я до последних дней не знал, что у меня есть сын, представляешь?

Павел хмыкнул, приоткрыл окно, выбросил сожженную до фильтра сигарету, потом показал глазами на бардачок:

— У меня там термос с чаем, давай по паре глотков выпьем, Олег Иванович.

Чай был хороший, трасса почти пустой. "Москвич" ехал не спеша, тем не менее никто их не обгонял, и фары встречных не били по глазам. Поэтому, наверное, Макаров и обратил внимание на "восьмерку", севшую им на хвост.

Некоторое время она плелась метрах в шести сзади, затем догнала их, пару минут шла параллельным курсом. Павлу это не понравилось, он сбавил скорость, потом нажал на газ, но точно то же проделал и водитель "Жигулей".

В освещенном салоне сидели трое мужчин и, переговариваясь, почему-то с любопытством пялились на "Москвич".

— Чего им надо? — спросил Макаров.

Павел пожал плечами:

— Черт его знает. Были бы там пацаны, подумал бы, что дурью маются, девок выискивают. Но вроде солидные мужики...

Только он произнес это, как "восьмерка" резко набрала скорость, рывком обошла их и неожиданно вильнула, подставив бок под удар. Как ни быстро среагировал на это Павел, но его "Москвич", так и не погасив скорость на скользкой заснеженной дороге, ткнулся бампером в заднее крыло чужака.

— Они что там, офонарели? — Павел открыл дверцу, вышел наружу, тотчас закрыл ее за собой, чтоб не выстудил салон порывистый северный ветер.

Макаров остался сидеть. В шоферских разборках ему делать нечего, а если ожидается не просто разборка, то надо понять, чего хочет преследовавшая их тройка. Для этого пока необязательно играть мускулами. Любой бой вначале проводят на картах.

Все трое из "Жигулей" подошли к Павлу, поочередно и лениво при этом бросив по взгляду на Макарова. В желтоватом свете фар неплохо видны их лица. Не пацаны, лет по двадцать пять — тридцать. Спокойные, не злые и не обескураженные. Но такое спокойствие не всегда к лучшему.

Так, кажется, начинается базар. Они выглядят хозяевами положения, а Павел скис, только головой трясет. Пора выходить и самому разбираться, что к чему.

— Что произошло, ребята?

У всех троих — квадратные плечи и широкие шеи. Одеты они так, словно собрались на официальный прием в Кремль. Двое в бабочках, один при галстуке, и все то ли в длинных куртках, то ли в коротких пальто из дорогого темного материала. Кажется, кашемир, хотя Макаров в этом разбирается слабо.

Который при галстуке, стоит ближе к Олегу.

— Ты, отец, садись, где сидел, тебя это дело не касается, понял?

— Понял, сынок.

Макаров мог бы ответить и не так, и уже собиравшись это сделать, но тьму впереди прорезал синий проблесковый маячок: очень кстати подъехала милиция. Гаишники. Человек в длинном тулупе с помятыми капитанскими погонами выскочил из салона, несколько секунд разглядывал машины, профессионально оценил обстановку и только тогда, многозначительно хмыкнув, заговорил:

— Капитан Шахворостов. Это с чего же "восьмерка" такие кренделя выписывает? Встречных машин вроде не было... Кто водитель? Давайте в документы заглянем.

Тот, который был в галстуке, спокойно и показушно лениво спросил:

— А больше никуда не хочешь заглянуть, госпо-

Еще совсем недавно Иван КОЗЛОВ трудился в нашем журнале, возглавлял отдел литературы, которому посвятил десятилетие офицерской жизни. Ныне Иван Трофимович — подполковник запаса, член Союза писателей России, профессионально занимается литературным трудом. Только в столице за три последних года увидели свет около десятка его книг — остросюжетных романов и повестей, героями которых зачастую являются военнослужащие внутренних войск. С некоторыми из них вы уже знакомы по нашим предыдущим публикациям. Сегодня мы предлагаем вашему вниманию журнальный вариант его нового романа, который целиком увидит свет в издательстве "Локид".

ТАЙНА "БЕЛОГО СТРЕЛКА"

дин хороший? Могу тебе одно местечко показать, может, понравится.

Лицо милиционера, круглое, красное от ветра, как показало Макарову, вытянулось и побелело. Рука дернулась, потянулась к кобуре:

— Не понял.

— Поймешь, если я тебе привет передам, — это сказал уже один из тех, кто носил бабочку. Из троицы он был, пожалуй, самым молодым, и, вполне возможно, самым крепким. И сейчас застыл в стойке, словно готовясь принять или нанести удар.

— Не шустри, капитан, если не горишь желанием потолковать с Беном.

Гаишник прищурил глаза, прикусил губу, застыл так на мгновение, будто раздумывая, не пустить ли все-таки пулю в лоб нахальному молодцу, но потом совершенно неожиданно для Макарова обмяк, ссутулился и потопал к своей машине.

— Товарищ капитан, вы куда? — спросил Олег, действительно ничего не понимая.

— Разбирайтесь сами, — не оборачиваясь, сказал тот, тяжело уселся за баранку, и машина его, взвывая, как от удара, развернулась почти на месте и рванула с бешеной скоростью.

— Подействовало, — улыбнулся молодой и теперь уже обратился к Павлу. — Ну что, водила, надеюсь, ты все понял, вопросов лишних не имеешь, и мы расстаемся до скорой встречи?

— Но за что? Скажите, за что? — только и спросил Павел.

— Ха! Было бы за что — мы бы совсем другой разговор с тобой повели. А так — все мирно и ладно. Гони техпаспорт, права.

Павел полез в карман за документами, но Макаров остановил его:

— погоди. Объясни, в чем дело.

Тот в ответ натянуто улыбнулся:

— Да вот, говорят, свою машину мне дарят. За восемь тысяч баксов. А мою хотят забрать, поскольку я их стукнул.

— Все понял, папаша? — это опять подал голос тип в галстуке. — Если понял, то линяй быстренько. Садись в "Москвичок", жди, когда мы переговорим с твоим Пашей, остальное он объяснит.

— Все-таки придется это сделать вам самим и сейчас.

— Дай я ему объясню. — Молодой при бабочке шагнул к Макарову. — Нашелся умник...

Макаров ударил нападавшего коротко и точно. Тот еще не приложился как следует к земле, а следом за ним по тому же маршруту отправился в полет человек в галстуке. Дело свое Олег знал хорошо, и вот уже двое из тройки уткнулись мордами в заснеженный асфальт, а третий, не проронивший за время всей беседы пока ни слова, смотрел то на лежащих, то на Макарова.

— Поехали, Паша, — сказал Макаров. — Инци-

дент, я так думаю, исчерпан? — обратился он к молчуну.

Тот не ответил. Нет, испуган он не был, глаза его оставались холодными и спокойными. Спокойствие это Макарову очень не понравилось, надо было бы, конечно, объясниться и с этим типом, но Павел уже сидел за баранкой и нервно перегазовывал, ожидая своего пассажира.

Отъехали всего с километр, когда справа от дороги показался пост ГАИ. На освещенном пятчке у своей машины стоял капитан Шахворостов. Он удивленно взглянул на их "Москвич", приподнял было жезл, чтоб тормознуть, но в последнюю секунду передумал и даже отвернулся от трассы.

— Ну вот приключение и позади, — сказал Макаров.

— Это ты так думаешь, Олег Иванович.

— И правильно думаю. Неужели ты боишься, что эти твари будут торчать на трассе и ждать твоего возвращения? Так они ведь и не знают, что ты должен возвращаться.

Павла эти слова ни капли не успокоили, он выглядел, пожалуй, еще озабоченней, чем тогда, когда разговаривал с троицей.

— Ты, Олег Иванович, чувствую, этот народ мало знает.

— Я с этим народом воевал больше года.

— Не здесь ведь. Наши бандиты — они не такие. За ними на танке не угонишься.

— Так что они все же хотели?

— Кузов у их "восьмерки" проржавел, вот они и поехали лоха ловить, чтоб подставиться. Отдают свою рухлядь и забирают нормальную тачку. Крутые, с ними не поспоришь. Видел, как капитана уели? Все схвачено и повязано.

— И что, если б мы им морды не набили, ты бы им выложил деньги за металлолом?

Павел вздохнул:

— Если только они номера запомнили, то я, можно считать, вообще пропал. Это ведь люди Бена, у него и магазины свои, и заправочные станции, и ремонтные мастерские... Просто удивляюсь, почему они нас из автоматов не покروшили. Могли бы запросо...

К дому Леси подъехали почти перед рассветом. Павел был настроен сразу же возвращаться в Москву, его всем семейством еле уговорили остаться тут, выспаться. Уехал он часов в девять, после завтрака.

А еще примерно через час к Котенковым подкатила милицейская машина из местного РОВД, и Олегу Ивановичу Макарову передали просьбу следователя Чехотного как можно быстрее возвращаться домой.

— Это по поводу гибели жены, — объяснил он Лесе. — Чехотный ее дело вел. Видно, что-то серьезное нашел, если сюда дозвонился.

— Я все понимаю. И вообще, Олег Иванович, вы

словно оправдываетесь передо мной. Не надо. Вы ни в чем не виноваты.

Макарова резануло это обращение на "вы". Леся сидела перед ним за столом спокойная, сдержанная, чужая.

"Все образуется, все образуется, — успокаивал себя он. — Конечно, только появился и сразу уезжаю — кому это понравится? Но ведь не могу же не ехать".

2.

Жена Макарова, Тамара, погибла, оказывается, не от рук кавказцев, а пустив себе пулю в висок из пистолета любовника.

С трудом верилось в это, при всех ее недостатках Тамара была вроде не такой, но, может, в необустроенном дурацком мире деградирует человек не по дням, а по часам? А жену Олег из-за этого кавказского бардака в последние месяцы лишь навещал. Ни разу с ней и не поговорил толком. Дело ведь к разводу шло, и серьезный разговор откладывался до лучших времен...

Хорошо, что рядом оказался Зырянов: помог с похоронами, решал все бытовые вопросы. Потом, уже после похорон, вытаскивал его то в парк, то на дачу. От таких прогулок и путешествий, оттого, что был рядом верный и надежный человек, легче все переносилось. Хотя, конечно, раны давали о себе знать, ночами ныл затылок, багровым казался летящий за окнами снег.

В один из таких снегопадных вечеров, завершив круиз по магазинам, они готовили на кухне сугубо мужской ужин: отваривали картошку, крупно нарезали лук, потрошили жирную селедку. И тут звякнул дверной колокольчик. Открывать пошел Олег. На пороге стояла пожилая женщина, худенькая, темная, ни дать ни взять — цыганка. Зная, что в таких случаях говорят одно и то же: погорела, из больницы, внуков кормить некому, — он быстро вынул из кармана пятитысячную и протянул деньги женщине. Та удивленно взглянула на Макарова:

— Чего это вы?

— А вы?

— Я человека ищу. Мне нужен полковник Олег Иванович Макаров. Тут вот адрес. — Она протянула Олегу бумагу.

Олег взглянул на листок: знакомый почерк, очень знакомый.

— Простите, Бога ради. Я думал...

— Вы думали, я попрошайка? Оно, конечно, так выгляжу... Но я по этому вот адресу приехала. Не ошиблась же?

— Нет, я Макаров.

— Я так сразу и подумала.

Он все еще смотрел на листок. Этот почерк он уже видел, и не раз...

— Кто вам написал это?

— Митяев, Александр Викторович. Он говорил, что вы его хорошо знаете.

Майор Митяев, Саня Митяев, штабист. Вот такими аккуратненькими буквами он составлял документы. Погиб, когда всюю уже шли разговоры о выводе войск из Чечни и когда эти войска бросили все-таки под Бамут...

— Митяев? Но когда и где это было?

— А там, в Чечне. Летом еще. Хороший такой человек был, царствие ему... Мне потом сказали, он в танке сгорел.

Макаров только теперь сообразил, что они прежнему стоят на лестничной площадке и от разбитого окна тянет холодом. Он пригласил женщину пройти в квартиру, помог ей снять легкое пальтишко, поинтересовался, как она попала в Чечню и что там делала.

— А сына искала, как перестали от него письма приходиться, так и поехала искать.

Из кухни вышел Женька, держа в руках недочищенную картофелину. Видно, он уже понял, в чем дело, и сразу спросил:

— Как фамилия сына?

— Сокольников, Слава Сокольников, он у вас сержантом воевал. Бой был под Гехи, всю ночь и до утра не утихала стрельба. А утром боевики отошли, наши стали своих собирать, кого раненого, кого убитого. Славы среди них не было. В плен его, значит, забрали.

Макаров бросил взгляд на Женьку, тот чуть пожал плечами.

— Проходите на кухню, поужинаем... Как ваше имя-отчество?

— Мария Ивановна. Меня так зовут, что никогда не забудешь. А кушать — спасибо, я не буду, у меня в Москве сестра живет, я у нее остановилась, и только что из-за стола.

— А сами откуда, Мария Ивановна?

— Из-под Твери. — Она опустилась на краешек стула, расправила юбку на коленях. — По вашему начальству вот ходила. Просила, чтоб сына моего нашли и обменяли на кого-нибудь. А мне говорят: ждите, комиссия специальная по пленным создается. Я-то сама Чечню всю облазила, не нашла Славику. Были матери, которые своих находили, выкупали, а я не нашла. Решила было комиссию эту ждать, да тут записку в почтовый ящик мне кинули. Я из-за нее, из-за записки этой, и пришла к вам. Мне покойный Александр Викторович советовал: если помощь нужна будет, то к вам обратиться.

— Пойдемте, Мария Ивановна, все-таки на кухню, хоть чаю попьем.

— Нет, меня сестра ждет, волнуется... А в записке, значит, было написано, что один мужчина в Москве знает, где находится мой сын, и готов помочь его выкупить. У него и документы Славика, и письма, что я ему писала, — он мне их потом по-

казал, когда мы встретились. Пятьдесят миллионов просит, говорит, это еще божеская цена. Если дом продаж да сестра с мужем дачу, может, и хватит. Муж у нее хороший, понятливый. Только вот этот-то, который помочь обещает — вдруг обманет, а? Он мне уши прожужжал, что если, мол, в милицию обращусь, то сразу исчезнет, а без него я Славика не найду. И все же такие деньги чужому человеку доверять... Что посоветуете, а?

Макаров вздохнул:

— Тут, Мария Ивановна, я не советчик. Хотя, конечно, в милицию не мешало бы обратиться. Откуда он вашего сына знает — хотя бы это выяснить. Но решать вам.

— Так ведь он что мне сказал? Дескать, был офицером у Славика и тоже в плену сидел. Славик ему домашний адрес и дал, когда тот бежать собрался. Николаем его зовут, а фамилии не назвал. Убежал он, значит, из плена, а сынок не смог, потому что в ногу ранен. Так я хотела про этого Николая вас и расспросить. Рыжеватый он, высокий, шрам маленький на подбородке, от осколка, он сказал. На вид лет тридцать ему, может, чуть поменьше... Мне только знать надо, не обманет ли. Оно, конечно, офицер, не должен обмануть, но я решила еще у вас о нем разузнать.

Олег прислонился затылком к холодной стене, пытаясь сосредоточиться. Николай, рыжий Николай, офицер, лет тридцати. Бежал из плена. То, что он просит деньги — в порядке вещей, не свои же ему выкладывать за сержанта Сокольцова?! Хочет помочь, и то хорошо. Но как? Поедет с миллионами к тому полковому командиру, от которого сбежал? Хотя тут могут быть и другие каналы...

— Командир, — сказал негромко Зырянов. — Я всех перебрал — не было у нас такого офицера. Чтоб в плен попал, бежал, чтоб рыжий и тридцать лет.

Боль отступила от затылка. Да, конечно, в этом все и дело. Нет такого.

— Мария Ивановна, может, он в другой части служил, а с вашим сыном в плену познакомился? Женщина покачала головой:

— Нет, он мне сказал, что Слава его подчиненный. Хвалил еще, мол, сержант храбрый, исполнительный, когда вернется из плена, орденом его должны наградить.

— Вы по какому адресу сыну письма писали? — спросил Зырянов. — После номера части буква шла?

— Д-э.

Макаров представил лица офицеров теперь уже конкретного подразделения. Рыжих там не было.

— Вы где с ним должны встретиться, чтоб деньги передать?

— Он сначала позвонит по домашнему телефону сестры, спросит, нашла ли я деньги, и потом уже укажет, куда с ними подъехать. Мне, может, со-

общить ему, что я с вами разговаривала? Вдруг он захочет повидаться...

— Нет! — Макаров прищурился, скрестил руки на груди. — Но когда будете на его вопрос отвечать, обмолвитесь, что деньги повезете не одна, а с родственником: сумма все-таки большая.

Сокольцова опечалилась:

— Да где же я родственника возьму?

— Вот когда договоритесь, сразу мне звоните. Я с вами поеду.

— Ладно. Если к тому времени, конечно, деньги соберу.

— Даже если не соберете! — это сказал уже Зырянов. — Мы, думаю, подведем и договоримся. Как-никак, однополчане, — при этом он хмуро улыбнулся. — Что думаешь, командир, договоримся?

3.

Улица была уютная, неухоженная, безлюдная. Через огромное грязное окно универмага Зырянов видел щербатый залитый талой водой тротуарчик, голые серые деревца вдоль него, автобусную остановку. На нее он поглядывал чаще всего. Но никто там не задерживался.

— Молодой человек, хотите у нас манекеном поработать?

Женька сразу же понял, что этот вопрос обращен к нему. Оглянулся, а кассирша улыбнулась и продолжила:

— Вы так неподвижно стоите, ну как солдат у мавзолея. Вот я и подумала: оденем вас, поставим в витрину.

— Я девушку жду, — сказал Женька. — Договорились тут встретиться.

— Да я не против, ждите.

Покупателей в магазине почти не было, торчать в зале одному не хотелось, и Зырянов решил идти к выходу.

— Ой, мне прямо неудобно: оставайтесь, я же вас не прогоняю.

Кассирша теперь виновато смотрела на Зырянова. Это была полноватая женщина лет сорока с роскошными рыжеватыми волосами.

— Спасибо. Я, кажется, подружку дождался, вот машина подъехала. — Он кивнул на давно стоящую за автобусной остановкой легковушку.

Она не поленилась привстать из-за кассы и тоже посмотрела на улицу:

— Это где же? Вон тот "Москвич"? Так это вроде новая машина Крашенинникова, моего соседа, а он никого никогда не подвозит.

Здесь была окраина города, скорее даже, компактный поселок, оторванный от суетливой жизни и больших магистралей. Шесть-семь пятиэтажек, почта, школа, этот магазин... Ничего удивительного, что люди знают друг друга и с каждым поговорить по простоте душевной любят.

— А Крашенинников этот ваш не военный? Фа-

милия знакомая. У меня командир в армии был — Николай Крашенинников. Из Москвы и с машиной.

— Нет, его Володей зовут, и не служил он никогда. Купи-продай — вот чем занимается.

Зырянов вышел на улицу, не увидел ничего нового. Тот же унылый, пустынный пейзаж. Ни одного человека, на котором можно было бы заострить внимание. Двое строителей примостились на ступенях недостроенного, но уже разрушающегося здания, разливают водку по пластиковым стаканам, открывают консервы. Женщина с коляской свернула за угол дома. Пожилой мужчина повел на поводке пса.

А строители, между прочим, сидят так, что им хорошо видна автобусная остановка, та, на которой скоро, минут через десять, должны появиться Мария Ивановна и Макаров. Женька специально приехал на полчаса раньше, сразу же после звонка Сокольниковой, “зачистить” территорию: приглядеться на всякий случай, что здесь к чему, а то и угадать того, кто должен получить деньги от матери сержанта.

Но или нюх подводит, или человека, назвавшегося Николаем, здесь нет. Остается понаблюдать за строителями. Лет по тридцать, невысокие, плотные, краснощекие. Похоже, их интересует только выпивка, они даже не смотрят, кто сейчас выходит из подъехавшего автобуса.

Выходят Олег Иванович и Сокольников. Остаются на остановке, крутят головами, говорят между собой о чем-то. Женьке к ним спешить незачем. Он тоже смотрит по сторонам, пытается угадать, откуда появится сослуживец или тот, кто выдает себя за их сослуживца. Но никого не видно.

А время выходит. Конечно, минут десять-пятнадцать можно еще подождать, но Зырянов уже на все сто процентов уверен, что ловить тут нечего: когда идут за деньгами, притом за большими деньгами, не опаздывают.

Ровно четверть часа Макаров с Сокольниковой топчутся на автобусной остановке, потом Олег Иванович подает знак Женьке. Да, можно уезжать. Или не приехал Николай, или...

4.

Вот об этом “или” и пошла речь. Макаров попробовал разложить все, так сказать, по полочкам. Мария Ивановна уехала к сестре, а он с Зыряновым домой не спешил.

— Этот, сослуживец наш хренов или кто он там на самом деле, знал ведь, что Сокольникова приедет не одна, а с родственником. Она же по телефону сказала ему об этом. А раз так, Николай не должен был меня испугаться. Ты согласен, Женя?

Женька утвердительно кивнул:

— Но на улице никого не было, командир. Строи-

тели и женщины не в счет, дети с собачником тоже... Я бы его вычислил.

— И все же мы лопухнулись.

У Женьки вытянулось лицо:

— Что значит, лопухнулись? Неужели, Олег Иванович, хочешь сказать, что нас раскусили?

Макаров вздохнул:

— Да. Я взгляд на себе чей-то почувствовал, понимаешь? И лишь сейчас дошло, что видеть меня могли только из машины — стоял “Москвичок” рядышком с остановкой, заметил? Тонированные стекла. Из него кто-то на меня поглазел и дал газу.

— Не совсем так, командир. Из дома вышла женщина, села в машину и уехала.

— Женщина, Женя, села не за руль. Значит, водитель был за баранкой.

— Ну и что? Он же просто ждал эту, длинноногую. Машиной и я интересовался. Даже фамилию владельца знаю. Водитель, между прочим, в том районе и живет, “Москвича” приобрел недавно, а что он отъехал после того, как вы вышли из автобуса, так это скорее всего совпадение.

— Да понимаю я все. И тем не менее... Сразу, как только легковушку эту увидел, царапнуло внутри что-то. Подумалось, а не “Москвич” ли это Павла, того парня, который меня под Калугу возил. Цвет, диски колесные... Номер я, конечно, не запомнил, но и цифры вроде знакомые.

Зырянов даже присвистнул.

— Олег Иванович, мне объяснили, кто ее хозяин. Местный мужик, торговлей занимается, в армии не служил. Откуда ему тебя знать? Если это он говорил по телефону с Сокольниковой, то у него не было причин сматываться от нас. Так?

— Ты все верно говоришь, Женя. — Макаров остановился, вытащил сигарету, долго разминал ее, но так и не закурил, убрал обратно в пачку.

— А знаешь, мне Павел телефон свой оставил. Надо бы позвонить, поинтересоваться, как он домой добрался, когда из Калуги возвращался. Я же тебе рассказывал, какое у нас ночью приключение вышло.

— Давай позвоним.

Они пришли домой, поставили чайник. Олег не утерпел и тут же набрал номер телефона Павла. Трубку подняли сразу же, словно ждали звонка и сидели рядом с аппаратом.

— Я слушаю.

Это был женский голос.

— Добрый вечер. Я могу поговорить с Павлом?

Пауза, потом настороженный вопрос:

— Это кто звонит?

— Знакомый.

Опять пауза, и опять вопрос:

— Вы что-то хотели ему передать?

— Я хотел бы поговорить с ним.

— Его нет дома.

— Он что, позже приедет?

Что-то вроде всхлипа в ответ. Женщина говори-

ТАЙНА "БЕЛОГО СТРЕЛКА"

ла тихо, наверное, сама себе, но Олег расслышал ее слова: "Господи, все равно..." Потом уже громче, в трубку:

— Он пропал... Вы не из милиции, нет?

— Нет, хотя, если надо...

— Ни в коем случае! Но... Мне нужно хоть с кем-то поговорить, иначе же с ума сойти можно! Вы не подъедете сейчас?

Теща Павла, Таисия Александровна, дома была одна. Дочь легла в больницу, на сохранение — рожать скоро.

— Я ей еще не говорила, что с Павликом произошло, но долго скрывать не смогу, она ведь ждет, когда он придет.

— А что все-таки с Павлом?

— Его схватили, деньги требуют... Три дня назад он домой не вернулся. Раньше, когда задерживался, всегда звонил, а тут — ни его, ни звонков. Только на следующее утро вести от него дождалась...

Сначала Таисия Александровна услышала голос чужого человека. Тот сказал, что если она хочет получить своего зятя живым, пусть готовит пятьдесят миллионов, а если мертвым — пусть заявляет в милицию. Потом трубку взял Павлик, попросил об одном: чтоб теща не беспокоилась, в органы ничего не сообщала, он через несколько дней вернется.

Женщина слышала, как чужой голос советовал зятю: "Ты ей о деньгах скажи", на что Павлик ответил: "Ее этим не беспокойте, откуда у учительницы миллионы? Сам что-нибудь придумаю".

— А машина его где, Таисия Александровна?

— Я вам сказала все, что знала. Но если бандиты с Павлика такие деньги требуют, то и "Москвич" они, конечно, отобрали. Он нам так тяжело дался! Павлик два года ни одного выходного дня не имел. И вот... За что, почему?

Когда Макаров и Женька уже выходили из квартиры, Таисия Александровна еще раз предупредила:

— Только в милицию не сообщайте. Знаю, там есть и такие, которые с бандитами одним миром мазаны. А раз так, то и Павлику будет хуже, и до дочери в роддом, не дай Бог, доберутся.

— Вот вы говорите, что знаете... — начал было Зырянов, но женщина, угадав его вопрос, покачала головой и ответила коротко:

— Знаю, и все.

5.

Крашенинникову Владимиру Георгиевичу недавно исполнилось двадцать восемь. В свое время он закончил техникум мясомолочной промышленности, два года работал технологом на комбинате, потом ушел продавцом в магазин, потом разделял туши на рынке... Ныне коммерсант, занимается реализацией продуктов питания. Женат вторично. Живет безбедно. Только за один прошлый год приобрел две иномарки — "опель" и "тойоту". Но водительского опыта у него — никакого, и по-

тому подсовывали ему туфту: проржавевшие консервные банки. Одну он разбил, а другую угнали, на старую "тойоту" позарился, видно, какой-то пацан, а не профессионал-угонщик. Теперь Крашенинников обзавелся "Москвичом".

Он выпивает, и тогда соседи слышат его выкрики. Но жену вроде не гоняет и посуду не бьет. Вообще вдвоем с женой его никогда не видят, там каждый гуляет сам по себе. Она — с собакой, он — с друзьями. Друзья к нему наезжают с виду солидные, тоже, по всей видимости, с бизнесом связанные. В клубных пиджаках, но сморкаются в кулак.

Все это стало известно Макарову ближе к вечеру следующего дня. В Чечне приходилось пить водку со столичной милицией — и пили ребята неплохо, и воевали нормально, и не забыли, слава Богу, те дни.

— Скажи только, зачем он тебе, Иваныч? Если хочешь бизнесом заняться и в компаньоны его взять, то не советуем.

— А почему?

— Ну хотя бы потому, что мы, как видишь, имеем на него кое-какую информацию. Скользкий тип, судя по всему, наш потенциальный клиент.

Итак, о Крашенинникове кое-что стало известно. Сказал бы еще только кто-нибудь, где он отирается в этот вечер, почему не стоит у его дома знакомый "Москвич"?

Вышла на вторую уже прогулку с ротвейлером его жена, Анастасия Тихонина: во время первой Зырянов долго звонил в дверь ее квартиры. Никто не отозвался.

— Мне опять идти звонить, командир? Но в подъезд за эти три часа никто из рыжих и высоких не заходил.

— Я тоже это заметил.

Макаров вынул авторучку, вырвал из блокнота листок и принялся писать на нем.

— Поднимешься сейчас к их двери и воткнешь куда-нибудь, но так, чтоб Тихонина сразу же увидела, записку. Содержание вот такое составим... Сейчас дам прочесть... Клонет рыбка, нет — это уже другое дело, но удочку мы закинем.

Записка была короткая, написана торопливым, неровным и крупным почерком: "Заезжал, дома у тебя никого, сейчас половина седьмого. Буду ровно через час. Дело очень важное, по телефону нельзя".

— Без подписи? — спросил Женька и тут же понял, что смолот чушь.

— Можешь поставить: "офицер спецназа Зырянов". — Олег улыбнулся. — Я, конечно, понимаю, что все это чушь собачья, но вдруг сработает, а? Вот я бы, получи такую галиматью, вполне возможно, приехал.

Зырянов почесал затылок:

— Но если ему почерк покажется незнакомым...

— Брось, Женя! Ты хорошо знаешь почерки своих друзей-товарищей? Я, например, совсем не

знаю. Но дело даже не в этом. Записку по телефону прочтет ему жена, а сам Крашенинников сможет взять эту бумажку в руки только после того, как мы с ним побеседуем. Ладно, не будем терять времени, вдруг ротвейлеру быстро домой захочется. Действуй.

Олег как в воду глядел. Едва Зырянов отнес записку и вынырнул из подъезда, как Анастасия Тихонина проследовала с псом мимо автобусной остановки, где сидел Макаров.

Она была далеко не красавицей: на широком лице — маленькие глазки, сведенные в бесцветную линию губы, неожиданно большой римский нос... Но зато Анастасия имела осанку королевы или по крайней мере гимнастки: спина ровная, плечи развернуты, подбородок приподнят. Это значит, никакого комплекса от своей некрасивости женщина не испытывает, оценивает себя высшим баллом, а раз так, то и не замечает ничего вокруг. Посему можно предположить: Тихонина вряд ли обратила внимание на то, что и три часа назад, то есть во время предыдущей прогулки, на скамейке автобусной остановки сидел мужчина в обычном неброском плаще и такой же шляпе. По крайней мере, Макаров хотел этого, и не желал бы ошибиться.

6.

Клюнула рыбка.

“Москвич” с тонированными стеклами подъехал к металлической ракушке гаража, а это могло означать, что Крашенинников заглянул домой не на минутку. Едва он вышел из машины, как игру начал Женька:

— Володя! Я тебя уже битый час жду. Ты где это пропадал?

Естественная реакция на слова незнакомца: новый хозяин “Москвича” пялит глаза на подходящего к нему Зырянова. Тот по мере возможности искренне улыбается и продолжает:

— Гараж можешь не открывать, мы еще покатаемся немного.

Крашенинников одного роста с Олегом, но в плечах поуже. Макаров мягко подходит к нему со стороны спины, говорит негромко:

— Привет, Николай. Или Владимир все-таки?

Тот резко поворачивается, и теперь уже Макаров чуть вздрагивает от неожиданности. Перед ним — один из тех, кто останавливал машину Павла на пути к Калуге. Это его Олег вырубил вторым. Теперь понятно, почему Крашенинников не вышел к Соколицевой за деньгами.

Встреча на трассе — одно дело, там налетчики просто не предполагали, что Макаров знает толк в рукопашной, а здесь, у своего дома, этот рыжеватый тип может повести себя по-другому. Инициативу в его руки отдавать нельзя.

— Не дергайся и садись за баранку, это твой шанс уцелеть.

Макаров выговаривает слова негромко, спокойно, не вынимая рук из карманов. Именно на них Крашенинников и косится, боится, наверное, что оттуда направлен ствол.

Зырянов первым садится в салон “Москвича”, а Олегу приходится повторять свои слова, но уже грубой и резче:

— За баранку, я сказал!

Это подействовало. Крашенинников, так пока ни слова и не проронив, открыл дверцу, неловко, спиной вперед, втиснулся в машину.

— Оружие есть? — спросил Женька.

— Да, — наконец-то раскрыл рот рыжий. Сказал — как проблема.

ТТ оказался в наплечной кобуре, дешевый, китайский.

— Я не имею к стволу никакого отношения, я могу все объяснить...

Макаров повертел пистолет в руках, потом небрежно бросил его Женьке.

— Сохрани как память о встрече. А ты, мальчик, трогай, выезжай... Ну хотя бы на калужскую, она ведь тебе знакома.

Километров через двадцать вырулили на крохотную стоянку, где вокруг грубо сколоченного стола стояли отполированные задками темные пни. Крашенинников очень неохотно вылез из машины, косясь на подступающий черный в сгустившихся сумерках лес.

— Вот теперь поговорим... Я не помню, тогда, в первую нашу встречу, ты в галстук был или при бабочке? — спросил Олег.

Коммерсант посчитал, что на этот вопрос можно не отвечать, и только облизал губы. А Макаров продолжил:

— Чем вам машина Павла так приглянулась?

— Он залупился, а мы запомнили, — неохотно выдавил Крашенинников.

— Так было отчего! А если б у тебя такую кучу денег потребовали?

— Командир, — не выдержал Женька. — Ты с ним беседу ведешь, как в приемной посольства. Дай я потолкую. Где сейчас Базаров?

Зырянов вплотную подошел к рыжему:

— Где? Ну?!

— На даче у Эдуарда Пилявина... Не убивайте!

Последнюю фразу Крашенинников почти прорыдал, слезы уже чувствовались в голосе, и Женьку это развеселило. Он хмыкнул, взглянул на Макарова, подмигнул ему и сказал:

— Уговорил, пока поживи. А где эта дача?

— Точнее, не дача, а дом в Топчино. Тесть с тещей умерли, а дом остался Эдуарду.

— Далеко это?

— От калужской трассы километров двенадцать в сторону.

— Не врешь?

ТАЙНА "БЕЛОГО СТРЕЛКА"

— А чего мне врать? Я же понимаю: проверите.
 — Какой номер дома?
 — А черт его знает. Помню, штакетник зеленый...
 — Что там у нас, командир, еще на повестке дня? — Женька повернулся к Макарову. — Вопрос по Чечне, кажется?

Олег кивнул, сказал негромко:

— Продолжай, у тебя это неплохо получается.
 — Ты каким образом на Соколову вышел?
 Крашенинников, кажется, на самом деле удивился и растерянно захлопал глазами:
 — На какую Соколову?

— На мать сержанта, документы которого оказались у тебя. Дурака не валяй! Ты в четверг у своего дома ожидал ее в машине, чтоб деньги забрать.

— Не было такого. В четверг я с утра до вечера торчал в Зеленограде. Кого угодно спросите!..

— Нет, командир, наверное, надо его пришить. Врет ведь гад и не краснеет! — Женька вытащил "трофейный" ТТ и покачал его на ладони. — В четверг, во второй половине дня вот этот самый "Москвич" стоял у твоего дома, ты был за рулем, потом в машину села твоя жена...

Крашенинников поднялся с пенька, молитвенно сложил руки на груди:

— Я был в Зеленограде, поехал туда электричкой, а "Москвич" стоял в гараже. Если только Тихонина куда-нибудь на нем не моталась. Но она мне об этом не докладывала.

Так, подумал Олег, атака с ходу не получилась. Хуже всего то, что коммерсант, кажется, не врет. Если уж со страха все про Пашку выложил, то что ему стоило сознаться: да, было дело, решили тетку одурачить?

— Жена хорошо водит? — спросил он Крашенинникова.

— Да, но "Москвичонка" еще не пробовала.

— А кто, кроме тебя, мог ехать с ней?

— Ну мало ли... Если кого-то из наших попросила, то тогда кто угодно. Хотя у всех свои колеса.

— Командир, — неуверенно сказал Женька. — Да он же лапшу нам на уши вешает.

— Проверим. — Олег потер подбородок, поднес к глазам часы, но ничего не разглядел: ночь наступала темная, безлунная: — Женья, сколько на твоих золотых?

Зырянов включил в салоне свет, и тут Крашенинников ломанулся в темноту.

Женька пулей вывернулся следом, а Макаров лишь досадливо сморщился. Дохлый номер — ловить кого-то в ночном лесу.

Зырянов вернулся, тяжело и недовольно сопя, опустился рядом, на соседний пенек.

— Олег Иванович, он ведь теперь рассвистит, что мы Пашкой интересовались. Его тут же перепрячут.

— Если не пришьют.

— И что делать будем?

Макаров встал, направился к "Москвичу":

— Чем вопросы задавать, посмотри лучше, нет ли в бардачке карты.

— Ага, есть!

— Ну так ищи деревню Топчино...

7.

Топчино спало, и если бы возле одного из домишек не горел на столбе тусклый желтый фонарь, эту крошечную деревушку можно было бы вообще проскочить и не заметить. Избы разбрелись по одну сторону от дороги, причем по взгорью, спрятавшись от любопытных глаз за частоколом рябин и березок.

Дорога шла неухоженная, видно было, что снег выпадал и таял, не зная колес, и только у околицы появились следы подводды. Тянулись они от приземистого длинного здания фермы и дальше терялись в темноте.

Макаров заглушил мотор. Наступила такая тишина, что Женька даже поежился:

— Как в могиле, черт! И спросить не у кого.

— А если бы и было у кого? Тут ведь, Женья, не сам Пилявин жил, а его тесть с тещей, у них, надо полагать, другая фамилия...

— Что предлагаете, Олег Иванович?

— Машину оставим здесь, повзводно разбиваться не будем, пойдем вместе. Неужто тут все штакетники зеленые? Ну не может же такого быть!

Первый дом стоял не только без забора, но и без стекла в окне. Узкая полоска снега лежала на голом столе. Было ясно, что жильцов в нем, нет по крайней мере с осени.

— Закон подлости, Олег Иванович. То, что ищем, наверняка окажется в самом конце.

Зырянов ошибся. Уже второй дом был огорожен зеленым штакетником. От калитки к крыльцу вела цепочка следов, и вроде свежих.

На стук довольно быстро отозвался мужской сильный голос:

— Щас! — Громыкнуло в сених пустое ведро, слышался отборный мат, но свет так и не зажегся. Потом кто-то зашарил по той стороне двери руками, звякнул крючок, и наконец-то раздался вопрос, который ожидался с самого начала. — Эдик, ты, что ли?

— Если тебе так хочется, — сказал Женька, плечом помог двери открыться и, безошибочно поймав пальцами горло сиплого, перешел на полупшепот: — Кто еще в доме?

Хозяин всхрапнул, то ли оттого, что дыхание перехватило, то ли от страха, но не задергался, кулаками не замахал, вытянулся в струнку, и шея его оказалась тонкой и длинной, как у тушки обчищенного цыпленка:

— Вы чо? Чо вы?

Луч фонаря осветил худое щетинистое лицо. Человеку было лет шестьдесят.

Женька отпустил старика и повторил:

— Кто в доме?

Тот так и застыл по стойке смирно, в огромных галошах на босу ногу, в несвежих кальсонах и красной байковой рубашке внакидку.

— А кто же еще может быть?.. Тут и меня нет... В смысле, не живу я тут. Эдик попросил, чтоб печь протапливал, ночевал, когда могу. И чтоб никого, значит, не пускал.

Олег прошел через сени к двери в горницу, быстро открыл ее, резанул лучом фонаря от стены к стене, увидел все, что надо. Стол, на нем недопитая бутылка водки, порезанное сало, хлеб, один граненый стакан, банка с маринованными огурцами. Старый, в царапинах, холодильник, на верху его — транзисторный приемник с изогнутой антенной. Дальше — печь, возле нее кровать. Все.

Павла в комнате нет. Но надо осмотреть подпол.

— Чисто, командир?

— Чисто. Спроси у него, только повежливей.

— Обижает. Отец и без всяких фокусов скажет, где пленник содержится. Скажешь?

— Какой пленник? Вы чего?

Женька начал массировать пальцы здоровой левой руки, и человек в кальсонах понял, зачем он это делает:

— А-а-а... Все, я понял. Павел, что ли? Вы Павла ищете? Так он в подполе. Только не я его туда сажал. Друг Эдьки привез, сказал, значит, что хозяин в курсе, да я наемдни узнал, соврал он: Эдик не знал ничего.

Макаров ногой отбросил истертый грязный коврик, увидел люк с металлическим кольцом, рванул за него. Снизу повеяло кислой сыростью. У пустого сваренного из металлических уголков стеллажа лежал на сером кожухе человек. Вокруг шеи — металлический обруч, от него — грубая тяжелая цепь, на таких держат злых псов. Человек был худой и бородатый. Он не мигая смотрел на Олега, как тому показалось, неживыми уже глазами.

Макаров прыгнул вниз.

— Павел, ты слышишь меня?

Базаров некоторое время лишь беззвучно шевелил губами, потом все же нашел силы ответить:

— Неужели отмучился?

И покачал головой.

8.

— Когда должен приехать Пилявин?

Старик уже опомнился и отвечал более-менее связно.

— Так обещал назавтра, ближе к обеду. А если, значит, чего тут случится, то я ему позвонить должен...

— Откуда?

— Так рядом Спицевка, большое село...

— Значит, его московский телефон ты знаешь?

— Нет... Ну да то, есть, раз позвонить должен...

Но он просил никому не давать.

Женька шумно вздохнул, и старик тотчас вытащил из кармашка рубахи визитную карточку, протянул ее Зырянову.

Визитка была сделана на европейском уровне: золотое тиснение по черному фону, цветная фотография, двуязычный текст. Из нее следовало, что Эдуард Тимофеевич Пилявин является заместителем генерального директора ТОО "Тракс". Кое-что проясняла и фотография: Пилявин был тем самым молчуным, единственным из троицы, кого Олег не послал в нокаут на ночном шоссе.

— Ты идти можешь? — спросил Макаров Пашу. Тот сидел на стуле и поглаживал заметно дрожащие ноги. — Хоть до своего "Москвича" сам дойдешь?

— У меня нет машины. — Павел, несмотря на освобождение, выглядел хмурым, не отрывал глаз от пола. — Я им доверенность на вождение подписал, но они заставят меня и дарственную оформить...

— Очнись, Паша, ты уже не у них. И твой "Москвич" стоит тут неподалеку, тебя дожидается. Послушай, почему они именно к тебе прицепились, а? Ты что, раньше имел с ними дело?

— Нет. Тогда, когда мы в Калугу ехали, я их в первый раз увидел. Они номер машины запомнили, вычислили меня. А идти я могу, сколько надо. Только почему-то дрожит все. Меня кололи вчера, накачали чем-то. Если бы не это, я бы ничего им не сказал.

Они уже миновали двор, когда Макаров спохватился:

— И чего же ты им такого сказал? И с какой стати ты им вообще понадобился? Ну поймали они тебя, ну автомобиль забрали, а держать-то в подвале зачем?

ТАЙНА "БЕЛОГО СТРЕЛКА"

стала раздирать затылок и висок, не давая возможности спокойно соображать.

Женька взглянул на командира, все понял: он только по одному взгляду уже научился определять состояние Макарова.

— Пойдемте в машину, по пути обо всем поговорим.

— Но я не виноват, вы верите мне?

Женька кивнул:

— Ладно, Паша, забудь. Тебя же никто и не винит. — И уже тише спросил: — Ты за руль сесть в состоянии? Олег Иванович, похоже, отключается. Он от ранения никак не отойдет.

Макарову больше всего хотелось сейчас, чтоб "Москвич" помчал его к Лесе. Зырянов словно бы прочел желание командира, сказал:

— Сейчас бы, конечно, в калужские края махнуть, но не будешь же там торчать в ожидании, когда эти суки нападут, так? Есть предложение: сыграть на опережение. Пилявин обещал завтра к обеду сюда приехать? Вот тут с ним и поговорим: в тиши, на природе, можно

даже в том самом подвале, где Паша сидел, и цепь ту же ему на шею накинem. Годится, Олег Иванович?

— Это, Женя, можно было бы сделать, не упусти мы Крашенинникова. Думаю, он уже успел вернуться в Москву, и Пилявин в курсе случившегося. Если он не дурак, то сюда не сунется. А дураком он мне не показался.

— Логично, командир. — Женька виновато погладил чубчик. — Прокол на мне. Но что же делать?

— Пока ехать домой. Павел пусть забирает свою машину...

Базаров затряс головой:

— Ничего мне не нужно! "Москвич" они все равно у меня отберут, и кроме того, опять неприятности начнутся. Касались бы они только меня, я, может, и повоевал бы, но они прицепятся к моим, а жене рожать вот-вот... Черт с ней, с этой машиной! Получится — другую наживу.

— А если и другую отнимут? — вполне серьезно спросил Зырянов.

Павел помолчал, потом, не поднимая глаз, виновато произнес:

— Все равно я в эту игру не играю.

— Может, жалеешь и о том, что мы тебя из подвала выпустили?

Базаров, чуть скривив губы от Женькиного вопроса, ответил:

— Зачем вы так?.. Лариса родит — сразу отвезу их всех вместе с тещей куда-нибудь подальше от столицы, и потом уже...

Он замолчал и так, не проронив ни звука, про-

Павел остановился и поднял глаза на Олега:

— Ты им нужен.

— Зачем?

— Сказали, что не прощают обид. Требовали твой адрес, но я им наплел, мол, ты просто в городе проголосовал, пообещал нормально заплатить, и я тебя повез под Калугу. Тогда они начали интересоваться, по какому адресу я тебя отвез. Я сглупил, мне надо бы сочинить, что ты вышел, допустим, возле вокзала. Но я проговорился, я сразу сказал, что в деревню мы ехали. Вот они...

Макаров понимающе кивнул.

— Крашенинников условие поставил: или деньги с меня, или твои координаты. Я молчал, честное слово, но вчера, после уколов... Не помню сейчас точно, но я, кажется, все им выложил. Это как в бреду было. Если бы не уколы, я бы никогда этого не сделал, но...

— А что, условия ставил Крашенинников? Не Пилявин?

— Пилявина я только вчера и увидел. Со мной он почти не разговаривал, а на тех двоих, которые меня сюда приволокли, шумел. Не знаю за что, они наверху были, но и сюда крики долетали.

— Почти не разговаривал — это как?

— Ему нужен был только адрес, куда я тебя отвезил той ночью.

Макаров на миг представил невеселую картинку: у забора деревенского дома стоит высокий тридцатилетний балбес и наблюдает за играющим во дворе Олежкой. Тут же знакомая уже тупая боль

шел от двора до стоявшей на обочине пустынной дороги машины. Сел за баранку и только после этого закончил фразу:

— Потом и поживаюсь кое с кем.

9.

Макаров промаялся всю ночь. Без четверти восемь набрал номер телефона детского сада, где работала Леся. “Конечно, там еще никого нет”, — ругнул себя за невыдержанность, но после первого же гудка трубку сняли, и женский голос сказал:

— Слушаю.

— Мне Леся Павловна Котенкова нужна.

— И кому же это я так нужна?

— Мне.

Он почувствовал неловкость из-за того, что не узнал ее голос. Впрочем, она, вероятно, испытала то же самое. Возникла пауза.

— Как вы там? Олечка не болеет?

— Спасибо, все нормально, Олег Иванович.

Она его всегда так называла, но именно сейчас это воспринималось больнее всего. Он почему-то надеялся, что отчуждение исчезнет хотя бы в разговоре по телефону, но... Хорошие слова, придуманные им ночью, исчезли, и казенным командирским голосом он попытался объяснить ей причину своего звонка.

— Леся, бери сынишку и приезжай ко мне, хорошо, если это сделаешь прямо сегодня же.

— У меня отпуск только в августе, Олег Иванович.

— Леся, ты не поняла меня. Я ведь тебя к себе не на время отпуска зову. Бросай все и приезжай. Навсегда.

Нет, она все прекрасно поняла и ответила не задумываясь:

— Олег Иванович, я очень этого хочу, но вот так, сразу... Не смогу я так. Да и работа, родители, дом...

Олег меньше всего хотел ее сейчас пугать, рассказывать о Крашенинникове и Пилявине, о том, что в Москву надо ехать ради безопасности ребенка и ее собственной, и он выдал из себя опять неживые, холодные слова:

— И все же так надо, Леся! Просто необходимо, чтобы вы с Олечкой хотя бы некоторое время жили в другом месте. Я не могу все объяснить, это не телефонный разговор...

— Тогда приезжайте в любой день, мы будем рады.

Проснувшийся Зырянов, определив по хмурому лицу командира, чем закончился диалог, грустно улыбнулся:

— Что-то не везет нам, Олег Иванович. То мы баб не понимаем, то они нас.

— Тебе-то чего жаловаться? — все еще глядя на замолчавшую телефонную трубку, сказал Макаров. — Или с Аллой поссорился?

— Не то чтобы поссорился, но — все, туда я больше не ездук.

Нет, ссорой это действительно нельзя было назвать. Алла в последнюю встречу сказала: “Ты ведь знаешь, кто я и какая, потому не устраивай мне разбор полетов, ладно? Некоторое время мы не сможем с тобой встречаться, потому что приезжает один из моих богатеньких стареньких дружочков”.

На полках в ванной лежали три электробритвы. Хозяева их, прибывая по коммерческим и прочим делам в Москву, останавливались у Аллы, веселой, красивой, не связанной семейными узами и всякими прочими предрассудками женщины. Женька заполнял паузы. Как бы он хотел вышвырнуть эти бритвы в мусоропровод, но...

“Женечка, ты славный, ты умный, ты порядочный... Ты пока не знаешь, что я тебе не пара и что из нас не может получиться семья, но я это уже знаю, как всякая мудрая, ломанная жизнью баба”.

“Думаешь, если я потерял кисть руки в плену у чеченцев, то не смогу тебя обеспечить? Я найду нормальную работу”.

“Не надо комплексовать. Дело не в тебе — во мне”.

Вот так они и поговорили при последней встрече, неделю назад.

— Не хочет Леся сюда ехать?

— То-то и оно. И мне сейчас к ним ехать не с руки. К тому же Шиманов объявился. Ты помнишь подполковника Шиманова?

— Я не только его самого, я и многих его московских омонцовцев вовек не забуду. Двое суток совместную операцию проводили у Бамута... Командир, на твою долю яичницу с колбасой поджарить? А может, и супец разогреть? Лично я хочу поплотнее позавтракать, поскольку денек будет непростой.

— Ты, выходит, программу на сегодня уже наметил?

— И не только на сегодня. Мне надо к вашим Котенковым ехать, Олег Иванович. Черт его знает, что на уме у Пилявина.

— Женя, веришь, нет, но я тебя хотел об этом же просить.

10.

Лифт стоял открытым, все кнопки в нем были сожжены, и в подъезде еще витал запах горелого пластика. На седьмой этаж пришлось топтать своим ходом. Всего год назад для Макарова это было бы легкой разминкой, теперь же, пока дошел до нужной двери, и ноги устали, и запыхался.

Дверь была обита темным дешевым дерматином. Кнопка звонка держалась на честном слове. После того как он дважды нажал ее, не сразу, с заеданием, провернулся замок, и на пороге пока-

ТАЙНА “БЕЛОГО СТРЕЛКА”

зался небритый, с красными воспаленными глазами мужчина.

— Здравствуй, Михаил. Узнаешь?

Майор Кобозев, комбат-два, один из лучших его комбатов, болезненно улыбнулся, вытянулся перед Макаровым, как на строевом смотре:

— Товарищ полковник! Вот честное слово: мину-ту назад за ваше здоровье... это самое... рюмочку. Да вы заходите!

— Зайду, Миша, зайду.

— А мне из части позвонили, сказали, что вы меня спрашивали. Но я не думал, что придете.

— Пришел вот. Ты один?

— Сын в школе, жена на работе. Один.

На кухне стол был завален грязными тарелками, пивными и водочными бутылками, успевшими зачерстветь пластинками сыра, сигаретным пеплом. Кобозев виновато потер затылок:

— У меня... это... И в комнате бардак. Вы присядьте, я сейчас шмон наведу.

— Ты что сегодня не на службе?

— Да куда идти с такой мордой. Позвонил, сказал, что сердце прихватило. Врать я научился, товарищ полковник, как видите.

— Не научился. Раскусили там тебя. По крайней мере, мне по секрету сообщили, что ты в очередном запое.

Кобозев хмыкнул:

— Заложили.

— А чего закладывать, я пришел к тебе не нотации читать.

— Тогда, может, по рюмашке?

— По одной, но не больше.

Выпили. Не закусив, Кобозев потянулся к пачке “Явы”:

— Вас, слышал, сержант Сокольников интересу-ет? А я Соколькова не знал почти. Даже лица сейчас никак не вспомню. Он всего неделю и повоевал. А убили парня, можно сказать, у меня на глазах, возле Гехи. Граната под ногами рвану-ла — и все.

— И все — это что? В Ростов, в “холодильник” отправили?

— Нет. — Кобозев жадно глотал сигаретный дым, три-четыре затяжки, и в пальцах его остался только фильтр. — У “духов” в тот вечер снайперы хорошо работали — головы нам под-нять не давали. И когда убило Соколькова, а по-том еще двоих, мы думали, ночью тела вытащим — хрен там! Прицелы ночного видения у “духов” были, и потому наши убитые для них как при-манка, это мы уже проходили. А потом, перед рассветом, команда поступила отойти, чтоб свои же “Градом” не накрыли. “Град” зарабо-тал, думали — точка, а получилась запятая. Уце-лели “духи”. Утром наши с ними трупами ме-няться стали, баш на баш. Мы пятерых “за-мочили”, а у них наших шестеро оказалось. Лей-тенант Баранов к соседям бегал, попросил в

долг одного жмурика. Ну и все, и точка. Поменялись. А Соколькова нет.

— Как так?

— На том месте, где сержант лежал, ребята ут-ром воронку обнаружили. “Град” ведь работал. Ничего не осталось.

Помолчали.

— Миша, а “духи” не могли его к себе утащить до обстрела?

Комбат ответил не сразу, по инерции потянулся опять было к бутылке, но тут же резко отдернул руку, потер лоб:

— Так ведь поменяли бы, если б утащили. Зачем он им?

— А если бы тебе сказали, что он жив?

Кобозев покачал головой:

— Не поверил бы. Я ведь сколько раз в бинокль его ловил: какой там живой...

Опять образовалась пауза. Макаров почувство-вал, что комбат хочет что-то сказать, но медлит. Решил помочь ему.

— И о Соколькове ты больше ничего не слышал?

— Я, товарищ полковник, четыре раза контужен. И если меня обвиняют в неоправданных поте-рях...

— Миша, тебя никто ни в чем не обвиняет, речь идет совсем о другом.

— Ну да, не обвиняют! Еще как обвиняют! Я ночами спать не могу. Вот вы, товарищ полковник, матери Соколькова помогаете, это правильно... Но помогите и мне.

— В чем?

— В войсках остаться.

— Так меня же самого по здоровью списали...

II.

С Павлом Павловичем, отцом Леси, Женька на-шел общий язык сразу же. Легко подружился и с Олежкой. К Лесе попробовал было сначала обра-щаться на “вы”, но та с ходу зарубила его дипло-матию:

— Я что, так старо выгляжу, да?

Вечером они объяснились.

— Женья, Олег Иванович неспроста ведь тебя прислал? Когда он позвонил, я поняла...

— Это скорее всего ложная тревога, так что не волнуйся.

— Уговаривать меня ехать в Москву пока и не старайся, с Олежки я не буду спускать глаз, что еще мне делать?

— Не возражать, что я вас буду сопровождать в садик и из садика.

— Конвоировать? — Она улыбнулась, но тотчас улыбка сошла с ее губ: — У Олега Ивановича но-вые неприятности? Кто-то за ним охотится? Он не может приехать сюда, чтоб нас не подста-вить?

— На все вопросы я отвечу коротко: да.

Следующий день начался планово: поездкой с Лесей и Олежкой в садик. Торчать возле него до вечера не имело смысла, Женька вернулся, чтоб заняться прекрасной работой: сбивать масло в деревянной маслобойке, потом пить пахту. А на вечернем автобусе он поехал встречать Лесю и Олежку. Остановка была недалеко от садика, дорожка туда хорошо просматривалась.

Леся вышла точно в условленное время, держа сына за руку. Кажется, все нормально.

Стоп! Из-за ограды показался высокий мужчина, посмотрел внимательно вслед женщине и ребенку, прибавил шаг, наверняка желая догнать их...

— Олежка! — Женька выбежал на дорожку, раскинул руки навстречу пацану, при этом не сводя глаз с того, кто шел следом за Лесей.

— Дядя Женя! А мы сегодня из пластилина драконов делали!

Высокий мужчина резко остановился, потом повернулся и зашагал в обратную сторону.

Вечер выдался тихим и снежным. После ужина Зырянов вышел во двор, выбрал очень удачную позицию у забора: сам оставался в тени, но хорошо видел в оба конца улицу, освещенную редкими фонарями.

На дороге со стороны города показались огни машины. Не доезжая до крайнего дома, она остановилась на обочине: точно так же поступил и Макаров, когда они накануне ездили в Топчино.

Лампочка на миг осветила салон и тотчас погасла. Приехал один человек. Вот он вылезает — высокий, лет тридцати... Тот самый, который хотел догнать возле детского садика Лесю. Так, подходит к калитке, смотрит в окно. Конечно, можно наблюдать, что он собирается делать дальше, но очень уж удобно стоит этот тип, всего шагах в трех. Остается перемахнуть через забор...

12.

— И до Москвы небось слух уже дошел, как я там погорел?

— Погорел? На чем?

— На естественном отборе! — Шиманов засмеялся, включил правый поворот и въехал в тихий узкий переулок. Остановился почти сразу же, взглянул на часы. — У нас с тобой, Олег, есть минут десять, так что можем поболтать на вольные темы. Значит, не слышал, блин, как я в Чечне фразернулся?

Макаров покачал головой.

— Ночью пошли мы на операцию. Разведка с вечера донесла, что "духи", блин, гранатометчиков посадили там, где на следующий день нашим топтать. Ну пяток зеленых гвардейцев с "шайтанками" мы взяли без шума и пыли, а у одной точки завязалась перестрелка, и двоих моих ребят не очень сильно, но осколками все же посекло. В кровянице они... Возвращаемся мимо вертолетной

площадки, Ми-8 уже лопастями воздух рубить начинает, я туда: возьмите, мол, раненых. И тут прапор, блин, нарисовался: не могу, груз ценный везу, посторонних на борту не должно быть. Я хотел уже рукой махнуть, а мой боец шепчет: "Товарищ подполковник, я рассмотрел этот ценный груз: телевизоры, холодильник, ящики с консервами...". Я к прапору: ты, блин, совесть-то имей! А у того морда лоснится, от сознания значительности своей светится. Это, говорит, имущество генерала, и фамилию называет, прошу, говорит, сюда не соваться. И в зубах при этом, блин, спичкой ковыряет: чихал, мол, я на вас... Ну ты, Олег, меня знаешь, я тонкий дипломат, я прапору с особым почтением стучу по сытой морде, при этом прошу передать генералу мои уверения в том, что телевизоры его от задержки кровью не истекнут, произвожу, как сам понимаешь, естественный отбор, то бишь все эти коробки, блин, выбрасываю на траву, усаживаю в "вертушку" раненых бойцов... А на следующий день на меня собак спустили. Приехал хрен один и чуть ли не погоны с меня срывать начал. Про субординацию, про уставы беседу повел. Ну я ему, блин, и высказал. Для одних, говорю, война, а для других — мать родна. И на понт его взял: уже, мол, об этой истории журналистам известно, а они ребята ушлые, обязательно докопаются, чья аппаратура была в "вертушке" и куда шла. Хрен-то этот побелел, позеленел. Считай, орет, что ты уже уволен, а сам быстренько в машину и ходу... Так что я скоро тоже могу пополнить ряды пенсионеров, и будем мы с тобой сажать картошку по весне.

— Ты так говоришь, будто эта история не закончилась, — сказал Макаров. — Думаю, тот генерал забыл уже о тебе.

— Дай-то Бог. Тогда и я его забуду. Хотя все это и подленько, конечно, но спишем на войну. Не все, правда, списать можно.

— Это точно. Видишь, документами убитых торгуют, твари.

— И оружием для убийц.

Олег поднял глаза на задумавшегося Шиманова:

— Ты о чем это?

— Да так... Тоже долгая история. Будет время — расскажу.

— А сейчас? Может, хотя бы намекнешь, к кому ты меня привез?

— Не хочу, чтоб голова у тебя потом болела от разных мыслей. Все переговоры я буду вести, ты же, Олег, только сопи в две дырочки и ни во что не встревай. Ситуацию я в общих чертах понял...

Макаров знал пока только одно: человека, к которому они сейчас приехали, звали Игорь Аксаков. До этой поездки они сидели в кабинете подполковника милиции Шиманова, наверное, с час. Олег рассказал ему о Павле, о ночном приключении возле ГАИ, о поездке в деревню Топчино, о том, почему уехал под Калугу Зырянов.

— "Говоришь, Бена эти фраера упоминали? Ну-ну". После этого Шиманов дозвонился до какого-то Игоря и договорился с ним вот об этой встрече.

— Все, Олег, пора идти. Тут дисциплина похлеще, чем в кремлевской роте. Значит, ты меня понял: удивляйся молча и улыбайся, как вежливый японец, несмотря ни на что. Я бы мог приехать сюда и один, но хочу, чтоб Аксаков твою физиономию запомнил. Авось когда-нибудь и для него, но главным образом для тебя, это пригодится.

Через железную калитку вошли во двор, в глубине которого застыл особнячок из красного кирпича. И возле калитки, и у подъезда стояли амбалы при галстуках. Вежливо спросили, куда Шиманов держит путь, по сотовым телефонам пошептались с кем-то и лишь после этого пропустили на третий этаж.

Кабинет Аксакова ничем особо не отличался от тех, к каким Макаров привык за долгие годы службы. Сейф, кожаное кресло за массивным, вызывающим невольное уважение столом, ряд стульев вдоль стены, только вместо трафаретного портрета вождя висела в богатой рамке фотография незнакомого мужчины. Такие фотографии надо бы делать меньших размеров и хранить в семейных альбомах: невыразительные глаза, тяжелая квадратная челюсть и прекрасно гармонирующие с ней полные губы и маленький прямой нос.

Хозяин кабинета выглядел иначе. Он был примерно одних лет с Макаровым, может, чуть моложе. По осанке в нем безошибочно угадывался военный.

Шиманов по-свойски подошел к нему, протянул руку:

— Привет, господин Игорь.

— Привет, товарищ Анатолий.

— Знакомься: это тот самый Макаров, о котором мы с тобой говорили по телефону.

Шиманов конспективно изложил суть дела, причем все фамилии называл правильно, хоть услышал их из уст Олега только сегодня и один раз. Макаров, как и договаривались, сидел молча,пил кофе, посматривая на хозяина кожаного кресла, пока тот напрямую не обратился к нему:

— Что на визитке у Пилявина было написано?

— Что он является заместителем генерального директора ТОО "Тракс". Да она у меня, кстати, с собой.

Игорь покрутил в пальцах красивую картонку:

— Я могу ее забрать?

— Да Бога ради.

— А его телефон вы запомнили или переписали в свой блокнот?

— Переписал.

— Ну и славненько. Тогда начнем разговаривать. Вас интересует мой комментарий ко всему, или достаточно только обещания, что я приложу усилия для того, чтоб ваша любимая женщина и

ребенок были вне опасности? Кстати, такое обещание, говорю с вами, Олег Иванович, вполне откровенно, не есть гарантия. Допускаю, что Пилявин и Володарский уже выехали из Москвы под Калугу...

— Не Володарский — Крашенинников, — поправил Макаров.

Шиманов на это легонько пнул его ногой и показал кулак, а хозяин кабинета продолжил, словно и не услышал поправки:

— Если Пилявин и Володарский выехали, то вмешивается в дело фактор времени: мы можем просто не успеть их остановить... Ладно, попытаемся предпринять все возможное.

— Там, у Котенковых, сейчас мой товарищ, Женя Зырянов, — сказал Макаров. — Он спецназовец, постоит и за себя, и за них, но не хотелось бы крайних, так сказать, мер.

— Возраст, приметы?

— Молодой, двадцати пяти еще нет. Кисть правой руки в плену чеченском потерял.

— Учтем. И попробуем помочь. Теперь, если нет ко мне вопросов...

— Ты же комментарий обещал, Игорь, — сказал Шиманов.

— А комментировать тут, собственно, и нечего. Машину у вашего Базарова троюбка изъяла по накатанной уже и отработанной другими схеме. Что на хороший кулак нарвались — накладка, с кем не бывает, можно хотя бы понять. А дальше — полный непрофессионализм. Назначать встречу если не у своего дома, то рядом с машиной, которая уже засвечена, — или глупость несусветная, или Крашенинников тут действительно ни при чем. Заложника держат в доме родственника. Оставляют свои координаты... От Пилявина, признаться, этого не ожидал. Он, как мне казалось, не такой дурак, чтоб совершать явную уголовщину и оставлять следы... Ну и много еще проколов, перечислять все не хочется.

— Да уж не дурак Эдик, если работает замом генерального, — сказал Шиманов.

— "Тракс", думаю, — фикция, на бумаге ведь все нарисовать можно. А Пилявин любил порисоваться. Я знал его, он мне даже нравился. Потом под откос пошел... И говорите, уже родителей убитых бойцов шантажировать начал? Если так, то что ж, ответит за это.

— А Крашенинников? — спросил Макаров. — И я не понял, кто такой Володарский?

Олег поймал на себе осуждающий взгляд Шиманова, вспомнил, что тот просил не задавать никаких вопросов, и легонько пожал плечами: извини, мол, не вытерпел.

Недовольно поморщился и Игорь:

— Давайте все-таки я буду вопросы задавать. Кроме сказанного, что вы еще можете добавить о хозяине "Москвича"? Он физически хорошо раз-

вит? Оружие у него какое-нибудь, в том числе и холдное, видели? Он правша, левша?

Вопросы эти показались Макарову дурацкими, не имеющими никакого отношения к делу, но свое мнение он теперь держал при себе. Олег понял, что перед ним сидит профессионал высокой пробы, аналитик, и стал говорить обо всем, что знал. Оружия у Павла не видел. Знаком с ним поверхностно, знает лишь, что ложку тот держит в правой руке. Силен или нет? Черт его знает, но после отсидки в подвале еле на ногах стоял, это факт.

— Скажите, а мог бы он убить кого-нибудь? Ну, скажем, Крашенинникова? Не высказывал, кстати, таких мыслей? Повод ведь есть: отомстить за отобранную машину, за подвал...

Макаров просто обалдел от такого вопроса:

— Это вы к чему? Убить... — Он вспомнил слова Павла о мести, но тут же решил, что озвучивать их сейчас ни к чему. — С Крашенинникова хватит, думаю, и того, что он ночью в лесу подрожал да поплутал.

Игорь поднялся:

— Ладно, я вас понял, постараюсь помочь. Не хотите на пару минут пройти в наш холл? Там есть на что посмотреть. Это дальше по коридору и направо. Впрочем, Наташа вас проводит. А я должен переговорить с вашим другом.

Красавица Наташа непонятно каким образом получила распоряжение и уже ждала Макарова у двери.

В холле всю стену занимал морской аквариум с гротами, диковинными водорослями, в которых змееподобное, похожее на мурену страшилище выслеживало свою добычу — разноцветных, порхающих, словно бабочки, рыбешек.

Макаров даже не заметил, как ушла Наташа. От аквариума его оторвал тихий окающий голос:

— Наше окно в природу всех очаровывает. Я сюда по нескольку раз на дню захожу. Прекрасно, не правда ли?

Обладатель волжского говорка смахивал на одногодка Олега, правда, был пониже и потолще, с бесцветными глазами на блеклом лице. Такие лица сплошь и рядом у тех, кто не вылезает из кабинетов.

— Вы пришли сюда с товарищем... Я с ним

встречался, а фамилию вот запомнил. Он у Аксакова сейчас сидит...

Человек вопрос не задал, но смотрел на Макарова, явно ожидая ответа. Олегу это не понравилось.

— Она что, тварь эта, тем и живет, что рыбешек хватает?

Невзрачные губы расплылись в улыбке:

— Хорошо от темы уходите. Шиманов ваш, впрочем, такой же. Чекист, ничего не скажешь... — И тут голос его полностью преобразился, потерял мягкость. — Поможем вашему горю, чем сможем. Я сам людей подберу на выезд, Олег Иванович. Рад был с вами познакомиться.

Он резко повернулся и вышел из холла.

Почти тотчас появился Шиманов:

— Ну что, поехали? Или еще поглядим, как эта морская бандитка, блин, обывателей пожирает?

— Я насмотрелся, — отозвался Макаров. — А кто это со мной сейчас разговаривал? Ты с ним в коридоре должен был встретиться.

— Федор Сергеевич Борщов. Он здесь вроде как начштаба. Правда, Игорь его недолюбливает. Суется куда не следует.

— Начштаба до всего должно быть дело.

— В этой конторе — не так. И потом, ты невнимательно меня слушал: он не начальник штаба, а "вроде как" — это разные вещи.

Вышли на улицу.

— Олег, ну какого черта ты с вопросами полез? Я же просил...

— Мне показалось, что он просто фамилию спутал, Крашенинникова назвал Володарским.

ТАЙНА "БЕЛОГО СТРЕЛКА"

Шиманов хмыкнул:

— Жди, он спутает! В органах служил, перспективы были обалденные. Плюнул на все, сказал, что с детства испытывал тягу к предпринимательству, мечтал стать свободным художником... И ушел вот сюда, в частную охранную структуру и одновременно коммерческое предприятие. На жизнь не жалуется, хлеб с маслом жует... Впрочем, масло его мало интересует. Он спец до мозга костей, кайф от работы получает. Таких ныне редко встретишь.

— Это точно, — согласился Олег.

— Вот только с помощниками Игорю не везет. Он меня что задержал-то? Предлагал должность.

— А ты?

— А что я? Сказал, если выгонят со службы, то согласен с его секретаршей физподготовкой заниматься. Шучу, конечно. Но люди ему действительно нужны проверенные. А то видишь, попадают всякие там Пилявины, Володарские... Этих-то он выгнал недавно: на двух господ работать попробовали, продавать экономическую информацию. Вернее, бабки делал Володарский, а Пилявин знал и молчал. Покрывал своего дружка.

Макаров остановился, пораженный услышанным. — Толя, я не понял...

— А чего понимать? Игорь — один из первых помощников темной лошадки по имени Бронислав Евгеньевич Наставший. Ты видел фотографию в кабинете? Это он и есть, собственной персоной. Тоже когда-то погоны носил. До осени девяносто третьего.

— Но Пилявин же числится на службе у какого-то Бена. А тот, я слышал, чуть ли не главный мафиози столицы.

Шиманов заулыбался:

— Так мы о Бене и говорим. Раньше, когда Бронислав Евгеньевич первые свои палатки открывал, на него мелочевка уголовная наезжать пробовала. Теперь в его дела шушера не суется. У него почти вся охрана из профессионалов. И войсковики там, и армейцы, и эфэсбэшники. При торговывает, готовит охранные кадры коллегам по бизнесу... Так что ныне Бен фигура большого масштаба. По начальным буквам его только за глаза называют, а так — по имени-отчеству и действительно с уважением.

13.

Человек под Зыряновым слабо трепыхнулся и затих. "Это мы проходили, — отметил Женька. — Усыпить бдительность думаешь, чтоб потом извернуться? Ну попробуй, попробуй". Правда, его сразу же удивило то, с какой легкостью соперник позволил завалить себя, какими слабыми оказались его руки, и сейчас, идя на болевой прием, Зырянов все же сделал поблажку: рванул за локоть не так сильно, как надо было.

— Сейчас мы встаем и шагаем к твоей машине, — сказал Женька. — Прошу без фокусов. Предупредительный выстрел делать не буду, завалю сразу.

Человек поднялся. По его испуганному лицу Женька понял, что этот тип на фокусы долго еще будет не способен.

Подошли к "Таврии", уселись в тесный салон. Старенькие, обтертые чехлы на сиденьях, переднее стекло в паутине трещин. И еще: на машине не московский номер. В деревенском доме Пилявин машину не держал, и почти невозможно предположить, что на такой рухляди ездил по столице заместитель генерального директора какой-то там фирмы. Да и сам он одет хоть аккуратно, но без лоска. Трудно представить его при бабочке. Но схожесть с фотографией, той, которая на визитке, все же есть. Или кажется?

— Пилявин?

— Как?

Ну вот, он даже не понял, о чем его спрашивают. Ошибочка вышла. Курьез. А может быть, и нет, если предположить, что этого типа подослала выманить Лесю или Олежку из дома. В таком случае Пилявин должен быть где-то поблизости.

— Я говорю, чего под чужими окнами торчишь?

— Я... Я не торчал, я хотел нормально войти и постучаться в окно. Мне надо было поговорить с Лесей Павловной.

— О чем?

— А почему я должен перед вами...

— Должен! — Зырянов схватил его за отворот пальто и сильно тряхнул. — Тебя кто сюда послал и что пообещал за это?

— Да не трогайте вы меня! — Человек по-бабьи неуклюже попытался освободиться от железной хватки бывшего спецназовца, но не добился своего и тут же затих. Попросил теперь уже жалобно: — Не трогайте. Вы, я так понимаю, родственник Леси Павловны, я видел, как вы их сегодня у детского сада встречали, а я там преподаю музыку. И... И вот.

Женька отпустил музыканта, наконец-то расслабился и откинулся на спинку сиденья. Вот оно что, личная жизнь! Леся столько лет одна в деревне, с мальчишкой на руках. Не могла она предугадать, что Макаров узнает о рождении сына, найдет ее, захочет быть рядом. Не могла! Не в монастырь же записываться молодой женщине.

Это можно понять. Олегу Ивановичу он ничего не скажет, пусть они сами как-нибудь разберутся с этим. Дело Женьки — уберечь сейчас Лесю с Олежкой от беды, вот и все.

— Вы давно с ней встречаетесь?

— В каком смысле?

— В прямом.

— Как это?... Вы что?! Я полгода назад только пе-

реехал в эти края, жил в Тамбове, там жену похоронил, а тут у меня мама живет...

— Тихо! — на полуслове оборвал его Женька. — Тихо!

Зеркало заднего вида вспыхнуло желтоватым светом. По дороге беззвучно шла машина. Увидеть едущую через деревню иномарку ныне не диво, но Зырянов все же подобрался, не отрывая настороженного взгляда от зеркала, еще раз повторил:

— Тихо! Молчи, что бы ни происходило.

Серебристый "форд" медленно проехал мимо них, потом сбросил скорость и остановился. В его салоне, Женька это увидел отчетливо, сидели двое. Тот, который за рулем, так и остался в салоне, второй вышел, не спеша направился в их сторону.

Номер "форда" был московским.

Ловить удары в тесной "Таврии" не хотелось. Зырянов открыл дверцу, словно бы нехотя ступил на снег.

Незнакомец остановился метрах в двух от Женьки. Правильная дистанция, чтоб вести серьезный разговор. Правая рука в кармане. Китайский ТТ, изъятый у Крашенинникова, у Зырянова лежит так, что в любую секунду можно выхватить, но это — лишь в крайнем случае.

Подошедший на Пилявина не похож, ему лет срок, он невысок. Жаль, отсюда не разглядеть того, кто остался за рулем.

— Послушайте, где здесь дом Котенковых?

Ну вот, похож, не похож — это уже не имеет значения. Хорошо хоть то, что немного пришлось повозиться с музыкантом — мышцы разогрелись.

— А зачем вам Котенковы?

Вообще-то они действуют не совсем правильно: какого черта остался в "форде" второй? Надо подходить вдвоем, брат в клещи...

Взгляд незнакомца чуть задержался на правом рукаве куртки. Смотри, смотри, подумал Женька, вряд ли тебе от этого будет намного легче. Ты ведь не знаешь, что я левша.

— Вы Евгений Зырянов?

Так, хорошо, что за спиной машина, можно к ней прислониться, чтоб не упасть от неожиданности.

Мужчина вынул руку из кармана. Пачка "Явы". Протянул ее Женьке:

— Угощайтесь.

Тот сделал шаг навстречу, все еще готовый к падению, взял сигарету.

— Вам поклон от Олега Ивановича Макарова.

Женька чуть кивнул.

— Мы не нашли пока Пилявина. — Мужчина щелкнул зажигалкой, поднес огонь к лицу Женьки, потом закурил сам. — Но не думаем, что теперь он сюда сунется. Во всяком случае, мы постарались сделать так, чтобы он понял это.

— А если не поймет? — Женька жадно глотнул дым и только теперь чуть расслабился.

Мужчина холодно улыбнулся:

— Будем растолковывать. Мы со своей стороны, вы — со своей.

"Форд" бесшумно и очень ловко ухитрился развернуться на узкой дороге, мужчина подмигнул Женьке, сунул ему в руку пачку сигарет, сел на заднее сиденье, и через минуту серебристая машина исчезла, будто ее и не было.

Музыкант, мышкой затаившийся в салоне во время Женькиного разговора с незнакомцем, теперь приоткрыл дверцу, поинтересовался:

— Чего они хотели?

— Хотели угостить меня сигаретой. Из Москвы для этого приехали.

Хозяин "Таврии" помолчал, понял, что Женька не намерен с ним разговаривать, и задал последний вопрос:

— Ну а что же мне делать?

— Учить детей музыке.

14.

Утро Макаров начал так, как и положено пенсионеру — с чтения свежих газет. Газеты были разного политического толка и отдавали сплетнями коммунальной кухни. Олег уже было отбросил в сторону очередную, однако в последний момент глаза поймали вроде бы знакомую фамилию.

"Недалеко от платформы метро "Текстильщики" ранним утром был обнаружен труп представителя, так сказать, малого бизнеса Крашенинникова Владимира Георгиевича. На теле — множество ножевых ранений, само орудие убийства, кинжал кустарной работы, был по рукоятку вогнан в грудь.

Оперативникам еще предстоит определить имя убийцы, но уже сейчас известно, что накануне В. Крашенинникова видели в компании со своим другом и компаньоном, неким Э.П. (фамилия пока не называется в интересах следствия). Жена погибшего показала, что видела из окна квартиры, как к мужу ее, возвратившемуся с работы и загонявшему машину в гараж, подошел Э.П., они о чем-то поговорили минут пять, потом сели в "Москвич" и уехали. Больше в живых мужа она не видела.

Э.П., по свидетельству знакомых последнего, принадлежал и кинжал.

Не удивительно, что Э.П. не появляется сейчас ни дома, ни на работе — скорее всего, он ударился в бега после содеянного. Но удивительно другое: на одежде погибшего сохранились хвойные иглы, на лице — царапины, будто он продирался сквозь заросли сухих кустарников. В этом же районе города лесопосадок, как известно, нет. И если с известной долей уверенности можно назвать имя убийцы, то мотивы преступления остаются пока загадкой. Действительно, зачем везти жертву в лес за многие километры, потом возвращаться в город и уже здесь сводить счеты? Ответ

ты на эти вопросы, похоже, даст в скором времени тот, кого усиленно ищет сейчас милиция".

Макаров раза три кряду перечитал записку. Труп Крашенинникова обнаружен вчера утром, и вчера же, в обед, шеф частной охранной структуры расспрашивал Олега о том, способен ли Павел Базаров убить человека. Сейчас Макарова удивляло не то, что Игорь был в курсе: видно, с милицией у него прочные рабочие связи, и поскольку Эдуард Пилявин — человек его конторы, то и интерес к убийству очевиден. Удивляло другое. Расспросы о Павле. Профессионал от нечего делать такие бы вопросы не задавал.

Значит, Аксаков не верит в то, что Крашенинникова убил Пилявин. Почему? Ведь есть же во всем этом логика: рыжий, убежав от них в лес, подождал, пока Олег и Зырянов уедут, добрался до электрички, вернулся в Москву, сразу же решил встретиться с Пилявиным, чтоб рассказать ему о происшедшем, тот психанул, схватился за нож... Кстати, если судить по номеру телефона, Пилявин живет как раз в районе Текстильщиков...

Что-то все же не укладывалось в эту схему, и опять навалившаяся головная боль не дала толком сообразить — что. Олег проглотил сразу две таблетки, прилег, на короткое время провалился в сон, а проснулся от телефонного звонка. На проворе был Шиманов:

— Приезжай...

Встретились они точно в назначенное время. Не спеша потопали по пустынному тротуарчику. Мел снег, сухой, колючий, несмотря на полдень, крепчал мороз, обещая к вечеру превратить пока еще слякотную дорогу в каток.

— Не знаю, Олег, читал ли ты сегодня газеты...

— Читал, читал. Половину там, правда, журналисты наврали. Крашенинников отъезжал от дома не с Пилявиным.

Шиманов хмыкнул:

— Мы о разных публикациях говорим. Эту, твою, я, кстати, тоже видел. Но больше меня другая заинтересовала. Чеченцы признаются, что оружие в основном у наших же командиров покупали. Даже цены называют.

— Были такие гады, — сказал Макаров. — У меня тоже один негодяй контрактник припрятал автомат и три рожка....

— Да ты о чем?! У чеченцев сейчас тяжелая техника есть, какой в самой России раз, два и обчелся. Нового оружия столько, что каждому желающему ствол дать можно, и патронов больше, чем семечек. А ты — о контрактнике.

— Есть мерзавцы и покрупней в чинах.

Шиманов остановился, перешел на шепот:

— Я сел на хвост им, Олежка! У меня, блин, несколько ребят там навсегда остались, и я за них... Если что, думаю, ты мне поможешь, так?

— Можешь не сомневаться.

— Да я и не сомневаюсь. Сомневался бы — к Игорю не водил.

— А Игорь тут при чем?

— Закрываем, закрываем тему. Расскажи лучше, что там, по-твоему, журналисты наврали.

— Да вот жена Крашенинникова якобы заявила, что видела в окно, как вечером ее муж отъезжал от дома с Пилявиным. Но он отъезжал с нами!

— Это может быть и не вранье: в сумерках не разобрала, а поскольку Пилявин тоже, как и ты, мужик нехилый, приняла тебя за него.

— Нет, — не согласился Макаров. — Во-первых, я не один был, а с Зыряновым, во-вторых, окна их квартиры не во двор, где гараж стоит, а на улице выходят. Не могла она при всем своем желании нас увидеть. И еще. Я же записку писал, чтоб она вызвала мужа. Почему об этой записке ни слова?

— Ну, не всю же информацию выбалтывать можно. К тому же Тихонина... — Шиманов вынул из пачки сигарету, начал разминать ее, но не рассчитал сил, и она расползлась, табак высыпался на ладонь. — Вот черт! Психовать уже начинаю... Тебя заложили, Олег. Наши заложили, и, представь, не кому-нибудь, а мне.

— В связи с чем? — удивился Макаров.

— Ты тут бурную деятельность развел, пока я в Чечне Грозный, блин, сдавал. Ты звонил общим знакомым, выяснял, кто есть Крашенинников, его супруга, Анастасия Тихонина. А когда я вернулся и тоже этой мадамой заинтересовался, тут мне о тебе и шепнули.

— А зачем тебе-то Тихонина понадобилась?

— По тому самому делу о поставках оружия на Кавказ. Отец ее... Впрочем, мы же эту тему закрыли. Вправо сворачивай. Вот мой подъезд.

(Продолжение следует).

МИХАИЛ БОРИСОВ

Герой Советского Союза полковник в отставке Михаил Федорович Борисов – давний и преданный друг нашего журнала. Да оно и понятно: не одно послевоенное десятилетие связано со службой во внутренних войсках, работой в журнале “На боевом посту”.

Сегодня мы знакомим вас с новыми стихами М.Ф.Борисова – члена Союза писателей России, автора двух десятков поэтических книг.

Серьезное к серьезному не льнет,
Серьезное к смешному тяготеет.
Страшной всего своя же слепота,
Она меня наказывает строго.
Мудрил, мудрил,
А цель, глядишь, не та,
Не та в итоге пройдена дорога.
Надеждам, что уплыли, нет числа,
И ты, отставший, целыми часами
То шлюпку ищешь,
То – кусок весла,
То маешься, застыв под небесами.
Берет нас наше время в оборот,
Покорное единственной идее –
Серьезное к серьезному не льнет,
Оно к смешному чаще тяготеет.

* * *

Отгудела электричка
На подъеме на крутом.
Свищет птичка-невеличка
За сиреневым кустом.
Не страшны углы глухие
В редколесье и стерне,
Если приступ ностальгии
Помогает видеть мне.
Я не пасынок Алтая,
Поседевший, словно лунь, –
Тянет Обь, река степная,
Тянут Бия и Катунь.
Дорога и в самом деле
Притягательна их течь...
А давно ли тут хотели
От меня ее отречь?
А давно ли тут ломали
Нашу общую судьбу,
Как церквушку на увале,
Как по селам городьбу?
Вот и хмурю круто брови,
Вороша всю эту гнусь.
И хотя на честном слове,
Но держусь.

* * *

Заглох веселый зов трубы
В разгуле лет лихих.
Гнедые встали на дыбы,
И бег привычный стих.
Лютует люд моей страны,
Грешит и так, и сяк...
Но нас, что юности верны,
Не купишь за пятак.
Чту всех,
С кем был в одном строю,
Но больше тех из них,
Кто ставил Родину свою
Превыше благ земных.

ДЫМИТ ПОЛЕВАЯ ДОРОГА...

* * *

Шумит в Трепов-парке сирень:
Быть миру!
Быть миру!
Быть миру!..
Нас строят опять по ранжиру,
И нам улыбается день.
Впервые за несколько лет
По-доброму выглядит небо...
А мне бы,
А мне бы,
А мне бы
Найти свой затерянный след.
С тех пор пролетели года,
А я все отбоя не знаю.
Шагаю,
Шагаю,
Шагаю
Туда, где вскипает беда.
Как будто на старой волне
Дымит полевая дорога.
Тревога!
Тревога!
Тревога! –
Все так же грохочет во мне.

ПОЛОСА ЖИЗНИ

В мой тихий край придя издалека,
Тревожные предутренние зори
Тайком,
Молчком,
Как времени река,

Поспешно уплывают в сине море.
Опять прошу раздаться оком,
Опять к нему взываю о подмоге,
Молю его
Сдать время в поднаем,
Вернуть меня на старые дороги.
То прошлое – начало всех начал,
И от него добрей душа и чутче.
Ко мне приходит Пушкин по ночам,
Заглядывают Лермонтов и Тютчев.
Часами мы о жизни говорим,
О той, теперь немислимо далекой,
Где зрел Олег,
Где возводился Рим,
И о другой, что проросла осокой.
За каждый день я славлю небеса
И под закат,
И на восходе солнца...
А жизнь подчас была как полоса,
Что штурмовою в армии зовется.

* * *

Такие наступили времена,
Когда дрожишь за каждую минуту,
Хотя осознаешь, что и она
Не разрядит нахлынувшую смуту.
Текуче время,
Вроде как вода,
И в нем, родимом, так или иначе
Мне суждено барахтаться всегда,
Украдкою захлебываясь в плаче.
Намечу круг обыденных забот,
И станет сразу тошно от затеи –

МЫ В СЕРДЦЕ ГОРЕЧИ НЕ КОПИМ...

ЕВГЕНИЙ ЕРХОВ

О Евгении Ивановиче ЕРХОВЕ собратья по перу отзываются как о поэте самобытном, со своим цепким взглядом, с собственной интонацией. Судя по отзывам читателей, им запомнились его книги — "Родник тревоги", "Красная колыбель", "Поезд в детство", "Холодное время", "Глубина боли", "На расстоянии крика" и другие, вышедшие в разное время в московских издательствах. И тем отрадней нам сегодня отмечать, что многие его стихи были впервые опубликованы в нашем журнале, где и сам полковник Ерхов проработал без малого десятилетие.

* * *

Боюсь, я могу не успеть —
опять переносится вылет, —
совсем обмелеет Исеть,
и лес по окраинам вымрет.
Затопчут его этажи,
и выцедят реку заводы,
и спросит кукушка в тиши,
рыдая: "А помнишь его ты?"
"Я помню, я помню!" —
в ответ
одна отзовется пичуга,
а ей лягушачий октет
поддакнет,
а с ним — и округа.
Ах, птаха-гуляха! Люба
была ты. Того же замеса!
Казалось мне, это Судьба
порхает меж нами вдоль леса.
С ладони моей коноплю
клевала она, доверяясь,
и мы не стеснялись:
— Люблю! —
в два голоса ей открывались...
Похоже, столетье прошло,
а может, и два промелькнуло,
но — так же дышать тяжело,
опять возле сердца кольнуло.

ПАМЯТИ ПОЭТА

Кто теперь помнит Агеева Колю,
что он писал, пусть не кровью,
но болью,
тою, которой отягощены
все мы, радетели отчей страны.
Только она в нем занозой сидела,
в душу впивалась и жалила тело,
ночью будила, мешая забыть,
что невозможно с утра не запить...
— Коля, — вздыхаю, горяю, —
Колюха,
скольким сердца облегчила сивуха,

но не прибавила духа перу,
красным словцом одаря на пиру.
Он веселел и печалился вместе,
будто сходились несхожие вести,
были глаза не настолько сухи,
чтоб не понять: вызревали стихи
в нем — не в блокнотике,
не на бумаге,
трудно, пока не сходились с ним
в шаге.

Не скакуны — сам, как тяжеловоз,
он припрягал их
в житейский свой воз.

Дом его сгублен, и спилены вязы,
пристани нет у коней — коновязи.
Не из-под их ли копыт эта пыль?..
Крест на могиле. И — даль.
И ковыль.

НА КРАЮ

Да что же такое творится
с несчастной Россией мой! —
бесстыже в белье ее рыться
себе позволяет злодей.
Отвергнуты гневом Господним,
ее сыновья и мужья,
стоим покоренно в исподнем,
и пятки щечочет душа.
Что камушек в ряску:
— Воспрянем!
Но плеск, не родивший волны,
уже называют восстаньем
картавые враны страны.
Крикливые водят базары.
Под грай этот, чисто шиши,
всех пришлых несчастий хазары
обшаривают рубежи.
Опять наступили на грабли
и в руки отдались судьбе...
А все напрягались,
по капле
рабов избывая в себе!

* * *

Тихие, печальные,
венчальные деньки.
Песни величальные
сладостно горьки.

Встреча — расставание,
а на их меже
жизнь — как расстояние
от души к душе.

СТРОФЫ

Мы в сердце горечи не копим,
и все же в нем от встреч с бедой
остались раны, как окопы,
заглушенные лебедой...

* * *

Миллионы трудных лет земных
счастлив мир удачею одних
и несчастлив горечью утех
тех, кто проворонил свой успех.

* * *

Не все равно, о чем писать,
не все равно, кто прочитает:
душа диктует — ей лишь знать! —
и к родственной душе взывает.

* * *

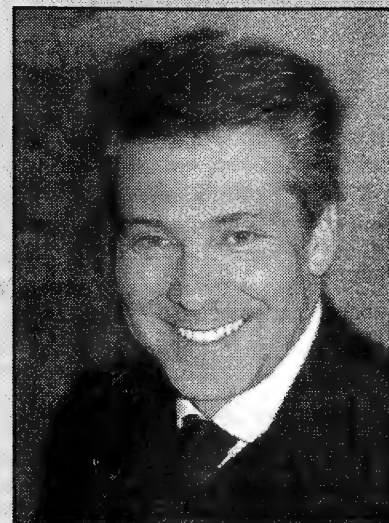
В лесу умолкла птица вещая,
и в вышине родился крик:
должно быть, только что умершая
душа рванулась из вериг...

* * *

И эта истина сгодится,
чтоб жить, не отравляя быт:
не каждый Моцартом родится,
но в каждом —
дай слезе пролиться! —
Сальери может быть убит.

Встреча для вас

Владимир БЕРЕЗИН: “МЫ С ЖУРНАЛОМ— РОВЕСНИКИ”

— Владимир Александрович, расскажите, что вас привело на телевидение.

— Наверное, судьба. Вначале осознаешь, что все складывается в какую-то цепь случайностей. И лишь потом убеждаешься, что на самом деле — это система закономерностей.

Все произошло неожиданно. Глубокой зимней ночью 1975 года я услышал о наборе ведущих на радио. Это было в славном городе Орле. Когда я сходил на студию, меня записали в резерв радиоведущих. Так все и началось.

Поработал, наверное, месяца два и ушел служить в армию. Уволившись в запас, поступил в Орловский институт культуры. К тому времени я уже твердо решил: буду режиссером. Но в канун Нового года, как сейчас помню, случайно встретил свою коллегу Людмилу Михайловну Яковенко (дай ей Бог здоровья!), которая сказала, что они собираются проводить конкурс дикторов телевидения. “Приходи, — говорит, — попробуй себя”. Я ответил, что не

люблю телевидение, что мне нравится только радио: там тишина, покой, особенный запах в студии и т.д. А она твердит свое: “Нет, ты все-таки приходи. Мало ли... Мы тебя и на радио попробуем”.

Через некоторое время встретились с ней, поехали на студию.

Меня записали. Прошло около месяца, я уже забыл об этом, вдруг раздается телефонный звонок. Мне сообщают, что на вакантное место взяли... девушку. У нее, оказывается, к тому времени было законченное высшее образование. “Ну и ладно”, — думаю. А через неделю снова звонит Людмила Михайловна и говорит: “Приезжай к нам и оформляйся. Мы решили тебя взять. Нам нужен мужской голос. Будем платить тебе 35 рублей — полставки ассистента режиссера по совместительству”.

Я ответил тогда, что готов работать бесплатно, потому как получал стипендию 40 рублей. На следующий день она мне снова звонит: “О нашей с тобой беседе рассказала председателю телера-

Заслуженного деятеля искусств России главного диктора РТР Владимира Березина хорошо знают читатели нашего журнала. Он лауреат премии МВД Российской Федерации, ведущий известных телепередач “Личное дело”, “Шарман-шоу”, ежегодного телевизионного фестиваля в Витебске “Славянский базар”, церемоний вручения национальной музыкальной премии “Овация”, телевизионного цикла “Площадь звезд”, церемоний государственных приемов, а также праздничных концертов, посвященных Дню милиции и Дню внутренних войск.

В канун 40-летия журнала “На боевом посту” с известным артистом и журналистом встретился наш корреспондент.

диостудии. Он удивился, что ты денег не просишь, и пообещал заплатить тебе 70 рублей".

Так я начал работать.

— А когда вы в первый раз появились на голубом экране?

— Впервые я вышел в эфир в феврале 1978 года. Почти двадцать лет назад. Это был в прямом смысле слова потрясающий для меня день: я трясся как осиновый лист. Помню, читал прогноз погоды. У меня до сих пор где-то в архиве остался тот листок бумаги.

— И сколько вы проработали в Орле?

— Три года. И все это время хотел поехать в Москву для повышения своей квалификации. Но мне говорили: тебе еще нечего повышать, ты еще ничего не умеешь. Я злился и думал о том, что в Москве могу многому научиться.

— Значит, режиссером вы стали тоже в Орле. А как вы оказались в этом городе?

— В 1981 году меня наконец-то отпустили на учебу в Москву. Именно в столице (опять случайность) встретился со своей коллегой из Свердловска Ниной Павловной Дербеновой. Она в то время приехала с заданием от тогдашнего первого секретаря обкома партии Бориса Николаевича Ельцина: найти для Свердловской студии телевидения молодого диктора. Пригласила меня поучаствовать в конкурсе. Это тогда казалось неосуществимой мечтой. Тем не менее я согласился и через неделю полетел на Урал.

После конкурса собирался вернуться обратно, но получил предложение от руководства обкома задержаться на недельку. Оказалось, что все ждали возвращения Бориса Николаевича из командировки. Ждал и я, одновременно работая там на студии. Приехал Ельцин, посмотрел на меня и... дал добро. Мне сразу пообещали квартиру, моей жене — работу, а дочке — место в яслях. Для человека, живущего в орловской коммуналке на одиннадцати квадратных метрах, с восьмью соседями, без горячей во-

ды и душа, это было манной небесной.

— Понравилось ли вам работать в Свердловске?

— Да, конечно. Там я трудился до 1990 года. В неделю вел три-четыре огромные передачи, читал новости, приглашался ведущим на pravidельственные концерты, которые тогда были в чести. И самое главное, у меня была своя любимая передача "Спокойной ночи, малыши!" Тогда из Москвы Свердловск ее не принимал. Именно эта передача подняла меня еще на одну ступень. В ней я раскрепостился, нашел себя.

— Теперь о том, как вы оказались в Москве.

— В 1990 году я приехал стажироваться в столицу. И здесь меня пригласили работать комментатором в информационную программу "Время". Я согласился и переехал из Свердловска в Москву.

Два года трудился в программе "Время". А когда было образовано телевидение России, меня пригласили туда главным диктором.

— Владимир Александрович, на протяжении последних лет вы постоянный ведущий праздничных концертов, посвященных Дню милиции и Дню внутренних войск. Скажите, а после того, как уходите со сцены концертного зала "Россия", продолжаете ли вы общаться с представителями органов внутренних дел, с военнослужащими?

— Я могу показаться старомодным, хотя этого не боюсь. Поверьте: концерты — это как бы завершающий этап работы и общения с людьми. А начало — это взаимоотношения, складывающиеся между ними.

— Простите, но отношения между людьми сегодня зачастую складываются по-разному.

— Да, согласен. Либо люди друг другу очень полезны, и потому они общаются. Либо им просто приятно общаться между собой. К счастью, мне никогда не приходилось пользоваться первой формулой отношений. Скажу прямо: меня с МВД связыва-

ют нормальные дружеские отношения.

— Это, на мой взгляд, самое главное в нашей суматошной жизни... А с кем конкретно из МВД вы поддерживаете дружеские связи?

— Я горжусь дружбой с замечательным человеком — заместителем министра внутренних дел генерал-полковником Валерием Ивановичем Федоровым. Это настоящий друг, который строит отношения с человеком, не оглядываясь на свои погоны. Это человек, к которому я всегда могу прийти и просто поговорить о жизни.

Чрезвычайно дорожу нашими отношениями с бывшим командующим внутренними войсками генерал-полковником Анатолием Афанасьевичем Шкирко. Он удивительно душевный человек. С ним я познакомился, когда впервые был концерт, посвященный Дню внутренних войск.

Ценю интеллигентность генерал-лейтенанта Станислава Федоровича Кавуна.

И, конечно же, не теряю связи с подполковником Валерием Новожиловым, который познакомил меня с этими замечательными людьми.

— Ваше мнение о зрителях в погонах.

— Что касается концертной аудитории, скажу откровенно: нет благодарнее и благороднее публики, чем та, которая находится в зале, представляя МВД, внутренние, пограничные войска, Российскую армию.

И еще. Пусть это прозвучит немного с пафосом, простите. Но я считаю, что за последние годы страшно несправедливо изменилось отношение государства и власти к вооруженным силам и правоохранительным органам. Нельзя так. Ведь когда надо будет звать на помощь, в первую очередь позовут непременно вас, военных людей. А потому необходимо оградить служивого человека от бед, которые следуют за сокращениями войск и прочими реформами.

— Спасибо за откровенность, Владимир Александрович. И коль

мы завели разговор на военную тему, расскажите нашим читателям поподробнее о вашей службе.

Если бы в свое время я теми или иными способами “закошил” от армии, то не смог бы сегодня на многие вещи смотреть так, как смотрю сейчас. И не смог бы серьезно относиться к таким понятиям, как Честь, Долг, Служба.

Скажу просто: в армии я стал настоящим мужчиной. По большому счету, понял, что такое трудности и как их надо преодолевать. Научился понимать, что такое ответственность и солдатская служба, окреп физически. А хорошее здоровье формирует духовную основу. Все это помогло определить свои взгляды на жизнь.

Именно в армии я начинал учиться тому, что делаю теперь на сцене. А служил я в Военно-Воздушных Силах в городе Улан-Баторе. И там опять же случай свел меня с замечательным человеком — Эльвирой Николаевной Кузьмичевой, женой командира нашей дивизии, которая руководила армейской художественной самодеятельностью.

— Сейчас вы известный диктор российского телевидения. По мнению женщин-телеведущих, Владимир Березин — “самый обаятельный и привлекательный” мужчина на РТР. А как вы сами относитесь к популярности?

— Спасибо нашим дамам за комплимент. Скажу, что популярности Бог мне дал в достаточной степени. Я страшно боюсь суперпопулярности. Никогда не завидовал тем, кого называют кумирами. Хотя они заслуживают того. К примеру, Леня Якубович, Валдис Пельш, Леня Яромольник и другие. Я с большим уважением отношусь к ним как к своим коллегам, людям, которые смогли завоевать такую колоссальную популярность. Но, честно говоря, я им немного сочувствую.

— Почему?

— Потому что чем больше у человека популярности, тем меньше он принадлежит себе.

Есть люди, которых хорошо знают,

но не любят. А есть те, которых знают и любят. Поймите, это разные вещи. Предпочитаю быть известным и любимым, нежели популярным, но не любимым.

Человеку публичной профессии — будь то актер или политик — популярность необходима. Если он убивается с утра до ночи, а его никто не знает и тем более никто не любит, значит, он делает что-то не то; цели, которую ставит перед собой, не достигает. Тогда уж лучше быть выдающимся в какой-то другой области, нежели сжигать себя желанием быть известным.

— Что ж, вывод напрашивается сам собой: “звездная” болезнь вам не страшна...

— Пожалуй, я один из немногих популярных телевизионных и эстрадных ведущих, кто не печется о том, чтобы взойти звездой на небе. У меня к теории “звездности” свое отношение. Звезда всегда холодна и недоступна на темном небе. Она видна лишь ночью. А вот солнечный зайчик виден всегда, днем он согревает людей и приносит им хорошее настроение.

— Значит, по-вашему, лучше быть маленьким солнечным зайчиком днем, чем далекой яркой звездой на ночном небосводе?

— Да, именно так. И если моя популярность и “звездность” будут расти и не угаснут, то я хотел бы стать не палящим знойным солнцем, а небольшим его лучиком в дымке. Не встречал людей, которым не нравилось бы нежное, ласковое солнышко. Ему все радуются. Потому что оно — жизнь.

— Ваша работа, Владимир Александрович, трудна и ответственна. Скажите, вы часто устаете от нее?

— Я исповедую такой принцип: в нашем деле лучше уставать от работы, нежели от ее ожидания. Тяжесть ожидания для людей искусства просто невыносима. И многие под этой тяжестью ломаются. Ломаются судьбы и характеры, люди сдаются, сходят с дистанции. А это уже беда.

Рыть траншеи — это одно. Но когда ты делаешь любимое дело, устаешь физически и получаешь от этого удовольствие, это совсем другое.

— И последнее: что бы диктор телевидения России пожелал нашему журналу в связи с 40-летним юбилеем?

Наша первая (надеюсь, не последняя) встреча с журналом происходит тогда, когда он отмечает 40-летие со дня выхода в свет первого номера. А ведь мне тоже 40 лет. Я ровесник вашего журнала. И как сверстник сверстнику могу сказать следующее: дай Бог, чтобы все, кто там работает, все, кто его читает и кто является его поклонником, правильно поняли, что такое сорокалетие. Как понял это я. Мне никогда не было так (тьфу-тьфу) легко. Я никогда не чувствовал себя так уверенно, так спокойно. 40 лет — это золотая середина жизненного пути, человеческого века. Это — верхушка жизни! Многие вещи понимаются и принимаются по-другому. Ко всему происходящему относишься философски.

Я хочу, чтобы журнал “На боевом посту” находился подольше на этой золотой вершине. Чтобы его 40-летие было началом движения по вертикали. Еще как журналист журналисту скажу: желаю вам побольше писать о том, что людей радует: об успехах, о свершениях. Чтобы, скрывая горечь и разочарование, поменьше приходилось писать о том, что так тревожит, так мешает, так обижает...

Искренне желаю, чтобы никто и никогда не позволил себе отмахнуться от того, на что журнал обращает внимание. Успехов вам в службе.

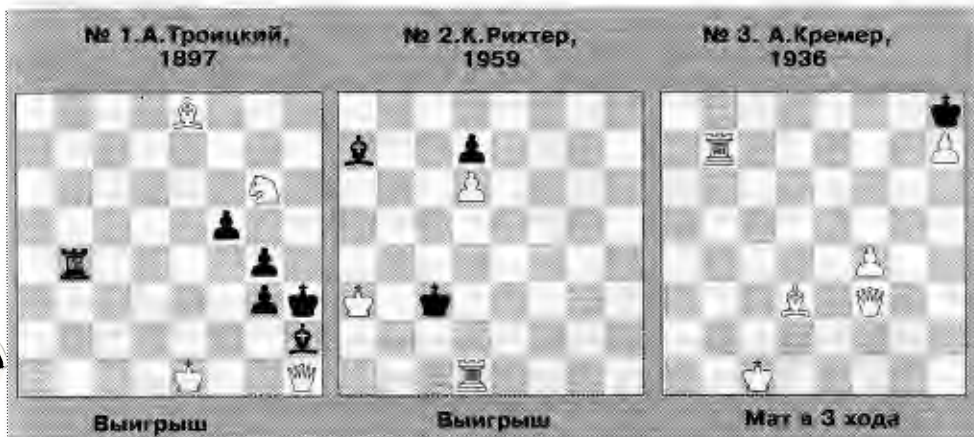
— Благодарю вас за интервью.

— Спасибо вам.

Беседу вел майор Геннадий ШАХОВ. Фото Владимира НИКОЛАЙЧУКА

Под редакцией
мастера спорта Александра КАЛИНИНА

Бриллианты композиции

В современном потоке задач и этюдов, публикуемых в шахматных изданиях, довольно редко встречаются подлинные произведения искусства. Беспристрастным судьей в искусстве является, как известно, время. Бесчувственному и бездарному оно готовит забвение, талантливому — бессмертие. К бессмертным, запоминающимся произведениям относятся публикуемые композиции. Посмотрите их решения.

№1. 1.Сс6 Лb1+ 2.Кре2 Л:h1 3.Сg2+!
Кр:g2 4.Кf4+ Кpg1 5.Кре1 g2 6.Ke2X!! Мат
одиноким конем! Будто добрый волшебник парализовал темные силы зла и возвысил силы добра.

**№2. 1.Кра4 Крс4 2.Кра5 Крс5 3.Кра6 Сб8
4.Лс1+ Крд5. Нельзя 4...Кр:d6? 5.Крb7!
5.Лс7!! — красиво, неожиданно! 5...Кр:d6
6.Лс8! Сс7 7.Крb5!!** Вот это финал!

В задаче № 3 восхищает неожиданный первый ход **1.Лb1!!**, цугцванг; **1...Кpg7 2.Фb7+ Крh8 3.Фb2X!**, — ...Крf6 3.Лb6X, 2...Кр — 3.h8ФX. Превосходная миниатюра.

В шахматной композиции, как искусстве, свои школы, свои стили и жанры. Школ в композиции две — художественная и конструктив-

ная, в них разные творческие побудители. В художественной творить побуждают чувства, они примат над всем остальным, в конструктивной — примат холодного рассудка.

Выдающимися художниками были А.Галицкий, А.Троицкий, Л.Куббель и другие. У конструктивистов другие имена. Так, в роли главного теоретика конструктивизма выступал Е.Умнов, а главным конструктором, создателем многофигурных механизмов — Л.Лошинский и его последователи. Прошли годы, творчество многих из них уже забыто.

Стилям и жанрам композиции будет уделено внимание в следующих номерах журнала.

Предлагаем решить следующие задачи неортодоксального жанра.

№4. Крf1,Лh1,Кс4 /3/ — Кре7,Ла4,- п.а7/3/, кооперативный мат в 3 хода, 2 решения. Если переставить белого короля на h3, то возникает новая задача с тем же заданием и с двумя решениями.

№5. Кре1,Фс2,Лd1,Лf8,Кс5,п.с3 /6/ — Крe3,Фа1,пп.а2,с4,е2/5/ обратный мат в 2 хода.

(На боевом посту, № 12, 1997)

**№ 51. Крс5,Лb6,Кd5,пп.f3,g4 /5/ — Кре5,Сa6/2/, мат в 3 хода. 1.Лh11
Сс2 2.Лh7 и 3.Ле7X.**

**№ 52. Крh8,Сa5,Сf7/3/ — Крb6,Кh5,пп.g5,h7/4/, мат в 4 хода. 1.Сс3!Кf6
2.Сb4 Кd7 3.Сd6! К- 4.Сf8X!, 3...g4 4.Сf4X!**

**№ 53. Кра2,Лс4,Кс6 /3/ — Кре8,Сg7,п.d2 /3/, ничья. 1.Ле4+Крd7
2.Ле3!! d1Ф 3.Лd3+! Ф:Л 4.Хе5+! Ссe5, мат.**

**№ 54. Крf6,Ла1,Сg7 /3/ — Крe3,пп.а2,с2,f7 /4/, кооперативный мат в 3
хода. 1.Крb2 Лb1+! 2.СbС! Ch8 3.Крa1 Ко:f7X!**

**№ 55. Кре2,Лс2,п.d6 /3/ — Кре5,пп.d2,e4/3/, кооперативный мат в 3 хо-
да. 1.d1Л! d7 2.Лd5 d8K! 3.Крд4 Кс5 X!**

Проверьте
свои
решения

ВСМЯТКУ

☺ Знакомя нового командующего со своим хозяйством, командир полка не без гордости вещал:
— Это вот — мои казармы... Это — мой штаб... Это мой автопарк... Это — мой свинарник...

— А воробьи тоже ваши? — не выдержал генерал.
— И воробьи мои... — по инерции ответил тот.

— То-то, гляжу, они такие жалкие, мокрые да скучные.

☺ Рассвирепевший начальник выговаривает подчиненному:

— Ты что, считаешь меня идиотом?!

— Я, разумеется, могу и ошибаться... — пожимая плечами, отвечает тот.

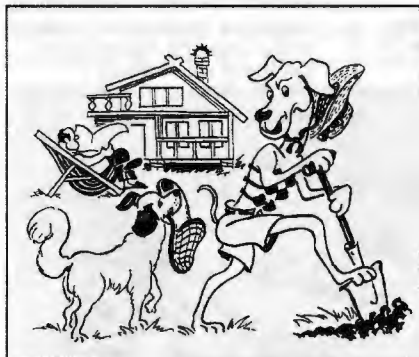
☺ Курсовой офицер представляется личному составу:

— Товарищи курсанты, я к вам переведен из войск. А в войсках, да будет вам известно, дураков не держат.

☺ Собака на генеральской даче копает землю лопатой.

— Вот это да! — удивленно смотрит на нее соседский барбос.

— Да чего там... Я ведь, как и ты, сперва научилась, дура, носить хозяйину шлепанцы, потом газеты...

☺ Идет опрос призывников:

— Профессия?

— Механик.

— Хорошо! Будешь механиком-водителем танка.

— А ты?

— Слесарь.

— В оружейники пойдешь.

— Ты?

— Студент.

— В ротные писаря.

— Ты?

— Та-та-та-та-та...

— В пулеметчики! — обрывает заикающегося парня военком.

ЭНТОЛОГИЯ РМЕЙСКОГО НЕКДОТА

☺ — Ну как, Иван, теперь-то тебя служба удовлетворяет?

— Теперь да.

— А как ты это ощущаешь?

— Утром в переполненном автобусе прижмут к девице — возбуждаюсь. Вечером в переполненном автобусе снова прижмут — и ничего не чувствую. Стало быть, служба полностью удовлетворила.

☺ Комбат и взводный играют в шахматы. Лейтенант раз за разом выигрывает. Наконец комбату это надоедает:

— Тактик из тебя, Петров, неплохой, а стратег — никудышный. Мог бы из стратегических соображений и продуть начальнику разок-другой...

☺ — Ваша любимая команда? — спрашивает корреспондент на стадионе у рассказывающих зрителей.

— "Динамо!" — бойко отвечает девушкашка.

— "Спартак!" — говорит пожилой мужчина.

— А ваша? — репортер подносит микрофон к статному полковнику.

— Смирно! — с достоинством отвечает тот.

☺ Молодой солдат чистит автомат и ворчит.

— Чем недоволен? — спрашивает его сержант.

— Да вот удивляюсь: Калашников такой умный мужик, а не мог придумать автомат для чистки автомата!

☺ Дежурный по части стоит на плацу, мимо него проходит солдат, лениво прикладывая руку к подбородку.

— Товарищ солдат, как вы честь отдаете?!

— Товарищ майор, по новому уставу так...

— Я и сам знаю, что так. Но надо резче, резче!

☺ Молодой солдат спрашивает командира отделения:

— А почему по команде "Шагом марш!" надо обязательно идти с левой?

— Потому что с двух ног сразу шагнуть никак нельзя, — объясняет сержант.

☺ — Водитель Пупков, вы признаете свою вину в том, что наехали бэтээром на "Запорожца", раздавили его и скрылись с места происшествия?

— Наехал случайно, а то, что не остановился, вина старшего машины. Я ему говорил: вроде легковушка, а он — ведро, ведро!

Петр ДМИТРИЕВ

ПО ПОВОДУ РЕКЛАМЫ

Вы так настойчиво упрямы,
Так беспардонны, господа.
От вашей въедливой рекламы
Не знаешь спрятаться куда.

Как будто все мы так богаты,
Что вечно пухнет голова:
Не прошвырнуться ль в Эмираты
Иль на Багамы-острова?

Какое там...
И сборы долги,
И утомителен круиз.
Гораздо ближе берег Волги,
Куда не требуется виз.

В расходах все мы стали строже,
Чем в те, застойные года.
Но душу рвать — себе дороже.
Не до круизов, господа!

СТУКАЧ

Он знает все,
В конторе сидя,
Жизнь наблюдая из окна.
Где письменно,
Где в устном виде,
Но выдаст каждому сполна.

Лентяй
С уклоном демагога...
Но не о том стоит вопрос.
Не в том секрет,
Что знает много,
А в том,
Что вовремя донес!

В ОЧЕРЕДИ

Перед нахрапистым робя,
"Посторонись, —
Скажу себе я, —
Он хам, ты будь на высоте..."
Молчу.
О нравственном радею,
Но все наглее прохиндеи.
И вот уж я
Торчу в хвосте...

Александр ЧИСТЯКОВ

СМЕХОМ ПО ПОЛЕХАМ

Раз спросили у солдата
назначение автомата
— Я так думаю, наверно,
чтобы чистить ежедневно.

Он кроссы бегает не без умения,
особенно, спеша из увольнения.

— Ну как, ты все мишени поразил?
— приятель у приятеля спросил.
— Не цель я поразил,
а целый взвод.
все пули улетели...
в небосвод.

Шла и водителем этом молва,
что у него не отнять мастерства.
А почему — я узнал между дел:
он мастерством
никаким не владел.

Он из журналов да из книг
секреты многие постиг.
И лишь не знает до сих пор,
как разбирается затвор.

На своей машине так он носится,
будто вех она, бедняга, не изнашивается.
Впрочем, не носился б он на ней,
если б относился как к своей!

"Кого грудней всего возить?" —
спросили
у старого автомобиля.
В ответ раздался грустный гул
мотора
— Конечно, неумелого шофера.

— Как ездил, друг, на этот раз?
— Отлично.
— До гаража машина добралась?
— Частично...

Про него солдаты взвода
говорили: "Редкий лодырь!"
И теперь он всем твердит:
— Редкий — значит, дефицит!

Незачарен, роста среднего на вид,
зато огромной обладает тенью.
Недаром старшина наш говорит:
"Он бросил тень
на все подразделение!"

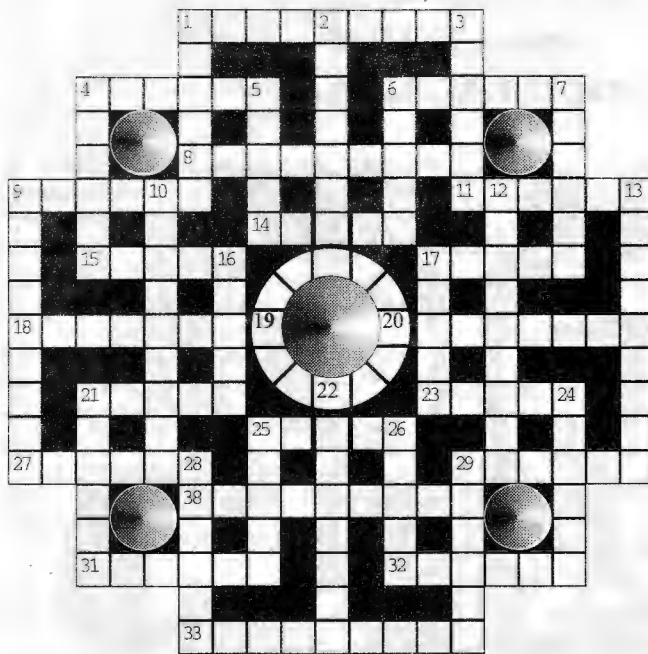
Николай КАЗАКОВ

МЫСЛИ БЫСТРОГО РЕАТИРОВАНИЯ

- ☞ В чем смысл жизни? Может быть, в том, чтобы сделать счастливым хотя бы одного человека? Хотя бы одного... Хотя бы себя...
- ☞ Первым российским утопистом был Герасим.
- ☞ Извечные вопросы русской интеллигенции: "Кто виноват?", "Что делать?", "Где деньги?"
- ☞ Вас ждет большое прошлое.
- ☞ Родина вас не забудет. И не надейтесь.
- ☞ Старшина любил повторять: "Два сапога — пара, а три — уже нет".
- ☞ Сколько раз ни отмеряй, а резать будут по-живому.
- ☞ Бандит в России больше, чем бандит.
- ☞ Зачем себя обманывать?! Найдутся люди, которые сделают это за тебя. И гораздо лучше.

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1. Участок местности, оборудованный для обучения вождению боевых машин. 4. Крытое сооружение на берегу моря (реки, озера) для строительства кораблей, судов. 6. Поселок в Курской области, где проходило крупное сражение в период Великой Отечественной войны в 1943 г. 8. Глава итальянской фашистской партии и правительства в 1922 — 1945 гг. 9. Один из основных факторов, характеризующих местность при оценке ее влияния на организацию и ведение боя. 11. Устный или письменный доклад должностного лица начальнику по установленной форме. 14. Военный летчик-штурмовик, участник Великой Отечественной войны, дважды Герой Советского Союза. 15. Древнейший город в Словакии на одноименной реке, который с IX по XIII век был столицей Нитранского княжества. 17. Политический и государственный деятель Великобритании, участник Берлинской конференции 1945 г. 18. По-

ворот парусного судна с косым парусным вооружением на другой галс носовой частью против встречного ветра. 20. Сооружение, создаваемое в память военно-исторических событий и их участников. 21. Правительство, пришедшее к власти в результате военного переворота. 23. Улучшенная грунтовая дорога. 25. Участник французского движения Сопротивления против фашистских оккупантов в 1941 - 1945 гг., Герой Советского Союза и национальный герой Франции. 27. Пограничный или заградительный отряд и место его расположения. 29. Одно из морально-боевых качеств военнослужащего. 30. Русский физик, автор трудов по электронной оптике. 31. В Испании род холодного оружия - длинный складной нож. 32. Автомобильная или железная дорога в районе боевых действий, проходящая параллельно линии фронта. 33. Русский композитор, автор песен "Заветный камень", "Песня защитников Москвы" и др.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Блестящий успех, выдающаяся победа. 2. Перенос срока призыва на действительную военную службу на более позднее время. 3. Военная форменная парадная одежда. 4. Военная часть или несколько подразделений, перевозимые в одном поезде. 5. Представитель легкой кавалерии, которая появилась в России в 1694 г. при Петре I. 6. Военачальник, генерал армии, участник битв под Москвой и Сталинградом, воевал в Маньчжурии, дважды Герой Советского Союза. 7. Роман Г.И. Коновалова о жизни одной волжской семьи до и после Великой Отечественной войны. 9. Передающая радиостанция, действующая самостоятельно или в составе радионавигационной системы. 10. Современный российский поэт, автор текста песни "Хотят ли русские войны?" 12. Член экипажа пилотируемого космического корабля США. 13. Концентрационный лагерь на оккупированной территории Польши, недалеко от Варшавы. 16. Стремительное движение частей и подразделений с целью уничтожения противника. 17. Русский генерал, участник русско-японской войны 1904-1905 гг., а в 1915-1917 гг. — главнокомандующий армиями Западного фронта. 21. Мыс вблизи Севастополя. 22. Военачальник, Маршал Советского Союза, участник двух мировых войн. 24. Повреждение тканей живого организма механическими воздействиями. 25. Деятель чешского рабочего движения. 26. Военный головной убор. 28. Горючий продукт, применяемый в качестве зажигательно-огнеметных смесей. 29. Крейсер русского Черноморского флота, команда которого в 1905 г. подняла восстание под руководством П.П. Шмидта.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 12, 1997.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 9. Амбразура. 11. Грабин. 12. Тротил. 13. Курок. 14. Обелиск. 16. Полигон. 17. Транспорт. 24. Броневик. 25. Тухманов. 26. Апельдорн. 27. Кронверк. 30. Коккинаки. 35. Суворов. 36. Алешина. 37. Битва. 39. Офицер. 40. Шебека. 41. Душегубки.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Договор. 2. Танкист. 3. Абрек. 4. Канарис. 5. Курск. 6. Патриот. 7. Колонна. 8. Кайзер. 10. Отвага. 15. Кривоногов. 16. Прохорова. 18. Накатник. 19. Потемкин. 20. Обычай. 21. Корвет. 22. Янышев. 23. Сводка. 28. Осипова. 29. Авария. 30. Кожарда. 31. Интрига. 32. Ильюшин. 33. Гитлер. 34. Награда. 37. Брешь. 38. Алиби.

ПО ЦЕНТРАЛЬНОМУ КРУГУ: 19. Часть прибрежной акватории с прилегающей территорией для стоянки кораблей и судов ВМФ, восстановления и поддержания их боеготовности. 20. Искусственная цель.

Составил Евгений КУЛИКОВ

**НАШИ
ИЗДАНИЯ
УДОБНЕЕ
ВЫПИСЫВАТЬ,
ЧЕМ ПОКУПАТЬ**

ISSN 0869-6403

*С Новым годом,
боевые
друзья!*

